

ISSN 2227-1538
eISSN 2307-4590

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю.

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ

Абрамов А.П.

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Межевич Н.М., Жилин Р.Е.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ
НА ПРИМЕРЕ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

Кочетков А.П.

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ
НА ПОЛИТИКУ ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ

Главный редактор ШУМИЛОВ Андрей Владимирович кандидат политических наук, доцент Соредактор СКОВИКОВ Алексей Константинович кандидат политических наук, доцент Ответственный секретарь НИКИФОРОВА Ирина Владимировна Перевод ОРЛОВА Елена Геннадьевна	Научная редакция 16+ АЛЕКСЕЕВ Сергей Валерьевич кандидат политических наук, доцент АРУТЮНОВ Антон Георгиевич кандидат политических наук КАСИМОВ Евгений Витальевич кандидат исторических наук, доцент ШЕВЧЕНКО Екатерина Сергеевна кандидат политических наук
Председатель Редколлегии номера АВЦИНОВА Галина Ивановна доктор политических наук Редакционная коллегия АВЦИНОВА Г.И. – доктор философских наук, профессор (Москва) БОЛЬШАКОВ А.Г. – доктор политических наук, профессор (Казань) БОРЩЕВСКИЙ Г.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) БРОННИКОВ И.А. – кандидат политических наук, доцент (Москва) БУРДА М.А. – доктор политических наук, профессор (Москва) ВАТЫЛЬ В.Н. – доктор политических наук, профессор (Гродно) ГРИШИН О.Е. – кандидат политических наук, доцент (Москва) ГУСЕЛЕТОВ Б.П. – доктор политических наук, доцент (Москва). ИЛЬМЯРВ М. – доктор истории, PhD (Таллин) КАПИЦЫН В.М. – доктор политических наук, профессор (Москва) КЕРЯН Г.М. – доктор политических наук, профессор (Ереван) КОЗЛОВА Н.Н. – доктор политических наук, профессор (Тверь) КОРЯКОВЦЕВА О.А. – доктор политических наук, профессор (Ярославль) ЛЕДЯЕВ В.Г. – доктор философских наук, профессор (Москва), доктор политики, PhD (Манчестер) ЛЕОНТЬЕВА О.В. – кандидат политических наук, доцент (Тирасполь)	МИНЕЕВА Е.К. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) НАСИМОВА Г.О. – доктор политических наук, профессор (Алматы) ОМЕЛЬЧЕНКО Н.А. – доктор исторических наук, профессор (Москва) ПАСТУХОВА Л.С. – доктор педагогических наук, кандидат политических наук, доцент (Москва) ПРОРОК В. – доктор философии, PhD (Прага) РЯБОВА Т.Б. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург) САМАРКИНА И.В. – доктор политических наук, профессор (Краснодар) СЕРГЕВНИИ В.А. – PhD, доктор юриспруденции (Макомб) СОКОЛОВ А.В. – доктор политических наук, доцент (Ярославль) ТУРОВСКИЙ Р.Ф. – доктор политических наук, профессор (Москва) ХОРИНА Г.П. – доктор философских наук, профессор (Москва) ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШАШКОВА Я.Ю. – доктор исторических наук, профессор (Барнаул) ШИРЯКОВ О.Н. – доктор исторических наук, профессор (Чебоксары) ЮРЧЕНКО С.В. – доктор политических наук, профессор, (Симферополь)

Editor-in-Chief SHUMILOV Andrei Executive Secretary NIKIFOROVA Irina Translator ORLOVA Elena Design PAVLUNIN Dmitriy	Co-Editor SKOVIKOV Alexey Editors ALEKSEEV Sergey ARUTYUNOV Anton KASIMOV Evgeniy SHEVCHENKO Ekaterina
Chairman of the Editorial board AVTSINOVA Galina Prof. Editorial Board AVTSINOVA Galina Prof. (Moscow) BOLSHAKOV Andrey Prof. (Kazan) BORSHCHEVSKY Georgiy Prof. (Moscow) BRONNIKOV Ivan Assoc. Prof. (Moscow) BURDA Mihail Assoc. Prof. (Moscow) VATYL Viktor Prof. (Grodno) GRISHIN Oleg Assoc. Prof. (Moscow) GUSELETOV Boris Assoc. Prof. (Moscow) ILMJARV Magnus PhD (Tallinn) HORINA Galina Prof. (Moscow) KAPITSYN Vladimir Prof. (Moscow) KERYAN Garik Prof. (Yerevan) KORYAKOVTESEVA Olga Prof. (Yaroslavl) KOZLOVA Natalia Prof. (Tver) LEONTEVA Olga Assoc. Prof. (Tiraspol)	LEDYAEV Valeriy Ph.D. (Manchester), Prof. (Moscow) MINEEVA Elena Prof. (Cheboksary) NASIMOVA Gulnar Prof. (Almaty) OMELCHENKO Nikolay Prof. (Moscow) PASTUHOVA Larisa Assoc. Prof. (Moscow) PROROK Vladimir. PhD (Prague) RIABOVA Tatiana Prof. (Saint Petersburg) SAMARKINA Irina Prof. (Krasnodar) SERGEVNIN Vladimir Prof. (Macomb) SHIROKOV Oleg Prof. (Cheboksary) SHASHKOVA Yaroslava Prof. (Barnaul) SOKOLOV Aleksander Assoc. Prof. (Yaroslavl) TUROVSKY Rostislav Prof. (Moscow) CHERNYSHOV Yriy Prof. (Barnaul) YURCHENKO Sergey Prof. (Simferopol)

СОДЕРЖАНИЕ

ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Авцинова Г.И., Воронина Е.Ю.

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ **6**

Абрамов А.П.

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА **26**

Межевич Н.М., Жилин Р.Е.

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ
РАСХОДОВ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ПРИБАЛТИКИ **41**

Кочетков А.П.

УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ НА ПОЛИТИКУ
ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ **54**

Бурда М.А.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ **68**

Гришин О.Е.

РЕПУТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ **83**

Денисова Т.С., Костелянец С.В.

ОТ ПЕРЕВОРОТА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ:
ВОЕННЫЕ РЕЖИМЫ МАЛИ, БУРКИНА-ФАСО И НИГЕРА **96**

Кузнецова Е.В.

ФОРМИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СВЯЗЕЙ ДОНЕЦКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСРЕДСТВОМ
ОБЩЕСТВЕННОЙ (НАРОДНОЙ) ДИПЛОМАТИИ **120**

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С.

ЭММАНЮЭЛЬ МАКРОН: ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ
«НАЗНАЧЕННОГО ЛИДЕРА» **145**

Петрова Н.Д.

ДИСКУРС ГИБРИДНЫХ УГРОЗ В СТРАТЕГИЯХ ЕС:

АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ О РОССИИ И СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА **177**

Наши авторы

195

The contents

В журнале отражены личные взгляды авторов,
которые могут не совпадать с позицией редакции журнала «PolitBook».

ТЕМА НОМЕРА

**Г.И. Авцинова,
Е.Ю. Воронина**

**G. Avtsinova,
E. Voronina**

«МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ

SOFT POWER OF RUSSIA IN CENTRAL ASIA: TRENDS OF DEVELOPMENT

Аннотация

В условиях геополитической трансформации мира политика государств Центральной Азии, как результат воздействия на них «мягкой силы» России, приобретает судьбоносное значение. В данном контексте не только технологии «жесткой», «острой» и другой силы, но и технологии, методы «мягкой силы» становятся неотъемлемым инструментом российской политики и усилий дипломатии в регионе, позволяя добиваться долгосрочной стабильности и стратегического партнерства.

Целью исследования является изучение трендов развития и применения инструментов «мягкой силы» во внешней политике России в Центральной Азии, что позволяет не только оценить эффективность существующих механизмов воздействия, но и определить приоритетные векторы влияния нашей страны на государства региона в условиях реальных и потенциальных вызовов текущей политики.

Особое внимание уделяется анализу «мягкой силы» России в отдельных странах Центральной Азии. В результате проведенного исследования авторы пришли к заключению о неоднозначности воздействия российской «мягкой силы» в рассматриваемом регионе. Ее эффективность наиболее выражена в Казахстане и Киргизии, где сохраняются и развиваются культурные связи и взаимное влияние. В то же время, в Узбекистане и Таджикистане наблюдается рост стремления к независимости, что коррелирует со снижением их заинтересованности в российском культурном и медийном пространстве. Это обусловлено сокращением российского влияния в институтах социализации этих стран, ограниченным при-

Abstract

In the context of the geopolitical transformation of the world, the policy of the Central Asian states, as a result of the influence of Russia's soft power on them, is acquiring fateful significance for our country. In this context, not only the technologies of hard, sharp and other power, but also the technologies, methods of soft power become an integral tool of Russian policy and diplomatic efforts in the region, making it possible to achieve long-term stability and strategic partnership.

The purpose of the study is to study trends in the development and use of soft power instruments in Russian foreign policy in Central Asia, which allows not only to assess the effectiveness of existing mechanisms of influence, but also to determine priority vectors of influence on the states of the region in the context of real and potential challenges of current policy.

Particular attention is paid to a comparative analysis of Russia's soft power in individual Central Asian countries. As a result of the study, the authors came to the conclusion that the impact of Russian soft power in the region under consideration is ambiguous. Its effectiveness is most pronounced in Kazakhstan and Kyrgyzstan, where cultural ties and mutual influence are preserved and developed. At the same time, in Uzbekistan and Tajikistan there is an increase in the desire for independence, which correlates with a decrease in their interest in the Russian cultural and media space. This is due to the reduction of Russian influence in the institutions of socialization of these countries, the limited presence of Russian media in national languages, insufficient participa-

сутствием российских СМИ на национальных языках, недостаточным участием в формировании молодых элит, а также низким вниманием российских медиа к региональной информационной повестке. Что касается Туркменистана, он по-прежнему сохраняет баланс между разными моделями взаимодействия с Россией.

Сделан вывод, что «мягкая сила» России в Центральной Азии претерпевает значительные трансформации, адекватно реагируя, в большинстве случаев, на кардинально изменившиеся геополитические условия и возникающие вызовы, что позволяет значительно усилить и укрепить воздействие нашей страны на регион. Помимо традиционных каналов воздействия, таких как поддержка экономического сотрудничества, создание рабочих мест, проведение форумов и конференций, образовательные программы и культурные инициативы, отмечается возрастающее влияние цифровых технологий и медийных платформ на формирование общественного мнения, продвижение позитивного имиджа Российской Федерации в данном регионе, как одной из приоритетных задач.

Ключевые слова:

внешняя политика, «мягкая сила», Россия, Центральная Азия, тренды развития, цифровая платформа, публичная дипломатия.

tion in the formation of young elites, as well as the low attention of Russian media to the regional information agenda. As for Turkmenistan, it still maintains a balance between different models of interaction with Russian.

It is concluded that Russia's soft power in Central Asia is undergoing significant transformations, adequately responding, in most cases, to radically changed geopolitical conditions and emerging challenges, which can significantly enhance and strengthen our country's influence on the region. In addition to traditional channels of influence, such as supporting economic cooperation, creating jobs, holding forums and conferences, educational programs and cultural initiatives, there is an increasing influence of digital technologies and media platforms on the formation of public opinion, promoting a positive image of the Russian Federation in this region as one of the priority tasks.

Key words:

foreign policy, soft power, Russia, Central Asia, development trends, digital platform, public diplomacy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-6-25>

«Мягкую силу» часто рассматривают как способ влияния через культуру, образование, экономику, дипломатию. Не отрицая воздействия через конкретные способы влияния, считаем, что «мягкая сила», в первую очередь, это технология, представляющая совокупность методов, способов, приемов. В отличие от способов влияния, где используется конкретный механизм или техника воздействия, технология влияния предполагает использование более объемного и разнообразного инструментария. Подход к «мягкой силе» как технологии влияния обусловлен также целенаправленностью, последовательностью, систематизацией, координацией, согласованностью действий всех участников процесса, вовлеченных в разработку и реализацию политики «мягкой силы», а также изучением и учетом в реальной политике специфических особенностей и интересов тех, на кого она направлена.

В контексте современных геополитических изменений содержательные и функциональные компоненты «мягкой силы» России в Центральной Азии

претерпевают существенную трансформацию. Изначально в регионе она опиралась на исторические связи, культурное влияние русского языка и образования, а также экономическое сотрудничество. Однако, наблюдаемые в последние годы тенденции, такие как усиление национального самосознания в странах Центральной Азии, диверсификация их внешнеполитических векторов, растущее влияние других глобальных (США, Китай) и региональных (Турция, Иран) акторов требуют не столько адаптации, сколько трансформации «мягкой силы» России с учетом новых геополитических реалий.

Трансформация «мягкой силы» России в Центральной Азии выражается в смещении акцентов с традиционных инструментов (констатация общего исторического прошлого, трансляция культурных ценностей, влияние через образовательные программы) к более прагматичным формам сотрудничества. В частности, наблюдается активизация экономической дипломатии, направленной на реализацию совместных инфраструктурных проектов и развитие торговых связей. Важным элементом становится сотрудничество в сфере обеспечения безопасности, включая военно-техническое сотрудничество, совместную борьбу с терроризмом и экстремизмом. В цифровую эпоху пристального внимания исследователей и политиков требуют проблемы разработки, внедрения и оценки влияния современных цифровых платформ как главного канала «мягкой силы». Эффективность применения российской «мягкой силы» в Центральной Азии зависит от многих факторов, в немалой степени от учета специфики стран региона, уважения их истории, культуры, менталитета, национальных интересов, суверенитета и др. Важным аспектом является также соответствие предлагаемых Россией проектов и инициатив потребностям и приоритетам развития центральноазиатских государств (Nourzhanov & Peyrouse, 2021). Только в этом случае «мягкая сила» может стать эффективным инструментом для укрепления партнерских отношений и поддержания стабильности в регионе.

Существует большой пласт научной и публицистической литературы, целенаправленно исследующей или фрагментарно затрагивающей проблемы политики «мягкой силы» России в Центральной Азии. Среди научной литературы последних лет, специально посвященной данной теме, можно выделить работы следующих российских и зарубежных авторов: П.С. Алещенко, А.А. Керимов (2024), В.В. Комлева (2026), В.О. Кротков (2023), М.М. Лебедева (2014), Д.Э. Летняков, Н.Н. Емельянова (2017), К.С. Мухтарова, А.К. Паизова (2024), М.А. Неймарк (2023), К. Нуржанов, С.Пейруз (2021), М.Ю. Омеличева (2018), С.В. Сакулин (2024), Н.А. Салибаева (2016), И.Р. Томберг (2023) и др.

Использование совокупности методов позволяет обеспечить всесторонний анализ рассматриваемой проблемы. Институциональный подход фо-

кусируется на деятельности формальных и неформальных институтов, через которые осуществляются образовательные обмены, реализуются совместные культурные инициативы, экономические проекты и другие составляющие «мягкой силы». Анализ деятельности таких институтов, как Федеральное агентство Россотрудничество, фонд «Русский мир», Фонд публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, культурные и образовательные центры позволяет выявить механизмы функционирования «мягкой силы» России, оценить ее влияние в регионе через поддержание и распространение русского языка, развитие публичной дипломатии, расширение гуманитарного сотрудничества, работу с соотечественниками, оказавшимися за пределами России. Структурно-функциональный подход позволяет показать взаимосвязь элементов «мягкой силы», их роль в формировании имиджа страны, выявить стратегические цели России в регионе, глубже понять динамику влияния России в Центральной Азии.

Системный метод рассматривает «мягкую силу» как неотъемлемый компонент политики России в системе международных отношений. Его применение помогает понять масштабирование и интеграцию российских инициатив в области «мягкой силы» в такие многоцелевые и многосторонние процессы, как создание Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества.

Метод сравнительного анализа позволяет выявить общие и отличительные черты функционирования «мягкой силы» России в странах Центральной Азии для определения ее эффективности в регионе. В дальнейшем такой метод может быть использован для сопоставления «мягкой силы» России с аналогичными инициативами других стран (Китай, западные государства), исходя из успешности культурных и образовательных программ, степени их популярности и практической востребованности населением разных стран региона.

Специально следует отметить важность анализа цифровых платформ (онлайн курсы, виртуальные выставки, экскурсии), а также влияния российских маркетплейсов за рубежом. Последние могут выполнить роль «цифрового моста» не только в сфере отечественной продукции, малого и среднего бизнеса, способствуя продвижению российских товаров, расширению их присутствия на международных рынках, но и в сфере культуры, дополняя и «облегчая» воздействие традиционных технологий «мягкой» силы России. Привлечение зарубежных блогеров и амбассадоров российских брендов для повышения узнаваемости продукции повышает уровень доверия и симпатий к стране у иностранных потребителей, активизирует такие формы межотрас-

левых коллабораций, как, например, «экспорт плюс культура», «экспорт плюс искусство», «экспорт плюс спорт» и др.

Метод сценариев направлен на поиск возможных будущих вариантов развития событий в контексте функционирования «мягкой силы» России в Центральной Азии на основе анализа текущих трендов, рисков и неопределенностей. Применение данного метода позволяет предположить, какие факторы, трансформации в международной политике и социокультурных предпочтениях могут повлиять на развитие «мягкой силы» России в регионе. Данный метод базируется на выявленных трендах и поможет разработать рекомендации для реализации российских инициатив в ответ на меняющиеся условия.

Таким образом, применение совокупности представленных методов исследования «мягкой силы» России в Центральной Азии позволяет проанализировать механизмы ее функционирования в этом стратегически важном регионе. Каждый из методов предоставляет уникальные инструменты анализа, которые помогут сформировать более четко понимание взаимодействия России с Центральной Азией.

В настоящее время с учетом изменяющихся геополитических условий Россия вынуждена не просто адаптировать те или иные технологии «мягкой силы», апробированные ранее в данном регионе. Актуализируя «индивидуальный» подход к взаимодействию с конкретными государствами Центральной Азии, Россия стремится переориентировать политику, основанную на доминанте принятия общего прошлого, в политику объединения людей на основе долгосрочного сотрудничества в настоящем и будущем, в том числе и в сфере сохранения и пополнения общей исторической памяти.

В данном контексте можно выделить несколько ключевых трендов развития «мягкой силы» России в регионе со смещением вектора направленности в сторону формирования интеграционной союзнической политики консолидированных действий по приоритетным и для России, и для стран региона вопросам.

Укрепление культурных обменов и гуманитарных инициатив представляет собой важный аспект внешней политики России, направленный на создание устойчивых связей с государствами Центральной Азии. В соответствии с этой стратегией, актуализируются существующие механизмы и разрабатываются новые инновационные программы, ориентированные на культурное взаимодействие, реализацию учебных и научных проектов (Мухтарова & Паизова, 2024). Данные инициативы нацелены на формирование платформы для взаимопонимания и многостороннего сотрудничества на основе обмена знаниями и опытом. В частности, акцентируется внимание на инте-

грации образовательных стандартов и научных исследований. Укрепляя связи между Россией и странами Центральной Азии, культурная и научная интеграция способствует развитию общей культурной среды, основанной на общих исторических и социокультурных корнях.

Развитие образовательных программ и расширение стипендиальных инициатив – важнейший тренд политики «мягкой силы» России, актуализировавшийся в последнее время. Сегодня усиление влияния России через образовательные программы, изменение приоритетов сотрудничества в области образования является важным приоритетом в рамках стратегии интернационализации образовательных инициатив. Предоставление стипендий для студентов из Центральной Азии для обучения в российских вузах, а также открытие совместных образовательных учреждений способствуют формированию положительного восприятия России среди молодежи, формируют позитивный имидж ее образовательной системы, что влияет на статус и репутацию страны в целом. Например, в России и филиалах российских вузов в Узбекистане обучаются более 46,7 тыс. граждан Узбекистана, из них 9,1 тыс. – по правительственной квоте. На 2025/2026 учебный год выделено 810 таких мест, на 2026/2027 учебный год планируется выделить такое же количество. Кроме того, по состоянию на 2025/2026 учебный год, в высших учебных заведениях России и их филиалах получают образование свыше 35 тысяч студентов из Таджикистана. Для граждан РТ предусмотрена одна из наиболее значительных квот среди стран СНГ, включающая тысячу государственных стипендий.

В настоящее время многие российские университеты переориентируют вектор международного сотрудничества в сторону стран региона. В этой связи увеличиваются квоты для студентов из этих государств, планирующих обучение в России. РФ разрабатывает совместные исследовательские программы с университетами Центральной Азии для решения проблем, представляющих общий интерес в сфере торговли, экологии и безопасности (Мухтарова & Паизова, 2024). Параллельно в Киргизии и Узбекистане открываются филиалы ведущих российских учебных заведений, таких как МГУ им. М.В. Ломоносова, Казанского университета, Высшей школы экономики, Российского гуманитарного университета и др. Кроме того, в рамках укрепления образовательного сотрудничества в сентябре 2024 года Министерство образования и науки Татарстана открыло 100 квот для таджикских школьников, желающих пройти обучение по программам начального и среднего профессионального образования. Россия, в свою очередь, инвестирует в строительство школ в Таджикистане, тем самым значительно расширяя привлекательность российского по-

литического курса, ценностей и культуры, становясь важным инструментом внешнеполитической стратегии в цифровую эпоху.

Активизация участия России в региональных интеграционных процессах и проектах Центральной Азии – тренд, четко обозначившийся в условиях усиления вектора внешней политики РФ в сторону данного региона. Формирование позитивного имиджа России, распространение культуры, национальных ценностей и нарративов успешнее происходит не просто через покровительство, заинтересованность или даже периодическую сопричастность страны к тем или иным совместным проектам, а через непосредственное, инициативное, перманентное, стратегически ориентированное участие всех заинтересованных российских акторов в интеграционных процессах и проектах региона. Раскрытию этой технологии «мягкой силы» России в Центральной Азии посвящено немало исследований, в частности, анализу деятельности Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) (Безбородов, 2026; Курылев, Малышев, Хотивришвили, Шабловский, 2021). Поддержка экономического сотрудничества и совместных инициатив дает возможность нашей стране укрепить свои позиции как важного партнера для стран Центральной Азии. Например, с 2024 года в рамках ЕАЭС Россия уделяет приоритетное внимание стимулированию роста электронной торговли. Согласно статистическим данным Евразийской экономической комиссии, в 2024 году оборот электронной коммерции на территории ЕАЭС достиг приблизительно 82 млрд долларов США. В рамках стратегии развития Союз нацелен на увеличение доли онлайн-торговли до 30% от общего объема розничных продаж к 2030 году. В рамках ШОС с 2024 года Российская Федерация активно участвует в реализации совместных проектов, направленных на модернизацию транспортной сети, развитие энергетического сектора, укрепление горнодобывающей и перерабатывающей отраслей. В частности, российские предприятия задействованы в продвижении китайской инициативы «Один пояс – один путь», а также в строительстве на территории государств-членов организации ключевых энергетических объектов. Эти и другие направления экономического сотрудничества укрепляют взаимовыгодные долгосрочные связи, создают устойчивые партнерские отношения, демонстрируют технические и технологические возможности России, усиливая ее авторитет и влияние на многие десятилетия. Являясь инструментом продвижения в первую очередь технологических интересов страны, успешные экономические инициативы и проекты России с государствами Центральной Азии демонстрируют также готовность к сохранению исторического наследия народов, взаимодействию куль-

тур, гуманитарному сотрудничеству, поддержке креативных индустрий и реализации совместных творческих проектов.

Продуктивные диалоги в сфере безопасности и устойчивости России и Центральной Азии в условиях жесткой геополитической конкуренции являются сегодня смысловым ядром «мягкой силы». Через инициативы, направленные на совместное противодействие традиционным и новым угрозам, вызовам и рискам, Россия стремится укрепить свои позиции как надежного партнера в обеспечении стабильности региона через участие в учениях ОДКБ и ШОС, экспорт военной техники и обучение иностранных офицеров (Мухтарова & Паизова, 2024). Вооруженные силы России занимают центральное место в проведении совместных операций, учений и поддержании стабильности в рамках этих организаций. Россия выступает в качестве основного источника финансирования и координационного центра для деятельности ОДКБ. Однако, доминирование силового компонента может ослаблять ее восприятие как гуманитарного и культурного центра притяжения, поскольку изначально «мягкая сила» ориентирована на влияние через привлекательность, позитивный имидж, убеждения, сотрудничество, то есть строится на ненасильственных формах влияния (Летняков, Емельянова, 2017; Байходжаева, 2025). Актуализация военной составляющей сотрудничества, доминирование силового компонента «мягкой силы» обусловлены целым рядом обстоятельств, в том числе милитаризацией гражданской повестки со стороны геополитических конкурентов. Этот вопрос требует целового исследования. Здесь подчеркнем следующее. В иных условиях приоритет «жесткой» силы в ущерб культурно-ценностным, имиджевым компонентам «мягкой силы», значительно усиливает риски получения прямо противоположного эффекта, поэтому важно, чтобы применение этого инструментария оставалось в рамках правовых и этических норм и принципов.

Продвижение экономических интересов через бренды и имиджевые проекты, особенно в сферах высоких технологий и природных ресурсов, укрепляет имидж России как страны, способствующей экономическому развитию Центральной Азии. Ключевую роль в этом процессе играют проекты по модернизации инфраструктуры и прямые инвестиции в экономику стран региона. Согласно информации ЕАБР, в середине 2024 года общий объем прямых иностранных инвестиций, поступивших из России, в пять стран Центральной Азии, составил 22,2 млрд долларов в 111 проектов. Казахстан является ключевым партнером России, лидируя по количеству реализуемых проектов и объему привлеченных инвестиций. На сегодняшний день важнейшие проекты между Россией и странами Центральной Азии реализуются в области промышленного производства, энергетики и добычи полезных ис-

копаемых. Особое внимание уделяется модернизации инфраструктурных объектов в бассейнах рек Амударья и Сырдарья, внедрению передовых водосберегающих и рециркуляционных технологий, а также инициативам по экологическому восстановлению Приаралья. Одним из перспективных направлений развития российской энергетической инфраструктуры является проект Каспийского энергетического кольца (КЭК). Данная инициатива предполагает интеграцию энергетических систем России, Ирана, Азербайджана и государств Центральной Азии. Предоставление налоговых льгот и финансовых возможностей российским компаниям, инвестирующим в регион, облегчает процесс торговли за счет упрощения таможенных процедур и снижения торговых барьеров. Подобные меры приводят к укреплению экономических отношений между Россией и Центральной Азией, способствуют экономическому процветанию региона и укреплению позитивного имиджа России как надежного торгового партнера.

Инвестиционная активность в Центральной Азии разнообразна и охватывает энергетику, промышленность, цифровые технологии, логистику и другие сферы. Однако объемы и динамика инвестиций могут меняться в зависимости от ряда факторов, геополитической ситуации в том числе. В 2025-2026 гг. российские компании часто выбирают Казахстан в качестве стратегического партнера и надежного союзника. Дочерняя компания российского «Еврохима» намерена запустить выпуск серной кислоты и сложных удобрений в 2026 году. Госкорпорация «Росатом» участвует в подготовке строительства первой атомной электростанции в Казахстане, начав изыскательские работы на озере Балхаш в августе 2025 года. Росатом активно развивает ветроэнергетику и другие возобновляемые источники энергии в Киргизии. В частности, в августе 2025 года ее дочерняя компания «НоваВинд Кыргызстан» заключила с Фондом зеленой энергетики Киргизии соглашение о гарантированном выкупе электроэнергии. Это соглашение является частью проекта по строительству ветровой электростанции в Иссык-Кульской области. «Газпром», «Лукойл» и «Татнефть» реализуют значимые инфраструктурные и производственные проекты в Узбекистане, особенно в энергетическом и перерабатывающем секторах. Российская компания АО «ЛЗМ» (Люберецкий завод Монтажавтоматика) готовится к запуску производства силовых трансформаторов в Узбекистане. В Таджикистане функционирует свыше трехсот предприятий, в уставном капитале которых присутствует российский капитал. Среди них можно выделить дочерние организации таких российских компаний, как «Газпром», «Вымпелком», «Мегафон» и др. В перспективе реализации совместного проекта по созданию индустриального парка в Душанбе.

Актуализация информационной политики и медийного влияния должны стать ведущими направлениями «мягкой силы» России в Центральной Азии. Развитие медиатехнологий (социальных сетей, мессенджеров), искусственного интеллекта изменили способы коммуникации и влияния на широкую аудиторию, освещения событий с акцентуацией на определенные интересы, формирования повестки, управления общественным мнением, влияя на привлекательность идей, ценностей, культуры, образов, создание позитивного или негативного имиджа страны в целом.

Оценивая важность этого компонента воздействия, Российская Федерация направляет усилия на оптимизацию информационного пространства в странах Центральной Азии. Реализация этого направления включает институционализацию и эксплуатацию русскоязычных медиа-платформ как инструмента «мягкой силы» и средства формирования единого коммуникационного поля с целью укрепления культурно-информационных связей, позитивного имиджа государства, нейтрализации деструктивных стереотипов и противодействия дезинформации (Ерманалиева, 2024). Создание в 2025 году русскоязычного телеканала в Центральной Азии, предлагающего культурные, образовательные и информационные программы, является важнейшим шагом в усилении медийного влияния. История России, достижения в области науки, культуры, образования, туристические маршруты, возможности для развития бизнеса, добрососедских связей – эти и другие направления, и различные инициативы способствуют популяризации в регионе российской культуры и ценностей, а также содействуют развитию дружеского сотрудничества и союзничества стран и народов (Байходжаева, 2025).

Для продвижения информационной политики, усиления и масштабирования медийного влияния России в регионе разработка и внедрение современных цифровых платформ взаимодействия должны стать предметом особого внимания, как одного из ключевых элементов стратегии «мягкой силы», предоставляя новые возможности для взаимодействия с разными аудиториями, но особенно молодежной. В последние годы наблюдается укрепление позиций России в этом сегменте (Неймарк, 2023).

На фоне увеличения числа пользователей интернета и активного внедрения цифровых технологий в Центральной Азии Россия инициирует разработки, которые позволяют расширить охват и улучшить качество образовательных и культурных инициатив. Основные направления такой деятельности включают: создание онлайн-курсов, проведение культурных виртуальных мероприятий, реализацию совместных проектов. Создание онлайн-курсов предполагает разработку дистанционных образовательных программ на различных языках, включая русский и языки стран Центральной Азии,

что способствует передаче и усвоению знаний и культурных ценностей. Данные курсы охватывают различные дисциплины, от гуманитарных наук до технологий, что формирует интеграционную среду для студентов. Культурные виртуальные мероприятия включают организацию и проведение онлайн-выставок, концертов и вебинаров, что позволяет не только продемонстрировать богатство российской культуры, но и способствует взаимодействию с культурными деятелями из Центральной Азии. Такие мероприятия помогают преодолевать исторические и географические барьеры, создавая интерактивную платформу для обмена идеями и культурными инновациями. Разработка совместных исследовательских инициатив и культурных программ в рамках университетов и других образовательных учреждений открывает новые горизонты для взаимопонимания и сотрудничества между Россией и Центральной Азией. Эти проекты способствуют формированию устойчивых партнерских отношений, позволяя молодежи разных стран обмениваться опытом.

Российские компании активно способствуют развитию цифровизации в области экономики в Центральной Азии. В частности, в Таджикистане Wildberries доминирует на рынке онлайн-торговли с долей свыше 50%, а российские IT-специалисты участвуют в разработке проекта «Умный город» в Душанбе. Россия и Туркменистан сотрудничают в сфере цифровых технологий, обмениваясь опытом в информационной безопасности. С 2024 года в Ашхабаде успешно функционирует приложение «Цифровой город», предоставляющее жителям электронные услуги и возможность оплаты коммунальных услуг. В конце марта 2026 г. в Казахстане состоялся международный цифровой форум Digital Qazaqstan 2026, основной целью которого является стимулирование более широкого внедрения цифровых технологий и искусственного интеллекта в реальном секторе экономики, государственном управлении и социальной инфраструктуре. В 2025 году российский рынок по разработке программного обеспечения и услуг продемонстрировал значительный рост, достигнув 2,5 трлн рублей, что на 20% больше, чем в 2024 году. При этом сегмент промышленного программного обеспечения увеличился до 50 млрд рублей.

Прогнозируемые тренды в среднесрочной перспективе указывают на необходимость комплексного подхода, включающего как традиционные формы взаимодействия, так и современные цифровые решения, что позволит повысить уровень влияния России в стратегически важном для нее регионе (Неймарк, 2023).

Развитие и расширение масштабов и механизмов публичной дипломатии – важнейший тренд «мягкой силы» России. Использование публичной

дипломатии для продвижения «мягкой силы» в Центральной Азии является направлением, требующим активизации и пристального внимания всех заинтересованных российских организаций и структур, но одновременно и актуализации взаимодействия с соотечественниками, ориентированными на многогранную деятельность по формированию и продвижению позитивного имиджа России (Томберг, 2023; Сакулин, 2024). Значимые культурные события, фестивали, конференции, научные дискуссии и др., распространяя знания о российской культуре и внешней политике, способствуют положительному восприятию страны за рубежом (Сакулин, 2024). В качестве примера можно назвать цикл культурных мероприятий «Русские сезоны», которые прошли в марте 2023 года в Астане (Алещенко & Керимов, 2024), Дни культуры РФ в Таджикистане, собравшие в том же году рекордное количество участников. Открываются новые российские культурные центры в Казахстане и Таджикистане. В частности, в конце 2024 года в Душанбе был открыт культурно-образовательный комплекс «Россия с вами», оборудованный современными технологиями: интерактивной мультимедийной панелью с доступом в интернет, оборудованием для видеосвязи и цифровой панелью с образовательным контентом. В 2025 году главы России и Таджикистана, В.В. Путин и Э.Ш. Рахмон, инициировали начало строительства нового здания Государственного русского драматического театра имени В. Маяковского и Международного образовательного центра для одаренных детей в Душанбе. На государственном уровне подобные инициативы способствуют укреплению связей с представителями интеллектуальной и политической элиты региона, сохранению влияния русской культуры, оказывают воздействие на формирование общественного мнения.

Таким образом, в условиях растущей конкурентной среды Россия активно развивает свою «мягкую силу» на постсоветском пространстве, акцентируя внимание на культурных, образовательных и экономических инициативах и проектах в контексте ориентации политики не только на краткосрочные, но преимущественно долгосрочные стратегии. Политика «мягкой силы» России в Центральной Азии сегодня направлена на выработку союзнических отношений, основана на учете взаимных интересов, строится на объединяющих технологиях, способных выработать консолидированные решения и действия.

Заявление востоковеда В.А. Аваткова в октябре 2025 года, процитированное многими СМИ, о том, что «российская модель применения «мягкой силы» в Средней Азии демонстрирует полный провал», а Россия стремительно теряет позиции в результате «собственной стратегической близорукости», ориентировано, скорее, на актуализацию дискуссии эффективности

политики России в этом регионе. Частично можно согласиться с мнением специалиста, хорошо знающего этот регион. Действительно, слабости стратегии России в Средней Азии проявляются в недостаточной гибкости к быстро меняющимся условиям, усиливающейся конкуренции. Невозможно оспаривать нарративы В.А. Аваткова о том, что необходим контроль над образовательной политикой центральноазиатских государств, важно продвижение русского языка не как самоцели, а как «проводника к актуальным смыслам и ценностям» и др.

Безусловно, лишь пассивно-формальное присутствие России в регионе может привести к дисбалансу и конфликту интересов, ослаблению управляемости, недостаточной гибкости в учете специфики центральноазиатских стран, в итоге к политическим кризисам, недоверию к российской политике в целом, существенному затруднению в реализации «мягкой силы». Однако пассивно реализуемая стратегия, равно как и «агрессивно» продвигаемая стратегия, за которую выступает В.А. Аватков, может снизить потенциал «мягкой силы», привести к прямо противоположному результату. «Агрессивно» продвигаемая стратегия может порождать «эффект усталости» от присутствия другой страны на своей территории. Предполагая решительные действия для достижения своих интересов и целей, такая политика нередко связана с «жесткими» и рискованными действиями, распространяя их на все сферы жизнедеятельности страны. Она проявляется в резком увеличении военных расходов в ущерб социальным, нелегитимной борьбе с конкурентами, использовании экономических инструментов для достижения политических целей, вмешательстве во внутренние дела других стран и др. Как справедливо отметил С. Храмов, с позицией которого мы солидаризируемся, американские эксперты и политики, употребляя понятие «мягкая сила», в большей степени акцентируют внимание на «давлении одной страны на другую» без использования военной силы. Культурные контакты и гуманитарные проекты лишь способствуют решению основной задачи – через нажим, прессинг, давление на страну принудить ее следовать интересам и политике США. Отсюда нередко восприятие американской «мягкой силы» в регионе как чуждой, отдаленной, навязанной извне.

Нарастание напряженности между Соединенными Штатами и Российской Федерацией в последние годы способствовало росту недоверия к американскому влиянию в Центральной Азии (Jabber & Farhat, 2025). Россия, предложив альтернативу американской «мягкой силе», укрепила свои позиции. В частности, было инициировано создание Евразийского экономического союза – региональной организации, нацеленной на экономическую интеграцию с Центральной Азией, что усилило экономическую и политическую

мощь России на пространстве СНГ. На сегодняшний день доля ЕАЭС составляет около 40% внешней торговли государств Центральной Азии.

В отличие от США, влияние России в Центральной Азии, по мнению С. Храмова, взаимное и взаимообогащающее. Россия не давит на другие страны и не принуждает их следовать своей политике, разделять российские ценности или принципы взаимоотношений. Географическая и историческая близость России, связанная культурными и языковыми корнями с Центральной Азией, общим прошлым, «облегчают» восприятие российской «мягкой силы» как органичной, социокультурно обусловленной. Такие примеры российского культурного влияния, как большая популярность русской музыки, историческое присутствие российской архитектуры и искусства в Центральной Азии, являются наглядными свидетельствами успешного экспорта российской культуры и позиционирования ее как эталона в данном регионе (Летняков, 2024). Американская же «мягкая сила» часто воспринимается там как чуждая, отдаленная, навязанная извне.

Взаимообогащающее влияние России и государств Центральной Азии возникает и в связи с тем, что страны этого региона создают свои технологические воздействия, привлекательные для России и других стран. Перспективным является участие государств Центральной Азии в российских программах импортозамещения, получающих заказы на изготовление деталей на своих предприятиях, создавая совместные промышленные зоны и локации, что важно в условиях санкций против нашей страны. Объединение ресурсов при создании общей цифровой экосистемы – одно из свидетельств взаимовлияния. Рост числа туристов из РФ в страны Центральной Азии также является показателем растущего взаимовлияния и взаимообогащения. В 2024 году россияне совершили более 3,75 млн туристических поездок в государства этого региона. Наибольший прирост российских туристов зафиксирован в Узбекистане и Таджикистане.

Сегодня Россия демонстрирует в Центральной Азии не только формальное присутствие, но и содержательное партнерство с использованием инструментов «мягкой силы». Для иллюстрации сошлемся на некоторые примеры. В Киргизии активна деятельность Россотрудничества и различных фондов (например, Фонда «Евразийцы-новая волна»), продвигающих культурно-образовательные проекты. Также здесь заметна поддержка русского языка как языка межнационального общения, в том числе посредством российских телеканалов. В Таджикистане Россия инвестирует в строительство школ, в которых преподают российские педагоги. В Казахстане элементы «мягкой силы» встраиваются в деятельность российской Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и инфраструктурные проекты в

рамках ЕАЭС во многом для реализации экономических интересов. Вместе с тем, «мягкая сила» России в Центральной Азии демонстрирует противоречивую динамику. В Казахстане и Киргизии ее влияние более заметно благодаря поддержке культурных связей, Узбекистан и Таджикистан проявляют растущую независимость и снижение интереса к российскому культурному и медийному влиянию, что обусловлено рядом факторов. Среди них – сокращение российского участия в институтах социализации этих стран, ограниченное присутствие российских медиа в контенте на национальных языках, недостаточное вовлечение в подготовку молодых элит. Интерес российских СМИ к информационной повестке региона не всегда адекватен стратегическим потребностям и задачам России. (Комлева, 2026). Туркменистан продолжает балансировать между различными моделями взаимодействия с Россией.

Укрепление позиций России в регионе предусматривает корректировку политики «мягкой силы» в направлении активизации образовательных и культурных программ, интеграции информационных и цифровых платформ, укрепления экономического присутствия. Отметим три возможных варианта развития «мягкой силы» России в Центральной Азии.

В рамках оптимистичного варианта Россия успешно реализует свою стратегию «мягкой силы», что приведет к устойчивым взаимовыгодным отношениям со странами региона. Ключевыми предпосылками этого варианта являются глубокая интеграция компонентов «мягкой силы» в экономическое, социально-политическое и культурное пространство стран Центральной Азии, партнерство и сотрудничество, культурная дипломатия, безопасность и стабильность. Глубокая интеграция и сотрудничество коррелируют с укреплением экономических и политических связей через участие в интеграционных процессах, деятельности ЕАЭС и ШОС. Экономический рост стран региона повышает доверие к России. Культурная дипломатия предполагает активное участие в культурных обменах и образовательных инициативах, формирующих репутационный капитал и позитивный имидж России среди населения, особенно молодежи Центральной Азии. Эффективное содействие в вопросах безопасности, включая совместные антитеррористические операции и укрепление пограничного контроля, формируют России имидж как надежного партнера в обеспечении стабильности в регионе. В результате реализации данного сценария можно ожидать, что в среднесрочной перспективе Россия будет восприниматься как влиятельная сила в Центральной Азии с увеличением интеллектуального и культурного обмена.

Вариант умеренной стабильности предполагает, что Россия продолжит наращивать «мягкую силу», однако столкнется с традиционными и новыми вызовами и рисками, периодическими кризисами и неопределенностями в

отношениях с государствами Центральной Азии, усиливающейся конкуренцией других региональных акторов, в первую очередь Китая, Ирана, Турции. Возможное ослабление влияния России в Центральной Азии в случае недооценки или игнорирования новых проблем, опасностей и угроз констатируется рядом исследователей (Ерманалиева, 2024; Аватков & Ерманалиева, 2024; Мухтарова & Паизова, 2024). Недостаточная внутрирегиональная интеграция, недооценка Россией уровня технологического развития стран Центральной Азии, противоречия во внутрирегиональных хозяйственных отношениях могут затруднить реализацию инициатив, предпринятых нашей страной. Согласно этому варианту развития «мягкой силы», в среднесрочной перспективе Россия останется значимой силой в регионе, но произойдет сужение и размывание ее позиций в результате более наступательной политики других акторов.

Пессимистичный вариант развития событий и процессов характеризуется минимизированным влиянием «мягкой силы» России в Центральной Азии. Основные характеристики этого сценария заключаются в следующем: углубление негативного восприятия России, увеличение конкуренции со стороны других акторов, выдавливание нашей страны из региона, нарастание социальной тревожности и протестных акций. В условиях геополитических, экономических, политических вызовов, отсутствия перманентного конструктивного диалога с региональными элитами и гражданским обществом, а также адекватного мониторинга внутриполитических процессов в центральноазиатских странах, Российская Федерация рискует столкнуться с эскалацией негативного восприятия, ростом антироссийских настроений, снижением уровня общественного доверия к руководству и политике нашей страны. Расширение сфер влияния Китая, Ирана, Турции, вмешательство Запада в дела центральноазиатских республик могут серьезно ограничить возможности России в реализации своих интересов и инициатив в регионе (Ерманалиева, 2024; Аватков & Ерманалиева, 2024; Мухтарова & Паизова, 2024). Увеличение социальной напряженности и протестных настроений в странах Центральной Азии может также отрицательно сказываться на российском присутствии, особенно если оно будет воспринято как вмешательство. При развитии этих и других негативных тенденций влияние России в регионе будет значительно ослаблено, что приведет к минимизации культурных, образовательных и экономических связей.

Таким образом, возможные варианты развития «мягкой силы» России в Центральной Азии могут варьироваться в зависимости от ее внутренней политики, экономической ситуации и глобальных тенденций. Очевидно, что наращивание усилий России в развитии взаимовыгодного сотрудничества во

всех направлениях способствует росту ее влияния в Центральной Азии. Геополитическая ситуация потребует от России гибкости, адаптивности и наступательности в разработке и реализации политики взаимодействия с центральноазиатскими государствами. Устойчивое и последовательное развитие «мягкой силы» возможно лишь при наличии комплексной стратегической концепции, учитывающей внутренние и внешние вызовы.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что «мягкая сила» России в Центральной Азии находится в стадии активной трансформации, адаптируясь к новым реалиям. Наряду с традиционными сферами влияния (образование и культурный обмен) наблюдается усиление роли цифровых инструментов и медийных платформ в формировании общественного мнения, продвижении положительного образа России в регионе. Успешная реализация стратегии российской «мягкой силы» требует поддержания высокого уровня экономической, социально-политической, культурно-образовательной привлекательности. Дальнейшие тренды развития будут во многом определяться способностью России к эффективному взаимодействию с местными элитами, учету национальных интересов стран региона, поддержанию открытого диалога со всеми заинтересованными структурами и акторами. Эффективная реализация технологий российской «мягкой силы» будет способствовать дальнейшему укреплению стратегического партнерства нашей страны с государствами Центральной Азии, обеспечению региональной стабильности и безопасности, а также формированию благоприятной среды для устойчивого экономического и социально-политического развития.

Литература

Jabber, M. N. J., & Farhat, A. S. F. (2025). International Competition in Central Asia Perspective in International Relations. *International Competition in Central Asia Perspective in International Relations*, 2(4), 377-394.

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). The Geopolitical Influence of Soft Power on Central Asian Countries. *International relations and international law Journal*, 108(4), 47-59.

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). Strategic Instruments of Soft Power: The Experience of Global Actors in Central Asia. *Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы*, 4(108), 47-59. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v108-i4-a5>

Nourzhanov, K., & Peyrouse, S. (2021). *Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction*. Bloomsbury Publishing PLC.

Omelicheva, M. Y. (2018). «Central Asia» in *Routledge Handbook of Russian Foreign Policy*. Edited by Andrei P. Tsygankov. Routledge, 325-337.

Аватков, В. А., & Ермналиева, А. Р. (2024). Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции. *Постсоветские исследования*, (1), 9-19.

Алещенко, П. С., & Керимов, А. А. (2024). «Мягкая сила» России в Казахстане: культурные и экономические аспекты. *Социально-политические науки*, Т. 14. 1, 35-40. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-1-35-40>

Байходжаева, А. А. (2025). Инструменты «мягкой силы» Европейского союза в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*, 12(3), 185-195. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-3-185-195>

Безбородов, Ю. С. (2026). Межинституциональное сотрудничество государств на евразийском пространстве: ШОС и ЕАЭС на перекрестке Шелкового пути. *Теория и практика общественного развития*, 2. 159-166. <https://doi.org/10.24158/tipor.2026.2.19>.

Блищенко, В. И. (2020). Проблемы независимой Киргизии и интересы России. *Обозреватель*, 4 (363), 78-87.

Ермналиева, А. Р. (2024). Идейно-ценностное влияние США и Турции на информационное пространство Казахстана. *Постсоветский материк*, (4), 79-90. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_4_79

Жакьянова, А. М. (2017). Ресурсы «мягкой силы» во внешней политике Казахстана. *Дискурс-Пи*, 1 (26), 101-110. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.101110>.

Комлева, В. В. (2026). Коммуникационные режимы стран Центральной Азии в меняющихся условиях. *Международная жизнь*, 1, 76-83.

Кротков, В. О. (2023). «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил. *Ближний и Постсоветский Восток*, 4 (4), 7-17. <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.04.01>

Курылев, К., Малышев, Д., Хотивришвили, А., & Шабловский, В. (2021). ШОС и ЕАЭС в контексте евразийской интеграции. *Мировая экономика и международные отношения*, 65 (2), 81-88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>

Лебедева, М. М. (2014). «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия. *Вестник МГИМО-Университета*, 2(35), 47-55. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55>

Летняков, Д. А. (2024). Транснациональная память в постсоветской Центральной Азии как ресурс «мягкой силы». *Международные процессы*, 22(3-4), 123-141. <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.7>

Летняков, Д. Э., Емельянова, Н. Н. (2017). Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия. *Мир России*. Т. 26. № 4. С. 118-142. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142>.

Махмудов, Р. Б. (2021). Внешняя политика современного Узбекистана. *Россия и новые государства Евразии*, 1 (50), 121-134. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-121-134>.

Неймак, М. А. (2023). Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России. *ЛитРес*.

Сакулин, С. В. (2024). Вызовы и риски реализации российской «умной силы» и инструменты их преодоления. Постсоветский материк, (3), 63-82. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_3_63

Салибаева, Н. А. (2016). К вопросу о концепции «Мягкой силы» во внешней политике Республики Таджикистан. Таджикистан и современный мир, 4 (54), 12-22.

Томберг, И. Р. (2023). Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, (35), 91-104.

References

Aleshchenko, P. S., & Kerimov, A. A. (2024). «Myagkaya sila» Rossii v Kazahstane: kul'turnye i ekonomicheskie aspekty. Social'no-politicheskie nauki, T. 14. 1, 35-40. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2024-14-1-35-40>. (In Russ.)

Avatkov, V. A., & Ermanalieva, A. R. (2024). Kazakhstan kak centr stolknoveniya interesov global'nyh igrokov na postsovetском prostranstve: Rossii, Kitaya, SShA i Turcii. Postsovetские issledovaniya, (1), 9-19. (In Russ.)

Bajhodzhaeva, A. A. (2025). Instrumenty «myagkoj sily» Evropejskogo soyuza v Central'noj Azii. Problemy postsovetского prostranstva, 12(3), 185-195. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-3-185-195>. (In Russ.)

Bezborodov, Yu. S. (2026). Mezhhinstitucional'noe sotrudnichestvo gosudarstv na evrazijskom prostranstve: SHOS i EAEHS na perekrestke Shelkovogo puti. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya, 2. 159–166. <https://doi.org/10.24158/tipor.2026.2.19>. (In Russ.)

Blishchenko, V. I. (2020). Problemy nezavisimoy Kirgizii i interesy Rossii. Obozrevatel', 4 (363), 78-87. (In Russ.)

Ermanalieva, A. R. (2024). Idejno-cennostnoe vliyanie SShA i Turcii na informacionnoe prostranstvo Kazahstana. Postsovetский материк, (4), 79-90. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_4_79. (In Russ.)

Jabber, M. N. J., & Farhat, A. S. F. (2025). International Competition in Central Asia Perspective in International Relations. International Competition in Central Asia Perspective in International Relations, 2(4), 377-394.

Komleva, V. V. (2026). Kommunikacionnye rezhimy stran Central'noj Azii v menyayushchihsya usloviyah. Mezhdunarodnaya zhizn', 1, 76-83. (In Russ.)

Krotkov, V. O. (2023). «Myagkaya sila» v sredneaziatskom regione: obshchie kontury balansa sil. Blizhnij i Postsovetский Vostok, 4 (4), 7-17. <https://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2023.04.01> (In Russ.)

Kurylev, K., Malyshev, D., Hotivirshvili A., & Shablovskij, V. (2021). SHOS i EAEHS v kontekste evrazijskoj integracii. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 65 (2), 81-88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>

Lebedeva, M. M. (2014). «Myagkaya sila» v otnoshenii Central'noj Azii: uchastniki i ih dejstviya. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2(35), 47-55. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-2-35-47-55>. (In Russ.)

Letnyakov, D. A. (2024). Transnacional'naya pamyat' v postsovetской Central'noj Azii kak resurs «myagkoj sily». Mezhdunarodnye processy, 22(3-4), 123-141. <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.3-4.78-79.7>. (In Russ.)

Letnyakov, D. E., Emel'yanova, N.N. (2017). Strategii «myagkoj sily» v postsovetской Central'noj Azii: Rossiya vs SShA, Kitaj, Indiya. Mir Rossii. T. 26. № 4. S. 118-142. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142>. (In Russ.)

Makhmudov, R. B. (2021). Vneshnyaya politika sovremennogo Uzbekistana. Rossiya i novye gosudarstva Evrazii, 1 (50), 121-134. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-1-121-134>. (In Russ.)

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). The Geopolitical Influence of Soft Power on Central Asian Countries. International relations and international law Journal, 108(4), 47-59. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v108-i4-a5>

Mukhtarova, K., & Paizova, A. (2024). Strategic Instruments of Soft Power: The Experience of Global Actors in Central Asia. Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы, 4(108), 47-59. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v108-i4-a5>

Nejmark, M. (2023). Krizisnaya geopolitika: opyt i perspektivy «myagkoj sily» Rossii. LitRes. (In Russ.)

Nourzhanov, K., & Peyrouse, S. (2021). Soft Power in Central Asia: The Politics of Influence and Seduction. Bloomsbury Publishing PLC.

Omelicheva, M. Y. (2018). «Central Asia» in Routledge Handbook of Russian Foreign Policy. Edited by Andrei P. Tsygankov. Routledge, 325-337.

Sakulin, S. V. (2024). Vyzovy i riski realizacii rossijskoj «umnoj sily» i instrumenty ih preodoleniya. Postsovetskij materik, (3), 63-82. https://doi.org/10.48137/23116412_2024_3_63. (In Russ.)

Salibaeva, N. A. (2016). K voprosu o koncepcii «Myagkoj sily» vo vneshnej politike Respubliki Tadjikistan. Tadjikistan i sovremennyy mir, 4 (54), 12-22. (In Russ.)

Tomberg, I. R. (2023). Russkij mir kak element «myagkoj sily» Rossii v stranah Central'noj Azii. Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir, (35), 91-104. (In Russ.)

Zhak'yanova, A. M. (2017). Resursy «myagkoj sily» vo vneshnej politike Kazahstana. Diskurs-Pi, 1 (26), 101-110. <https://doi.org/10.17506/dipi.2017.26.1.101110>. (In Russ.).

Для цитирования: Авцинова, Г. И. «Мягкая сила» России в Центральной Азии: тренды развития / Г. И. Авцинова, Е. Ю. Воронина // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 6-25. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-6-25.

А.П. Абрамов**A. Abramov****ВОЕННОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СТРАН
ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОЮЗА****MILITARY COOPERATION
TO ENSURE
DEMOGRAPHIC SECURITY
IN THE EURASIAN
ECONOMIC UNION****Аннотация**

Современная логика военного сотрудничества встроена в общую систему международных отношений на всем постсоветском пространстве, несмотря на сложный мозаичный характер межстранового взаимодействия. Демографический фактор выступает в качестве важнейшего при решении задач военного и социально-экономического планирования. Формирование современного облика вооруженных сил стран-участниц ЕАЭС в демографической оптике требует глубокого научного изучения, поскольку именно в военном деле задействованы все сферы жизнедеятельности человека. Концептуализация основных положений военного сотрудничества по обеспечению демографической безопасности рассматривается в контексте современных вызовов и угроз для стран-участниц ЕАЭС. Определены направления военного сотрудничества на пространстве ЕАЭС с учетом национальной специфики. Представлены приоритетные направления обеспечения национальной безопасности в странах ЕАЭС с учетом современной международной повестки. Охарактеризованы методики оценки военной мощи по количественным и качественным показателям. Намечены перспективы для дальнейшей консолидации усилий научного сообщества по разработке военно-демографических индикаторов и показателей, их классификации и верификации. Сотрудничестве в военной сфере – один из инструментов демографической безопасности,

Abstract

The modern logic of military cooperation is integrated into the overall system of international relations across the entire post-Soviet space, despite the complex, mosaic-like nature of inter-country interaction. The demographic factor is crucial in addressing military and socioeconomic planning. Shaping the modern armed forces of the EAEU member states from a demographic perspective requires in-depth scientific study, as military affairs involve all spheres of human activity. The conceptualization of the key principles of military cooperation to ensure demographic security is considered in the context of current challenges and threats facing EAEU member states. Areas of military cooperation within the EAEU are identified, taking into account national specifics. Priority areas for ensuring national security in EAEU countries are presented, taking into account the current international agenda. Methodologies for assessing military power using quantitative and qualitative indicators are described. Prospects have been outlined for further consolidation of the scientific community's efforts in developing military-demographic indicators and metrics, as well as their classification and verification. Military cooperation is one of the tools of demographic security, as direct correlations between military affairs and demography have been confirmed by centuries of human history. International cooperation contributes to overcoming external military threats. The conditions

поскольку прямые корреляции между военным делом и демографией подтверждены многовековой историей человечества. Международное сотрудничество способствует преодолению внешних военных угроз. Условия и факторы демографической безопасности определяют ресурсный потенциал государства, а военное сотрудничество способствует их эффективному использованию в интересах национальной безопасности.

and factors of demographic security determine a state's resource potential, and military cooperation facilitates their effective use in the interests of national security.

Ключевые слова:

военное сотрудничество, демографическая безопасность, Евразийский экономический союз, военная мощь.

Key words:

military cooperation, demographic security, Eurasian Economic Union, military power.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-26-40>

Глобальные изменения в мире, турбулентность международной жизни последних лет наглядно демонстрируют запрос стран-участниц Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на консолидацию и сотрудничество, требуют уточнения и поиска новых форм и направлений интеграции, как в ближайшей, так и в среднесрочной перспективе. Нарастающие антагонистические межстрановые противоречия в результате попыток доминирования некоторых государств приводят к открытым цивилизационным столкновениям, к использованию прямого военного давления. Усиление военной составляющей при разрешении международных споров приводят к необходимости использования всего арсенала методов и средств консолидации для обеспечения национальной и региональной безопасности.

Важнейшими показателями, влияющими на национальную безопасность, являются социальная, военная, политическая, информационная сферы жизни общества (Липич, 2023, с. 138). В свою очередь военное сотрудничество нуждается в новой концептуализации в соответствии с современными демографическими вызовами и угрозами депопуляции населения на всем постсоветском пространстве. В этой связи актуализируется исследовательский потенциал военной демографии как с теоретической, так и с практической точек зрения (Абрамов, 2026).

Перспективы глубокого научного изучения демографических аспектов войн и конфликтов наиболее отчетливо определились в ходе изучения последствий Второй мировой войны (Исупов, 2025). В свое время один из первопроходцев военной демографии в СССР Б.Ц. Урланис довольно точно отме-

тил, что именно войны оказывают основное влияние на все стороны социальной жизни, и, прежде всего, на демографию (Урланис, 1960, с. 7).

Гибридная реальность настоящего и возрастающая сложность конструирования будущего неизбежно приводят к коррекции конфигурации и содержания направлений военного сотрудничества по всему спектру вопросов демографической безопасности стран ЕАЭС. Поэтому изучение подобных трансформаций объективно необходимо.

Цель исследования – охарактеризовать потенциал военного сотрудничества по вопросам обеспечения демографической безопасности странами ЕАЭС. Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач: концептуализировать основные положения военных политик стран ЕАЭС, составляющих основу их демографической безопасности; определить направления военного сотрудничества на пространстве ЕАЭС в контексте их реализации.

Теоретические положения и концептуальные обоснования разноректорного военного сотрудничества, изложенные в Национальных Стратегиях и Военных доктринах Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России составили основу при определении приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности в странах ЕАЭС с учетом демографических условий и факторов. Комплексное взаимодействие органов государственного и военного управления определено в качестве институциональной основы организации военного сотрудничества на пространстве ЕАЭС по обеспечению демографической безопасности стран-участниц. Демографические факторы в системе национальной безопасности стран ЕАЭС представлены в контексте авторского обоснования категории «военная мощь».

Военно-политический словарь дает следующее толкование категории «военное сотрудничество», как дружеские отношения в военной сфере, направленность которых определяется решением совместных задач в области обеспечения безопасности. Совместимость интересов, согласованность политического курса, взаимная заинтересованность в деле обеспечения безопасности составляют главное его содержание (Рогозин, 2011).

Содержательное наполнение военного сотрудничества конкретизируется через призму условий и факторов современного миропорядка, который сопровождается турбулентностью, непредсказуемостью и отсутствием общепринятых (общепринимаемых) международных канонов в отношениях между государствами. С одной стороны, наблюдается игнорирование этих норм, а с другой – постоянный поиск новых форм взаимодействия и сотрудничества с це-

лью обеспечения безопасности. Бесконечная череда конфликтов и открытого военного противоборства приводит к многочисленным потерям, создает обстановку непредсказуемости, социальной нестабильности и неопределенности, и как следствие – сопровождается негативными демографическими последствиями на протяжении последующих десятилетий: снижением численности населения и показателей рождаемости, изменениям возрастной и половозрастной структуры, росте смертности.

С 2022 года западные проекты в гуманитарной и экономической областях имеют направленность на переформатирование правового и культурно-информационного пространства в странах ЕАЭС, с тем чтобы усиливать влияние на общественно-политическую сферу (Сутырин, с. 50).

Как отмечают военные эксперты, современная архитектура военного сотрудничества в области демографической безопасности на ближайшую и среднесрочную перспективу обусловлена определенными фундаментальными сдвигами:

- формированием нового формата межстранового взаимодействия;
- нарастающая противоречивость и гибридность международного противостояния;
- усиление противоборства в космосе и в информационном киберпространстве, достижение превосходства за счет объединения участников конфликтов в единую сеть (сетцентрические боевые действия);
- запрос на сотрудничество в рамках пространства ЕАЭС на принципах равноправия и общности интересов (Содружество, 2024, с. 315).

ЕАЭС позиционируется как политико-экономическая площадка укрепления межсубъектного доверия и минимизации конфликтогенности объективных геополитических рисков и угроз (Шевченко, 2024, с. 115).

Российские военные исследователи в ходе анализа направлений военного сотрудничества со странами партнерами приходят к выводу, что несмотря на внешние вызовы и локальные проблемы, военная интеграция России оценивается как успешная и перспективная для национальной безопасности (Карпов и др., 2025).

Другие авторы вполне аргументировано определяют роль стран Центрально-Азиатского региона в поддержании конструктивного диалога направленного на сотрудничество и учет суверенных прав каждого государства. «Будущее геополитического ландшафта Центральной Азии зависит от того, как будет развиваться конкурентная игра между внешними силами и стремле-

нием самих центральноазиатских государств к институциональной устойчивости и стратегическому балансу в условиях высокой неопределенности архитектуры международных отношений» (Янь, 2025, с. 44).

Сегодня конфигурация международных отношений на пространстве ЕАЭС представляет собой многовекторную систему разноформатного и разноуровневого сотрудничества. Формирование общей стратегии национальной безопасности строится на учете интересов каждой страны-участницы с опорой на культурные традиции, собственные приоритеты в социально-политической, социально-экономической и военной сферах. Каждое государство самостоятельно определяет модели сотрудничества и формы участия. Приоритетные направления обеспечения национальной безопасности в странах ЕАЭС представлены на рисунке.

Рисунок 1. Приоритеты национальной безопасности стран ЕАЭС
(Содружество, 2024)

Национальные Стратегии, Концепции и Военные доктрины закрепляют демографические условия и факторы в качестве первоосновы обеспечения национальной безопасности государств участниц ЕАЭС.

Республика Армения рассматривает в качестве одной из основных угроз своей национальной безопасности низкий уровень рождаемости, неудовлетворительные показатели заболеваемости и смертности, средней продолжительности и качества жизни, а также неуправляемую и нелегальную миграцию, особенно отток образовательного, научного и культурного потенциала. Высокий уровень урбанизации также рассматривается как угроза для Армении. Основная причина – диспропорция рынка труда, образовательных возможностей, качества жизни в сельских районах по сравнению с городами и особенно столицей.

Включение Беларуси и России в совместный процесс преодоления возникших проблем стимулирует общую интеграционную динамику. Выработка союзных актов, унификация законодательства, увеличение числа совместных социально-экономических, культурных и военных проектов, формирование общего информационного поля способствуют дальнейшему сотрудничеству по всему спектру проблем национальной безопасности (Вагапов, 2024, с. 52). Весь спектр сотрудничества строится на основе норм и принципов международного права, миролюбивых устремлений и осуждения любых военных конфликтов.

Национальная безопасность Республики Казахстан рассматривается не просто как отсутствие военных угроз, а как динамическое состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Безопасность граждан, общества и государства, сохранение и обеспечение безопасности в сфере человеческого капитала, сохранение и преумножении интеллектуального потенциала нации – приоритеты.

Наркомания и алкоголизм, нарастающая динамика насилия в семье по отношению к женщинам и детям определяются в качестве угроз национальной безопасности для Киргизской Республики. Расширение взаимодействия в военной сфере и подготовка военных кадров – основные направления сотрудничества в рамках ЕАЭС. Военное сотрудничество между Киргизией и Россией строится на стратегических интересах, общих вызовах и угрозах и долгосрочных исторических связях. Оно способствует обмену опытом и модернизации вооружений, укрепляет дружественные связи и содействует миротворческим усилиям в Центрально-Азиатском регионе (Глушенко, 2024, с. 613).

Государственная политика России в сфере обеспечения национальной безопасности направлена на сбережение народа, главными условиями которого выступают: обеспечение достойной жизни; укрепление здоровья нации; рост рождаемости и продолжительности жизни; поддержка института семьи. материнства и детства; развитие человеческого капитала.

Демографические показатели при разработке стратегий национальной безопасности стран ЕАЭС конкретным образом увязывается с экономическими, логистическими, продовольственными, экологическими и военными трендами. Более подробно остановимся на последнем – военном аспекте, который с одной стороны становится все более актуальным в последнее время, а с другой – не всегда входит в контекст научного демографического дискурса.

При изучении современных войн и конфликтов с использованием военной силы исследователи убедились, что дать достаточно качественную оценку или точно спрогнозировать их влияние на конечный результат противоборства сторон очень сложно как для представителей науки, так и для военных экспертов, политиков и государственных деятелей.

Существующая эмпирическая неопределенность категории «военная мощь» с позиций научного знания характеризуется отсутствием единой методологической платформы для ее оценки, и, как следствие – различными подходами относительно конкретного государства или военно-политического блока (Baldwin, 2013; Drezner, 2021). Поэтому методологический аппарат оценки мощи государства весьма разнообразен.

В середине XX века советник правительства США К. Кнорр определял национальную мощь как понятие, включающее в себя экономические возможности, административную соревновательность и способность страны к военной мобилизации. В свою очередь другой исследователь Г. Моргентау при оценке военных возможностей государства качественных и количественных показателей. К первым он отнес: менталитет нации, мораль, готовность защищать свою страну; способность руководства управлять государством. Ко вторым: численность населения страны; географические условия; наличие природных ресурсов, сырья, продовольствия; состояние экономики; боеспособность армии (Morgenthau, 1948).

Значительно позже Д. Стингер ввел в научный оборот специальный показатель (индекс) оценки военной мощи (Composite Index of National Capabilities, CINC) (Singer et al., 1972), который позже стал главным индикатором рейтинговых значений. По его методике к военной компоненте относи-

лись социально-экономические и демографические характеристики, например количество потребляемой энергии и уровень урбанизации.

Учет качественных показателей военной мощи появился в уравнении аналитика ЦРУ США Р. Клайна в 1975 году. К ним он отнес субъективные (качественные) факторы: коэффициент национальной стратегии и волю к достижению ее целей (Балахонцев, Кондратьев, 2010).

В последующем показатели пересматривались, корректировались, появлялись новые индикаторы. В последние годы эксперты и аналитики отмечают уязвимость индекса военной мощи, ссылаясь на преувеличение демографических факторов. В качестве весомых аргументов авторы приводят сильные военные потенциалы стран, население которых не превышает 10 млн человек, например Израиль и Сингапур.

В середине третьего десятилетия XXI века ученые со всего мира активно работают над созданием альтернативных методик расчета военной мощи. В современные классификации включаются индикаторы расходов на оборону, объем НИОКР, наличие ядерного оружия, авиации четвертого и пятого поколений, количество военных баз по всему миру, результаты участия в военных конфликтах и др. Довольно часто в подобных трактовках присутствуют демографические показатели, но они подаются весьма поверхностно без качественного анализа человеческого капитала. А ведь именно человек создает и смертоносное оружие и средства защиты от него. В этой связи А.М. Мальцев вполне справедливо отмечает, что в научной литературе концептуализация категории «военная сила» проработана недостаточно (Мальцев, 2024).

Китайские ученые попытались усовершенствовать методику Р. Клайна, дополнив ее качественными характеристиками:

- национальные организационные, экономические, военные и дипломатические возможности;
- уровень развития науки и технологий, культуры и образования;
- географическое положение;
- природные ресурсы.

В настоящее время управленцы, аналитики, военные эксперты и ученые довольно часто оперируют данными Интернет-платформы Global Firepower GFP (рейтинг совокупной военной мощи), входящей в сеть MilitaryFactory.com блогера из США Д. Пучека. Учет более 50 различных факторов позволяет определить рейтинг конкретного государства. К ним относятся демографические, финансовые, логистические и географические факторы: численность личного

состава, оборудование, военный бюджет, природные ресурсы и другие. На основе всех показателей рассчитывается балл – индекс мощи (PwrIndx). Чем он ниже, тем выше рейтинг военной мощи страны. Наилучший показатель – 0.

По данным интернет-портала Military Size by Country представлены базовые показатели военной мощи стран ЕАЭС по состоянию на начало 2025 года (Табл. 1).

Таблица № 1 – Базовые данные военной мощи стран ЕАЭС

Базовые данные	Страна	Годы		
		2018	2021	2024
Численность вооруженных сил (чел.)	Армения	44 800	44 800	57 500
	Беларусь	45 350	45 350	63 000
	Казахстан	39 000	39 000	110 000
	Киргизия	10 900	10 900	23 000
	Россия	900 000	1 014 000	1 320 000
Численность военнослужащих на 100 тыс. населения (чел.)	Армения	1 540	1 561	1 934
	Беларусь	478	490	696
	Казахстан	206	198	534
	Киргизия	172	160	320
	Россия	615	695	911
Военные расходы в пересчете на одного военнослужащего (долл. США)	Армения	11 457	13 827	24 661
	Беларусь	20 359	20 975	23 673
	Казахстан	38 420	41 482	10 991
	Киргизия	22 981	24 101	20 567
	Россия	68 455	64 998	112 854

Как видим, Армения лидирует по числу военных на 100 тыс. населения, превышая по этому показателю Россию примерно в 2 раза, Беларусь в 3 раза, а Киргизию в 5 раз. Вместе с тем по Индексу военной мощи, рассчитанному по методике Д. Пучека, Армения в мировой рейтинге занимает 91 позицию (Табл. 2).

Таблица № 2 – Индексы военной мощи стран ЕАЭС

	2021	2024	2025	Место в мире
Армения	2,3169	2,0583	2,0373	91
Беларусь	0,8124	1,0901	1,3954	70
Казахстан	1,0615	0,9495	1,1016	57
Киргизия	2,2011	2,0057	2,2543	105
Россия	0,0500	0,0702	0,0788	2

При анализе военной мощи страны учитывается несколько ключевых аспектов. Важную роль играют возможности и доступность оборудования (транспортных средств, вооружения, средств связи и т.д.). Жизненно важно качество подготовки каждого солдата. Решающее значение может иметь способность командиров постоянно разрабатывать эффективные тактические стратегии. Но одним из наиболее фундаментальных показателей военной мощи страны является количество солдат, которых она может задействовать при проведении военных операций.

Важно помнить, что военнослужащие обычно делятся на три категории: действующие военнослужащие, резервисты и члены военизированных формирований.

Военнослужащие на действительной службе – военнослужащие, которые работают в армии полный рабочий день, часто живут на базе и могут быть направлены в любую точку в любой момент

Резервисты – солдаты, которые обычно служат неполный срок и вступают в резерв, например, в армейский резерв или Национальную гвардию, чтобы подзаработать, получить компенсацию за обучение в колледже/университете или воспользоваться другими льготами, не посвящая всё своё время военной службе.

Члены военизированных формирований – военнослужащие, состоящие в таких организациях, как рейнджеры или жандармерия, которые похожи на вооружённые силы, но формально не являются их частью.

Численность вооружённых сил страны – лишь один из факторов, определяющих её способность эффективно вести боевые действия. К другим факторам, на наш взгляд, могут быть отнесены:

1) демографические индикаторы:

- уровень подготовки (образования) солдат и сержантов (матросов и старшин), офицеров и генералов (адмиралов) по воинским званиям и должностям;

- возраст всех категорий военнослужащих;

- число лиц, прошедших начальную военную подготовку;

- количество военнослужащих, имеющих боевой опыт.

2) прочие:

- состояние вооружения, основной и вспомогательной техники;

- эффективность военного управления.

Исследователи отмечают, что военно-промышленная кооперация стран ЕАЭС находится на высоком уровне. Подобное сотрудничество способствует развитию инноваций в производственной сфере, стимулирует создание дополнительных рабочих мест в странах-участницах (Дегтерева, Чернышева, 2019, с. 675–676).

Демографические факторы стран ЕАЭС в системе показателей совокупной военной мощи проиллюстрированы в таблице №3.

Таблица №3 – Базовые данные военной мощи стран ЕАЭС

Базовые данные	Страна	Годы		
		2018	2021	2024
Численность вооруженных сил (чел.)	Армения	44 800	44 800	57 500
	Беларусь	45 350	45 350	63 000
	Казахстан	39 000	39 000	110 000
	Киргизия	10 900	10 900	23 000
	Россия	900 000	1 014 000	1 320 000
Численность военнослужащих на 100 тыс. населения (чел.)	Армения	1 540	1 561	1 934
	Беларусь	478	490	696
	Казахстан	206	198	534
	Киргизия	172	160	320
	Россия	615	695	911
Военные расходы в пересчете на одного военнослужащего (долл США)	Армения	11 457	13 827	24 661
	Беларусь	20 359	20 975	23 673
	Казахстан	38 420	41 482	10 991
	Киргизия	22 981	24 101	20 567
	Россия	68 455	64 998	112 854
Индекс военной мощи	Армения		2,3169	2,0583
	Беларусь		0,8124	1,0901
	Казахстан		1,0615	0,9495
	Киргизия		2,2011	2,0057
	Россия	0,0501	0,0500	0,0702

К основным задачам военного сотрудничества российские эксперты относят:

- разработка общей согласованной стратегии в военно-политической сфере;
- совместные консолидированные действия, направленные на решение глобальных и региональных проблем военной безопасности;
- разработка приоритетных направлений совместных действий по обеспечению обороноспособности стран-участниц;
- поиск новых форм сотрудничества с учетом социально-политической, социально-экономической и социокультурной динамики современного мира.

С учетом складывающейся геополитической обстановки в мире к основным принципам военного сотрудничества стран ЕАЭС следует отнести:

- единство взглядов и системность использования совокупной военной мощи государств;
- обусловленность эффективности военного сотрудничества всесторонностью и непрерывностью управления;
- равенство и неделимость военной безопасности (Содружество, 2024, с. 315–316).

Подобные принципы в содержании практической работы всех уровней управления стран ЕАЭС по обеспечению национальной безопасности могут стать отправными точками по ее консолидации.

С учетом современной повестки в качестве основных направлений военно-технического сотрудничества стран ЕАЭС следует отнести:

- дальнейшее продвижение информационно-коммуникационных технологий для формирования единого информационно-управляющего пространства;
- совершенствование авиакосмических технологий;
- развитие робототехники, приборостроения, био- и нанотехнологий для ускорения разработки перспективных образцов продукции военного назначения через:

Вопросы безопасности, несмотря на различия в демографических и экономических характеристиках государств ЕАЭС, являются важнейшими для всех стран-участников. В этой связи демография и военная демография, в частности, открывает перспективы для дальнейшей консолидации усилий научного сообщества по разработке военно-демографических индикаторов и показателей, их классификации и верификации. Совместные научные проекты по демографическому анализу последствий войн и конфликтов могут стать основой для прогнозирования и моделирования возможных конфликтов, а, возможно, и предотвратить их.

Литература

- Baldwin, D. A. (2013). Power and international relations. In T. Risse, W. Carlsnaes, & B. A. Simmons (Eds.), *Handbook of international relations* (pp. 273–297). Sage.
- Drezner, D. (2021). Power and international relations: A temporal view. *European Journal of International Relations*, 27(1), 29–52. <https://doi.org/10.1177/1354066120969800>
- Morgenthau, H. J. (1948). *Politics among nations: The struggle for power and peace*. A. A. Knopf.

Singer, J. D., Bremer, S. A., & Stuckey, J. (1972). Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965. In B. M. Russett (Ed.), *Peace, war, and numbers* (pp. 19–48). Sage.

Балахонцев, Н., & Кондратьев, А. (2010). Зарубежные методы оценки потенциала стран. *Зарубежное военное обозрение*, (11), 101–104.

Вагапов, Д. Р. (2024). Обеспечение региональной безопасности в интеграционной повестке Союзного государства России и Белоруссии. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*, 48, 41–53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.48.41>

Глущенко, А. И., & Сидорова, А. (2024). Военно-техническое сотрудничество России и Кыргызстана на современном этапе. *Постсоветские исследования*, 7(6), 606–616.

Дегтерева, Е. А., & Чернышева, А. М. (2019). Военно-экономическое сотрудничество государств – членов ОДКБ и ЕАЭС с третьими странами: вызовы и угрозы для России. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, 27(4), 663–678. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-4-663-678>

Исупов, В. А. (2025). Демографическая история России в период Великой Отечественной войны: новые задачи – новые источники. *Исторический курьер*, (2(40)), 11–28. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2025-2-1>

Карпов, А. С., Карпова, К. В., & Чертова, Т. Н. (2025). Военное сотрудничество Российской Федерации как механизм обеспечения национальной безопасности. *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*, (S2), 183–188. <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2025.10.10.024>

Липич, Т. И. (2023). Социально-демографическая политика как фактор национальной безопасности и роль образовательных ценностей в современном содержании образования. *Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы*, 1(13), 137–142.

Мальцев, А. М. (2024). Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике. *Политическая наука*, (2), 300–325. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

Рогозин, Д. О. (2011). *Военно-политический словарь «Война и мир в терминах и определениях»*. Вече.

Содружество Независимых Государств: военное сотрудничество и безопасность в XXI веке. (2024). АО «Красная Звезда».

Сутырин, В. В. (2024). Стратегии влияния внешних акторов в ближнем зарубежье России после начала Специальной военной операции. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (4), 33–55. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-4-33-55>

Урланис, Б. Ц. (1960). Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. Соцэргиз.

Шевченко, Е. С. (2024). Политическая повестка США в отношении стран Евразийского экономического союза: проблемы и противоречия. *Проблемы постсоветского пространства*, 11(2), 112–125.

Янь, Л. (2025). Геополитические игры и соперничество великих держав в постсоветской Центральной Азии. *Вестник Поволжского института управления*, 25(4), 34–46.

References

Balakhontsev, N., & Kondrat'ev, A. (2010). Zarubezhnye metody otsenki potentsiala stran [Foreign methods for assessing the potential of countries]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, (11), 101–104.

Baldwin, D. A. (2013). Power and international relations. In T. Risse, W. Carlsnaes, & B. A. Simmons (Eds.), *Handbook of international relations* (pp. 273–297). Sage.

Degtereva, E. A., & Chernysheva, A. M. (2019). Voennno-ekonomicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv – chlenov ODKB i EAES s tret'imi stranami: vyzovy i ugrozy dlya Rossii [Military-economic cooperation of CSTO and EAEU member states with third countries: Challenges and threats for Russia]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika*, 27(4), 663–678. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-4-663-678>

Drezner, D. (2021). Power and international relations: A temporal view. *European Journal of International Relations*, 27(1), 29–52. <https://doi.org/10.1177/1354066120969800>

Glushchenko, A. I., & Sidorova, A. (2024). Voennno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kyrgyzstana na sovremennom etape [Military-technical cooperation between Russia and Kyrgyzstan at the present stage]. *Postsovetskie issledovaniya*, 7(6), 606–616.

Ispov, V. A. (2025). Demograficheskaya istoriya Rossii v period Velikoi Otechestvennoi voyny: novye zadachi – novye istochniki [Demographic history of Russia during the Great Patriotic War: New tasks – new sources]. *Istoricheskii kur'er*, (2(40)), 11–28. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2025-2-1>

Karpov, A. S., Karpova, K. V., & Chertova, T. N. (2025). Voennnoe sotrudnichestvo Rossiiskoi Federatsii kak mekhanizm obespecheniya natsional'noi bezopasnosti [Military cooperation of the Russian Federation as a mechanism for ensuring national security]. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy*, (S2), 183–188. <https://doi.org/10.47576/2949-1894.2025.10.10.024>

Lipich, T. I. (2023). Sotsial'no-demograficheskaya politika kak faktor natsional'noi bezopasnosti i rol' obrazovatel'nykh tsennostei v sovremennom soderzhanii obrazovaniya [Socio-demographic policy as a factor of national security and the role of educational values in the modern content of education]. *Nauka. Tekhnika. Chelovek: istoricheskie, mirovozzrencheskie i metodologicheskie problemy*, 1(13), 137–142.

Mal'tsev, A. M. (2024). Amorfnaya «zhestkaya sila»? Podkhody k rekontseptualizatsii i empiricheskomu izmereniyu voennoi moshchi v mirovoi politike [Amorphous “hard power”? Approaches to reconceptualization and empirical measurement of military power in world politics]. *Politicheskaya nauka*, (2), 300–325. <https://doi.org/10.31249/poln/2024.02.14>

Morgenthau, H. J. (1948). *Politics among nations: The struggle for power and peace*. A. A. Knopf.

Rogozin, D. O. (2011). Voennno-politicheskii slovar' «Voina i mir v terminakh i opredeleniyakh» [Military-political dictionary “War and peace in terms and definitions”]. Veche.

Shevchenko, E. S. (2024). Politicheskaya povestka SShA v otnoshenii stran Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: problemy i protivorechiya [The US political agenda towards the countries of the Eurasian Economic Union: Problems and contradictions]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 11(2), 112–125.

Singer, J. D., Bremer, S. A., & Stuckey, J. (1972). Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965. In B. M. Russett (Ed.), *Peace, war, and numbers* (pp. 19–48). Sage.

Sodruzhestvo Nezavisimyykh Gosudarstv: voennoe sotrudnichestvo i bezopasnost' v XXI veke [Commonwealth of Independent States: Military cooperation and security in the 21st century]. (2024). AO «Krasnaya Zvezda».

Sutyurin, V. V. (2024). Strategii vliyaniya vneshnikh aktorov v blizhnem zarubezh'e Rossii posle nachala Spetsial'noi voennoi operatsii [Strategies of influence of external actors in Russia's near abroad after the start of the Special Military Operation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, (4), 33–55. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-4-33-55>

Uralnis, B. Ts. (1960). *Voiny i narodonaselenie Evropy. Lyudskie poteri vooruzhennykh sil evropeiskikh stran v voynakh XVII–XX vv.* [Wars and population of Europe. Human losses of the armed forces of European countries in the wars of the 17th–20th centuries]. Sotsekgiz.

Vagapov, D. R. (2024). Obespechenie regional'noi bezopasnosti v integratsionnoi povestke Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii [Ensuring regional security in the integration agenda of the Union State of Russia and Belarus]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*, 48, 41–53. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.48.41>

Yan, L. (2025). Geopoliticheskie igry i sopernichestvo velikikh derzhav v postsovetskoj Tsentral'noi Azii [Geopolitical games and rivalry of great powers in post-Soviet Central Asia]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 25(4), 34–46.

Для цитирования: Абрамов, А. П. Военное сотрудничество по обеспечению демографической безопасности стран евразийского экономического союза / А. П. Абрамов // *PolitBook*. – 2026. – № 3. – С. 26–40. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-26-40.

**Н.М. Межевич,
Р.Е. Жилин**

**N. Mezhevich,
R. Zhilin**

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ПРИБАЛТИКИ

INFORMATION AND PROPAGANDA SUPPORT FOR MILITARY SPENDING ON THE EXAMPLE OF THE BALTIC COUNTRIES

Аннотация

Милитаризация экономики Европы – фундаментальная и долгосрочная тенденция независимая от партийно-политического ландшафта. Однако это явление имеет внутри региональную специфику. Авторы считают необходимым сделать упреждающее замечание. В представленной статье не обсуждаются причины милитаризации стран. Исследуются только вопросы информационно-пропагандистского обеспечения военных расходов на примере стран Прибалтики. Задача, которую ставят авторы, заключается в попытке определения предела возможностей мобилизационной парадигмы для экономики и общества. Этот подход актуален для постсоветского пространства. Причем, если рассматривать Прибалтику находящейся вне постсоветского пространства, то следует признать, что политические процессы в Прибалтике весьма напоминают то, что происходит в классическом постсоветском пространстве.

В качестве базовых подходов используются подходы компаративистики, как направления в зарубежном регионоведении. В соответствии с этими подходами малая страна при всей ограниченности суверенитета, понимается как самоуправляемое сообщество, которому внешние акторы выставляют границы, но в пределах поставленных целей пути их достижения выбираются самостоятельно. Именно это происходит в военными расходами. Политическое руководство Европейского Союза и НАТО милитаризацию рассматривает, как стратегическую цель. Равным образом, именно Таллин, Рига, Вильнюс должны гарантировать общественную управляемость эффективность

Abstract

The militarization of the European economy represents a fundamental and long-term trend that transcends party-political dynamics. At the same time, this phenomenon exhibits clear regional specificities. The authors consider it important to make a preliminary clarification: the causes of militarization are not addressed in this article. Instead, the analysis focuses exclusively on the informational and propaganda support of military expenditures, using the Baltic states as a case study. The primary objective of the article is to assess the limits of the mobilization paradigm as applied to both the economy and society. This perspective is particularly relevant to the post-Soviet space. Moreover, even if the Baltic states are formally considered outside this space, it should be acknowledged that their political processes display strong similarities with those observed in the classical post-Soviet context.

The study is grounded in comparative approaches commonly used in foreign regional studies. Within this framework, a small state, despite its constrained sovereignty, is understood as a self-governing entity whose external environment defines its boundaries, while leaving it the autonomy to determine the means of achieving prescribed objectives. This logic is clearly reflected in the sphere of military spending. While the political leadership of the European Union and NATO defines militarization as a strategic priority, it is the responsibility of Tallinn, Riga, and Vilnius to ensure effective public legitimization of this policy, including the management of propaganda narratives

пропагандистских нарративов, оптимальный ответ на вопрос о соотношении «пушек и масла».

and the formulation of an optimal balance between “guns and butter”.

Ключевые слова:

милитаризация, военные расходы, мобилизационная экономика, управление информацией, пропаганда.

Key words:

militarization, military spending, mobilization economy, information management, propaganda.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-41-53>

Для обеспечения функционирования политических режимов недостаточно только объективной информации и даже пропаганды. Все понимают, что нужен ещё некоторый минимум уровня жизни, но вопрос, какой? Где заканчиваются пределы экономической и тем более общественной мобилизации? Как выглядит ответ на этот вопрос в специфических условиях Прибалтики? Важной задачей политических элит Прибалтики стало нахождение равновесной точки, чтобы давать своему населению как можно меньше, но, при этом, не разрушить собственно модели государственного управления, т. е. свой «кормящий политический ландшафт». Закономерно то, что первым ресурсом выступило накопленное за послевоенный период национальное достояние, перераспределение которого стало осуществляться по этническому принципу.

В начале XXI века этот ресурс закончился, но при символических военных расходах и трансферах из ЕС возможности поступательного экономического развития сохранялись. Однако восстановление после экономического кризиса 2007-2009 гг. было лишь частичным, что и показал ковидный период. Новым ресурсом стало уничтожение русскоязычного бизнеса и введение экономических ограничений по этническому признаку. Мнение нетитульного населения никого во власти не интересует так что риски были минимальными. Тем не менее, до 2021-2023 гг. потенциал сохранения прежнего уровня экономического развития сохранялся. Подчеркнем, речь могла идти только о сохранении. Последним ресурсом стало реформирование налоговой системы и рост ограничительной государственной политики. На современном этапе «под удар» попал ядерный электорат, иными словами литовский, латышский, эстонский средний класс, который является верным стражем либеральной экономической политики и правых партий.

Фактор военных расходов в формировании стабильной модели экономического развития хорошо изучен, но в основном на примере авторитарных или тоталитарных режимов, или же условно демократических режимов, ак-

цептировавших чрезвычайные меры (Григорьев, 2026). Масштаб вызовов для современной Европы и России, Китая и США определяется тем, что мобилизация в экономике является не только технологически сложным делом, но и финансово обременительным. Однако и это не исчерпывает сложности. Германия и СССР условного 1936 года уже много лет находились в экономических и политических практиках мобилизационной экономики. Соответственно любые новые решения власти не были сменой парадигмы и рассматривались в существующем контексте экономических усилий и политических ограничений. Германия демонстрировала единство мобилизации экономики и общества. Франция, в годы Первой мировой войны показавшая уникальные способности к мобилизации, во Вторую мировую войну, сложила оружие имея возможности сражаться.

Вопрос, который экономисты и политологи самостоятельно решить не могут, связан с оценкой исторических событий и анализом культурного кода. Обозначим вопрос, как получилось, что Германии смогла воевать во Вторую мировую войну «до последнего», но в Первую мировую войну, признала политическое поражение задолго до военного. Собственно, военные и даже экономические аспекты, безусловно имеют значение, но объяснить немецкий парадокс только этими вопросами достаточно сложно. Гипотеза применимая к современной ситуации в Прибалтике, мы предполагаем то, что последовательное наращивание военных расходов, производимое параллельно с наращиванием информационного воздействия, позволяет достаточно долго держать общество под контролем.

Рациональное объяснение милитаризации в Прибалтике находится в большей степени в сфере политологии и политического управления, а не в сфере экономики. Это достаточно трудно доказать с помощью статистики, которая повсеместно «закрывается», но контент-анализ политических заявлений показывает то, что в каждом из трёх государств заявления о том, что война с Россией дело ближайшего будущего и заявления о том, что война в ближайшее время не произойдёт чередуются. Это позволяет поддерживать высокий мобилизационный градус общественных настроений, но при этом не вести реальных экономических трансформаций. С другой стороны, позволяет держать ситуацию под контролем дозируя «пятиминутки ненависти».

Политическое руководство стран Прибалтики при ухудшении экономической ситуации, в общественном сознании использует «эффект осажденной крепости». Ощущение противостояния России, Беларуси, США, Китаю, европейским конкурентам представляет мощнейший фактор сплочения, обеспечивающий поддержку существующих режимов. Эффект «осажденной крепости» в Прибалтике способен превратить материальные лишения в предмет

гордости. Как не странно, общая советская и имперская история этому способствует.

Динамика военных расходов

Возвращаясь к собственно экономическим вопросам, отметим то, что для всех трёх стран рубеж 6-7% военных расходов является критическим. При этом каждая из трех парламентских республик уже не может пойти по пути уменьшения расходов.

Авторы считают, что до 2029-2030 гг. действующая динамика может сохраниться, не приведя при этом к серьёзному падению жизненного уровня, однако дальнейшее движение этой модели невозможно.

В настоящее время страны Прибалтики готовы максимизировать военные расходы обсуждая преодоление планки в 7% и 10% от ВВП, что в условиях мирного времени очень много. Выраженные в евро эти суммы не производят большого впечатления, но для малых стран Европы в мирное или даже военное время они уникальны.

В марте 2026 года был опубликован ежегодный доклад генерального секретаря НАТО, включающий оценку динамики оборонных расходов стран альянса за 2014-2025 гг. В своем выступлении М. Рютте особо подчеркнул значительный рост расходов европейских союзников, отметив переход к модели, при которой европейские страны НАТО снижают чрезмерную зависимость от американского финансирования и берут на себя большую ответственность.

За 2025 год впервые доля расходов США в общем объеме НАТО опустилась ниже 60%, в то время как в 2014-2021 гг. она превышала 69%. Это достаточно существенно на фоне критики со стороны президента США Д. Трампа относительно ограниченных усилий европейских партнеров в контексте эскалации конфликта с Ираном.

Согласно предварительным данным за 2025 год, все страны НАТО впервые достигли или превысили целевой показатель в 2% ВВП на оборону. Данный результат приобретает особую значимость в свете решений саммита НАТО 2025 года об установлении новой цели в 5% ВВП к 2035 году. Хотя страны Прибалтики в силу относительно небольшого масштаба своих экономик не формируют значительный вклад в общий бюджет альянса, их динамика демонстрирует исключительную приверженность этим целям: именно Литва (рост на 537,4%) и Латвия (на 369,36%) возглавили рейтинг по относительному увеличению оборонных расходов в 2014-2025 гг.

Повышение военных расходов стран Прибалтики следует рассматривать в более широком контексте перераспределения ответственности за

обеспечение европейской безопасности (Ознобищев, Климов, 2024), которое сопровождается усилением роли европейских государств в архитектуре НАТО (Гриняев, 2025; Бажан, 2026). В этом отношении примечательна договорённость Германии и Нидерландов о передаче немецко-нидерландскому корпусу, размещённому в Мюнстере, функций по обороне Латвии и Эстонии. Так называемый 1-й немецко-нидерландский корпус (1GNC) к середине 2026 года планируется сделать тактическим штабом НАТО в регионе, в совместном заявлении Германии и Нидерландов целью его развертывания является повышение «слаженности действий внутри НАТО и сдерживание России». Впрочем, эта позиция применительно к странам Балтийского моря давно потеряла оригинальность.

К 2020 году оборонные расходы стран Прибалтики уже находились на уровне, заметно превышавшем типичные показатели для малых европейских государств (Dudzevičiūtė, 2020). Последние годы отражают дальнейшее повышение оборонного планирования как приоритета политики, причем большая их часть согласована с военными расходами НАТО, в том числе по модернизации военной инфраструктуры. Заметен устойчивый рост военных расходов во всех трёх странах в 2020-2025 гг., однако этот рост был неравномерным по темпам и масштабам. В 2020-2021 гг. изменения носили преимущественно инерционный характер: все три государства сохраняли близкие значения и относительно умеренную траекторию увеличения. Ситуация принципиально изменилась в 2022 г., к 2023-2024 гг. рост расходов приобрёл выраженно восходящий характер (табл. 1). В абсолютном выражении расходы Эстонии и Латвии к 2025 году выросли примерно вдвое по сравнению с началом периода, тогда как Литва продемонстрировала наиболее масштабную динамику – более чем втрое увеличение. Таким образом, данные фиксируют не просто рост, а структурное закрепление более высокого уровня военных расходов.

Таблица 1. Военные расходы стран Прибалтики 2020–2025 гг.¹

Страна / Год	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Эстония (млн евро / % ВВП)	615 2.24	647 2.08	772 2.14	1132 2.92	1333 3.22	1370 3.13
Латвия (млн евро / % ВВП)	658 2.18	705 2.11	823 2.14	1182 2.95	1359 3.3	1615 3.75
Литва (млн евро / % ВВП)	1030 2.07	1104 1.97	1648 2.45	2001.7 2.71	2426 3.11	3361.8 4.03

¹ Составлено авторами по данным: Estonian centre for defence investments, Ministry Of National Defence of the Republic of Lithuania и Ministry of Defence of Latvia.

При этом картина в трёх странах в целом сходна, что указывает на общую региональную логику реагирования на изменившуюся военно-политическую среду. Это продолжает тенденции, заложенные в 2000-х и 2010-х гг. в рамках интеграции стран Прибалтики в НАТО (Воротников, 2019). Различия в изменении военных расходов на данный момент касаются прежде всего интенсивности: Литва выглядит наиболее динамичной в части абсолютного увеличения и относительного прироста, тогда как Эстония и Латвия демонстрируют несколько более плавную, но также восходящую траекторию. В процентах к ВВП особенно заметен рост после 2022 года: к 2024–2025 гг. все три страны вышли на уровень свыше 3%. Сохраняющиеся различия в темпах роста показывают, что при общей направленности курса каждая страна выбирает свою степень интенсивности военного расширения. Стоит отметить, что это выше, чем средняя доля ВВП стран ЕС, которая, в соответствии с отчетом Европейского оборонного агентства (EDA), составила 1,9% и 2,1% в 2024 и 2025 гг. соответственно.

Если динамика 2020–2025 гг. фиксировала устойчивое наращивание оборонных расходов, то планы на 2026 г. свидетельствуют о переходе к еще более высокой фазе мобилизации с использованием средств бюджета. Эстония в 2026 году намерена довести оборонные расходы примерно до 2,4 млрд евро, что соответствует более чем 5% ВВП. Основные ресурсы предполагается направить на укрепление противовоздушной обороны, развитие беспилотных систем и наращивание запасов боеприпасов. При этом в среднесрочной перспективе сохраняется выраженный акцент на капитальные закупки и материальное обеспечение: значительная доля бюджета на 2026–2029 гг. будет приходиться на приобретение вооружений и боеприпасов, что указывает на цель на системное расширение военного потенциала.

Латвия, в свою очередь, планирует установить новый максимум, доведя оборонный бюджет до 4,91% ВВП (2,158 млрд евро). В латвийском случае приоритеты также задаются логикой ускоренного укрепления боеспособности: ключевыми направлениями становятся противовоздушная оборона, масштабные инвестиции в технику, беспилотные средства и инфраструктуру. Стратегия демонстрирует сочетание закупочной и инфраструктурной компоненты, что свидетельствует о стремлении не только увеличить бюджетный объем, но и создать более устойчивую материальную основу для долгосрочного военного планирования.

Наиболее масштабный характер приобретает политика Литвы. В 2026 г. страна утвердила рекордный государственный бюджет, предусматривающий 5,38% ВВП, или около 4,79 млрд евро, на оборону. Литовская модель отражает более широкий курс на превращение оборонного сектора в

центральный элемент государственной модернизации. Показательно и то, что официальный Вильнюс последовательно выстраивает международную рамку интерпретации этих расходов, подчеркивая их связь с обязательствами перед НАТО и представляя собственную бюджетную эволюцию как пример перехода от сравнительно скромного уровня военного финансирования к одной из наиболее высоких планок в альянсе.

Таким образом, страны Прибалтики не только сохраняют общий тренд на опережающее наращивание оборонных расходов, но и переходят к более жесткой модели стратегического инвестирования, где рост бюджета становится инструментом демонстрации союзнической надежности.

Способствование финансированию обороны соотносится с общей тенденцией, наблюдаемой на уровне ЕС. В частности, активно применяется Европейский оборонный фонд (EDF), ориентированный на поддержку проектов в технологических сферах, имеющих значение для развития оборонного потенциала. По итогам отбора грантовых заявок в 2025 году было поддержано 57 оборонных инициатив, в реализации которых заметную роль играют компании из стран Прибалтики. Кроме того, в рамках более координированной политики ЕС в оборонной сфере усиливается не только инфраструктурное взаимодействие, но и развитие тренинговых и образовательных программ. В 2025 году это, в частности, проявилось в деятельности Европейского колледжа безопасности и обороны.

Подведем промежуточные итоги, военные расходы стран Прибалтики растут динамично, в душевом измерении Эстония, Латвия, Литва стали европейскими лидерами. Возникает закономерный вопрос, как же происходит процесс милитаризации с точки зрения устойчивости экономики и общества? В чем же специфика Прибалтики, как группы малых стран?

Информационное обеспечение

С нашей точки зрения именно в Прибалтике удалось взять под контроль общественное мнение и обеспечить уникальную для Европы степень общественного единства и формализации демократии. Это произошло благодаря задействованию глубинных исторических комплексов, а также сочетанию двух форм информационно-психологического воздействия, манипулятивного (субъект-объектным) и развивающего (субъект-субъектным) (Баранов, 2017, 30). «Информационная политика представляет собой одно из важнейших направлений государственной политики, которое можно рассматривать как инструмент политического влияния и средство достижения политических целей, поскольку субъекты информационной политики спо-

собны с помощью информации влиять на сознание, психику людей, их поведение и деятельность...» (Мазур, Христофоров, 2025).

Любая идеология и политические формы ее реализации предполагает становление инструментов достижения политического единства и формы экономической мобилизации, но в современной Прибалтике эта задача оказалась относительно несложной. Действительно, суверенное государство или государства, зависящие от внешних центров управления, стремятся, как минимум, контролировать цели общественного развития, и, по возможности, управляют смыслами, идеями, восприятием реальности на территории своей страны. Задача, успешно решаемая в Прибалтике, заключается в формировании в сознании людей набора устойчивых представлений, опирающихся на директивные указания государства. Публичное неприятие этих представлений формируется не набором каких-то фактов, событий, действий, а исключительно их интерпретацией.

Если предположить то, что политическая агитация направлена преимущественно на мужчин в возрасте от 18 до 55 лет, не трудно зафиксировать военные критерии.

«Сформированная в период поздней глобализации система управления коммуникационными процессами, возникновение феномена «универсальной повестки дня» были одними из важнейших элементов «глобальной взаимозависимости». Одним из наиболее активно использующихся инструментов формирования нового социально-политического пространства становится «постреальность», являющаяся дальнейшим развитием механизма «постправды», обеспечивавшей доминирование «условного Большого Запада» в глобальном информационно-политическом пространстве в эпоху однополярного мира» (Дмитриев, Евстафьев, 2026). В высокоразвитых странах в начале XXI века живут люди, относящиеся к большому среднему классу, признаком которого является избыток информации, ее больше, чем потребитель может пропустить через себя. Информация перешла на технологию самовоспроизводства. Сегодня телефон официантки таллинского кафе дает больше информации, чем закрытые подписки для высших должностных лиц Коммунистической партии Эстонии 50 лет назад.

Вторая проблема. Два поколения назад эксперты могли делать правильные выводы исходя из минимума информации. Однако сегодня информация уже в фильтрованном и упакованном виде лежит в интернете, но кто может положиться на то, что эта упаковка не сделана под определенный заказ? Информации стало настолько много, что трудно прочитать даже заголовки (Pariser, 2011), это было всеми зафиксировано очень быстро, и затем был провозглашен следующий постулат: «В силу растущей глобализации

информации становится невозможно представлять одну версию фактов своему народу, а другую – внешнему миру» (Mercier, 2004). Столкнувшись с этой проблемой, информационные-транснациональные корпорации начали работать с так называемым «пузырем фильтров». «Заостряя внимание на самом популярном контенте и таким образом делая его еще более видимым, алгоритм способствует установлению ничем не ограниченной власти большинства, когда доступ к широкой аудитории получают только те аккаунты и контент, которые и без того были популярны» (Brunns, 2019). Информационные операции ведутся специализированными военными и гражданскими структурами, и включают в себя все виды информации и информационных систем (Балабин, 2013).

Экономическая составляющая

Важно отметить, что повышение расходов на военные нужды и их информационное сопровождение происходят на фоне экономических проблем во всех трех странах Прибалтики.

Эстония выходит из длительного периода стагнации, характеризующегося фискальной консолидацией. Например, Эстония повысила ставку НДС с 20% до 22% в январе 2024 года, Правительство Эстонии официально называло это повышение НДС налогом на оборону. Также в Эстонии повысили налог на доходы физических лиц и налог на корпоративные дивиденды с 20% до 22%. Уровень цен на продукты питания во всех странах Балтии превышает средний в Евросоюзе: в Эстонии цены на 9% выше, в Латвии – на 4%, а в Литве – на 2%.

По оценке такого финансового института как Citadele, в 2026 г. ВВП Литвы должен был вырасти на 3%; ВВП Латвии – на 2%; ВВП Эстонии – на 2,3%. Как обычно прогноз скорректирован. Luminor сохранил оценки роста ВВП Эстонии на 2026 год (2%) и 2027–2028 гг. (по 3%). Прогноз инфляции подтвержден на уровне 3% на 2026 года, 2% – на 2027 год и повышен до 3% с 2% на 2028 г. Повторилась классическая схема прибалтийского экономического прогнозирования, изначально ориентированная на политические цели общественного управления. На первом этапе делается оптимистичный прогноз, затем в течении года он два раза корректируется в сторону уменьшения. На втором этапе, уже в следующем бюджетном году, прогноз признается провальным и делается столь же оптимистичный прогноз на следующий год.

Рассмотрим показатели инфляции (годовая, среднее по ЕС – 3,3%, данные – май 2026 года). При этом инфляция в Литве – 5,1% (третья худшая страна после Румынии и Болгарии), в Эстонии – 3,6%, Латвии – 3,5%. Уровень безработицы – среднее по ЕС – 5,9%, при этом Литва – 7,0% (не

изменилась с 2025 года), Эстония – 6,4% (в мае 2025 года – 7,8%), Латвия – 6,5% (не изменилась с 2025 г.). Похожая ситуация с дефицитом бюджета (по сравнению с прошлым годом, данные – апрель 2026 года) в Литве – 606,9 млн евро (рост на 7% с апреля прошлого года), Эстония – 365 млн евро (рост на 5% с апреля прошлого года), Латвия – 249,2 млн евро (сокращение на 5% с апреля прошлого года). Покупательная способность населения Прибалтики также не демонстрирует серьезных успехов. (данные за 2025 г.; 100 – средняя по ЕС). Латвия – 71 (ниже только Греция и Болгария), Литва и Эстония несколько ближе к среднему значению. Близкая ситуация с индексом роста цен на жилье (изменение по сравнению с первым кварталом 2025 г., данные – первый квартал 2026) при среднем по ЕС – 5,1%. Показатель Литвы – 11,9%, Эстонии – 5,9%, Латвия – 10,9%.

Государственный долг (данные за 2025 г.) растет во всех трех странах. В Эстонии и Латвии – на несколько процентов за последние пять лет. В Литве – растет только в последние три года. Литва – 39,5% от ВВП (в 2024 г. – 38%; в 2023 г. – 37,5%; в 2020 – 45,9%) Эстония – 24,1% от ВВП (в 2024 г. – 23,5; в 2023 г. – 20,2) Латвия – 46,9% от ВВП (в 2024 г. – 46,2; в 2023 г. – 44,4).

Стремление к получению адекватной информации естественно для любого общества, Прибалтика здесь не исключение. Равным образом, желание обеспечить наилучшее качество управления считалось императивом успешного развития. Строго говоря, первое неразрывно связано с вторым. Однако на практике так получается далеко не всегда, но разрыв между объективными потребностями управления и объективной информацией в странах Прибалтики феноменален. Ранее мы говорили о том, что наличие достоверной информации не гарантирует принятие адекватных управленческих решений. В Эстонии, Латвии, Литве объективная информация по ключевым экономическим и политическим вопросам есть, но «информационное общество перемещает человека в искусственно созданную им же информационную среду, которая начинает предъявлять к нему свои собственные требования во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере политических отношений» (Кирсанов, 2021, с. 68).

Одним из главных уроков СВО для России является недооценка информационного фактора. Между тем, медиа-коммуникационная агрессия избрана в качестве главного оружия тотальной войны против РФ (это тема в целом изучена) и столь же тотальной ре-оккупации собственных стран. Для Прибалтики российская СВО также оказалась очень важной с точки зрения понимания коммуникационных факторов и роли пропаганды.

Населению России совсем недавно (примерно два десятилетия назад) была сделана болезненная прививка от стремления к экономическим и политическим экспериментам. Память об экономической катастрофе жива для абсолютного большинства российского общества. В Прибалтике же выход из кризиса начался уже в середине 90-х. Триумф «холодильника» состоялся в Прибалтике на фоне максимального экономического кризиса в России. Соответственно в Прибалтике населению есть что терять, а историческая память подсказывает к чему это приведет.

2025 год для Эстонии, Латвии, Литвы стал временем накопления экономических проблем, но не одна из них не стала критической с точки зрения политической устойчивости. Все эти проблемы имеют сложную природу, многолетние основания и отсутствие возможностей решения. В 2025 году оценки экономического роста трех стран позиционировались вокруг «нуля». Весь комплекс статистических показателей кроме безработицы – худший в ЕС, и примерно близок к данным по Болгарии и Румынии. Эти обстоятельства даже не скрываются органами власти трех стран. Однако, несмотря на очевидные катастрофические тенденции, балтийские элиты все равно не намерены менять политический курс, а значит и его экономическое содержание.

Литература

Bruns, A. (2019). Are filter bubbles real? Digital Futures Series. Polity Press, United Kingdom.

Dudzevičiūtė, G. (2020). Structural Trends of Defence Expenditure in the Baltic Countries. Challenges to national defence in contemporary geopolitical situation, (1), 257–261. <https://doi.org/10.47459/cndcgs.2020.34>.

Mercier, A. (2004). Guerre et medias: permanences et mutations. [War and the media: permanences and mutations]. Raisons politiques, (13), 97–109. (In French). <https://doi.org/10.3917/rai.013.0097>.

Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You by Eli Pariser. New York: Penguin Press.

Бажан, А. И. (2025). Милитаризация экономики Прибалтики. Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 48(6), 66–76. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620256676>.

Баранов, Е. Г. (2017). Информационно-психологическое воздействие: сущность и психологическое содержание. Национальный психологический журнал, 1(25), 25–31. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0103>.

Балабин, В. И. (2013). О некоторых аспектах завоевания информационного превосходства над потенциальным противником. Проблемы безопасности российского общества, (2-3), 76–84.

Воротников, В. В. (2019). Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги. Современная Европа, (7), 124–135. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135>.

Григорьев, Л. М. (2026). Гражданская война в США (1861–1865): экономические аспекты. Современная мировая экономика, 1(13), 6–25. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2026-4-1-6-25>.

Гриняев, С. Н. (2025). Милитаризация европейского Запада и Арктики: изменение стратегического баланса и угрозы интересам РФ. Аналитические записки Института Европы РАН, (31), 12–19. <http://doi.org/10.15211/analytics43120251219>.

Гуселетов, Б. П. (2026). Современная роль России на постсоветском пространстве: в поисках ответов на новые вызовы. PolitBook, (2), 7–21. <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-7-21>.

Дмитриев, О. А. & Евстафьев, Д. Г. (2026). Эволюция «власти коммуникаций»: от постправды к постреальности. Возможности и пределы социального и политического управления. Управленческое консультирование, (2), 9–22.

Кирсанов, А. И. (2021). Информационная культура — стратегический ресурс политической безопасности личности в информационном пространстве. Власть, 29(2), 62–70.

Мазур, О. Г. & Христофоров, К. С. (2025). Тенденции и результаты реализации информационной политики в странах Северной Европы. Политологические записки, (4), 21–35.

Ознобищев, С. К. & Климов, В. А. (2024). «Новая» милитаризация Европы? Мировая экономика и международные отношения, 68(12), 14–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25>.

References

Bruns, A. (2019). Are filter bubbles real? Digital Futures Series. Polity Press, United Kingdom.

Bazhan, A. I. (2025). Militarization of the Baltic economy. Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN, 48(6), 66–76. (In Russ). <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620256676>.

Baranov, E. G. (2017). The nature and psychological content of information psychological impact. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 1, 25–31. (In Russ). <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0103>.

Balabin, V. I. (2013). About some aspects of gaining information superiority over a potential adversary. Security Problems of the Russian society, (2-3), 76–84. (In Russ).

Dmitriev, O. A. & Evstafiev, D. G. (2026). Evolution of the “Power of Communications”: from Post-truth to Post-reality. Opportunities and Limits of Social and Political Governance. Administrative Consulting, (2), 9–22. (In Russ).

Dudzevičiūtė, G. (2020). Structural Trends of Defence Expenditure in the Baltic Countries. Challenges to national defence in contemporary geopolitical situation, (1), 257–261. <https://doi.org/10.47459/cndcgs.2020.34>.

Grigoriev, L. M. (2026). The American Civil War (1861-1865): economic aspects. Modern World Economy, 1(13), 6-25. (In Russ). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2026-4-1-6-25>.

Grinyaev, S. N. (2025). Militarization of Europe and the Arctic: Transformation of the Strategic Balance and Threats to the Interests of Russia. Analytical papers of IE RAS, (31), 12–19. (In Russ). <http://doi.org/10.15211/analytics43120251219>.

Guseletov, B. P. (2026). The modern role of Russia in the post-soviet space: in search of answers to new challenges. PolitBook. (2), 7–21. (In Russ). <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-7-21>.

Kirsanov, A. I. (2021). Information culture as a strategic resource for political security of personality in the information society. Vlast', 29(2), 62–70. (In Russ).

Mazurya, O. G. & Khristoforov, K. S. (2025). Trends and results of information policy implementation in the Nordic countries. Politologicheskie zapiski, (4), 21–35. (In Russ).

Mercier, A. (2004). Guerre et medias: permanences et mutations. [War and the media: permanences and mutations]. Raisons politiques, (13), 97–109. (In French). <https://doi.org/10.3917/rai.013.0097>.

Pariser, E. (2011). The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You by Eli Pariser. New York: Penguin Press.

Oznobishchev, S. K. & Klimov, V. A. (2024). "New" militarization of Europe? World Economy and International Relations, 68(12), 14-25. (In Russ). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-12-14-25>.

Vorotnikov, V. V. (2019). Euro-Atlantic Integration of the Baltic States: Some Results. Contemporary Europe, (7), 124–135. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019124135>. (In Russ)

Для цитирования: Межевич, Н. М. Информационно-пропагандистское обеспечение военных расходов на примере стран Прибалтики / Н. М. Межевич, Р. Е. Жилин // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 41-53. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-41-53.

А.П. Кочетков**A. Kochetkov****УСИЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ
ЭЛИТ НА ПОЛИТИКУ
ВЕДУЩИХ ЗАПАДНЫХ
ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ****STRENGTHENING THE
INFLUENCE OF
TRANSNATIONAL ELITES
ON THE POLICIES OF
LEADING WESTERN
STATES IN THE 21
CENTURY****Аннотация**

В статье рассматривается возрастающая роль транснациональных элит (ТНЭ) в мировом политическом процессе XXI века. Отмечается, что транснациональные корпорации и стоящие за ними группы все активнее влияют на принятие решений как на глобальном, так и на национальном уровне.

Цель работы — определить формы, методы и степень воздействия современных ТНЭ на политику ведущих западных государств.

Теоретическую основу составляют неомарксистский подход, концепция транснационального капиталистического класса (Л. Склар, У. Робинсон, Дж. Харрис) и теория транснационализма. Используются системный, структурно-функциональный и сравнительный анализ. Автор выделяет неолиберальную и неоконсервативную группировки мировой элиты, различающиеся по отношению к глобализации, границам и экономической политике. Рассматриваются механизмы лоббизма, практика «вращения дверей», продвижение представителей бизнеса в высшие органы власти, финансирование политических партий и установление контроля над крупнейшими СМИ. Приводятся примеры из США, ФРГ, Франции, Италии и Великобритании. Отдельно анализируется лоббистская деятельность транснациональных корпораций в США и ЕС.

Влияние ТНЭ на политику западных стран существенно усилилось. Это позволяет им добиваться наднационального глобального управления в собственных интересах, подчиняя национальные элиты. Подобная

Abstract

The article examines the growing role of transnational elites (TNEs) in the global political process of the 21st century. It is noted that transnational corporations and the groups behind them are increasingly influencing decision-making at both the global and national levels.

The aim of the work is to identify the forms, methods, and extent of the influence of modern TNEs on the policies of leading Western states.

The theoretical foundation is based on the neo-Marxist approach, the concept of the transnational capitalist class (L. Sklar, W. Robinson, J. Harris), and the theory of transnationalism. Systemic, structural-functional, and comparative analyses are used.

The author identifies neoliberal and neo-conservative groups within the global elite, which differ in their attitude towards globalization, borders, and economic policy. The mechanisms of lobbying, the practice of “revolving doors,” the promotion of business representatives to top government bodies, the financing of political parties, and the establishment of control over major media are examined. Examples are provided from the USA, Germany, France, Italy, and the UK. The lobbying activities of transnational corporations in the USA and the EU are analysed separately.

The influence of TNCs on the politics of Western countries has significantly increased. This enables them to achieve supranational global governance in their own interests, subordinating national elites. This trend weakens democratic

тенденция ослабляет демократические институты, ограничивает равный доступ к информации и может иметь негативные последствия для человечества.

institutions, restricts equal access to information, and may have negative consequences for humanity.

Ключевые слова:

транснациональные элиты, транснациональные корпорации, национальные государства, основные группировки мировой элиты, лоббизм, политики, политические партии, СМИ.

Key words:

transnational elites, transnational corporations, nation-states, major groupings of the world elite, lobbying, politicians, political parties, media.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-54-67>

В XXI в. в мире произошли кардинальные изменения во всех сферах жизни общества. На основе развития всеобщей интеграции и унификации формируются новые, мировые экономические, политические и культурные системы, частью которых становятся отдельные государства.

Одновременно в последние десятилетия усиливается влияние транснациональных корпораций не только в мировой экономике и финансах, но и в политике. Стоящие во главе транснациональных корпораций транснациональные элиты (ТНЭ) оказывают мощное влияние на решение важнейших политических проблем как на международном глобальном уровне, так и в рамках отдельных государств. Как откровенно заявлял еще в 1991 году глава клана Рокфеллеров Д. Рокфеллер: «Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия»¹.

Ядро ТНЭ составляет сравнительно небольшая, закрытая группа международных финансистов, преимущественно из США и Великобритании, но разбросанная также по всему миру, распространяющая свою власть на экономику, финансы и социальную сферу. Как справедливо заметил Р. Хунзикер, «глобальный правящий класс имеет в своих руках рычаги формирующегося транснационального государственного аппарата, глобального принятия решений и распоряжений, исходящих от МВФ, Всемирного банка, ЕС и ВТО. Правящий блок этого миропорядка состоит из руководителей глобальных корпораций и финансовых конгломератов, крупных игроков доминиру-

---

¹ Jordan Maxwell. (2000). Matrix of Power: How the World Has Been Controlled by Powerful People Without Your Knowledge. Book Tree. 15-16.

ющих политических партий мира, медийных конгломератов и технократических элит»¹.

В современных условиях происходит постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень, субъекты принятия решений становятся менее доступными, уходят в латентную сферу, а их решения – менее понятными для общества. Укрепляются отчетливо осознающие свою автономность транснациональные элиты, слабо подотчетные национальным электоратам, которые становятся глобальными акторами. Это понятие связано с новыми формами государственной власти на глобальном уровне и широким кругом акторов (от транснациональных низовых организаций до наднациональных коммерческих корпораций и международных организаций).

Теоретической основой исследования являются неомарксистский подход, основанный на концепции транснационального капиталистического класса, разработанной в конце XX – начале XXI века Л. Скляр, У. Робинсоном и Дж. Харрисом, а также теория транснационализма, в рамках которой рассматриваются транснациональные корпоративные, банковские, трансправительственные и иные отношения, формирующие различные каналы коммуникация.

При проведении исследования для определения роли и места транснациональных элит в системе мировой политики использован системный подход. Структурно-функциональный подход применялся для анализа структурных составляющих системы взаимоотношений транснациональных элит и государств, а сравнительный анализ при описании форм и методов отношений транснациональных элит с национальными государствами.

В политической науке нет единого понимания дефиниции «транснациональная элита». Дж. Биверсток использует данное определение в рамках концепции сетевого общества М. Кастельса (Beaverstock, 2005) В. Робинсон указывает на появление тесно связанной с западными странами элиты в развивающихся странах (Robinson, 2000) С. Чернышев отмечает неокорпоративный характер транснациональной элиты (Чернышев, 2001); Дж. Колеман анализирует скрытые структуры и механизмы координации, согласования интересов и принятия решений транснациональными элитами (Колеман, 2005).

Некоторые исследователи используют данный термин, говоря о неких капиталистических династиях, обладающих огромным конвертируемым капиталом (Caroll, Fennemaya, 2002).

---

¹ Hunziker R. (2012). The New Transnational Elite. <https://www.counterpunch.org/2012/08/07/the-new-transnational-elite/>.

Для Д. Роткопфа транснациональная элита – это глобальный «суперкласс», новая элита мировой власти, около 6 тыс. чел., связи между которыми более тесные, чем их связи с родными странами (Rothkopf, 2008).

Российские исследователи Р.Д. Воронин (Воронин, 2019), А.Н. Евсюков (Евсюков, 2022), И.Б. Мамедов (Мамедов, 2016) и др. говоря о новых акторах мирового политического процесса делают акцент на участие в нем не транснациональных элит, а транснациональных корпораций. На наш взгляд, термин «транснациональная корпорация» больше отражает ее экономическую, а не политическую сущность. Транснациональные элиты стоят во главе транснациональных корпораций, являются их владельцами и стремятся создать наднациональные структуры экономической и политической власти.

В целом, однако, существует дефицит исследовательских работ, в которых подробно рассматривались бы вопросы участия транснациональных элит в процессе политического управления и принятия политических решений на государственном уровне в различных странах мира.

Целью статьи является определение форм, методов и степени влияния современных транснациональных элит на политику ведущих западных национальных государств современного мира.

Основные группировки транснациональной элиты

Политическая борьба в мировом политическом процессе в XXI веке все чаще выходит на глобальный уровень и ведется между двумя основными группировками мировой элиты – неолиберальной и неоконсервативной, имеющих некоторые идейно-стратегические различия. Правящие элиты европейских и североамериканских стран в основном принадлежат к одной из этих условных «глобальных партий». Сторонники неолиберальной стратегии предпочитают «прозрачность» государственных границ и государственных структур для управления извне, из транснациональных центров, стремятся смягчить социальные конфликты путем сохранения остатков социального государства. Неоконсервативная стратегия предполагает уменьшение прозрачности государственных границ, закрытие их для излишних миграционных потоков, укрепление бюрократической машины национального государства.

В своей деятельности транснациональные элитные группы не имеют какую-то однозначной ориентации, используют на каждом историческом этапе наиболее соответствующую их интересам стратегию (неолиберальную или неоконсервативную).

В настоящее время, одна группировка транснациональных элит, связанная прежде всего с банковским сектором США, ФРС, продолжает считать наиболее выгодной для себя неолиберальную стратегию, которая была

предпочтительной для основной части правящих национальных элит ведущих стран Запада и транснационального истеблишмента последние десятилетия. В интересах этой группировки сохранение глобализации, оставление неизменной ведущей роли доллара на международной арене и американского гегемонизма в неизменном виде. В их число входит группа Рокфеллеров (Рокфеллеры, Морганы, Куны, Меллоны и ряд других крупнейших банковских семейств США), которая в настоящее время доминирует в ФРС. Эта группа заинтересована в вывозе дешевого американского капитала во все страны мира, так как благодаря ФРС США печатают ничем не обеспеченные доллары, что дает крупным корпорациям значительную прибыль.

Другая группировка транснациональных элит, также имеющая свою значительную долю в мировой банковской системе, связанная больше с «реальной экономикой» и Европой, такое положение дел не устраивает, т.к. этот вариант глобализации по-американски оттесняет их с ведущих позиций в глобальной финансово-экономической системе. Поэтому она стремится сменить неолиберальную стратегию на неоконсервативную, и увеличить инвестиции в производственную экономику. Благодаря неолиберальной политике в США капитал часто уходил из страны, что негативно отражается на конкурентоспособности США и привело к потере доминирования американской экономики в мире.

Неолиберальная группа транснационального капитала для укрепления своих позиций в последние 15-20 лет с помощью США пыталась создать две глобальные зоны свободной торговли: Транстихоокеанское партнерство (ТТП) со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) с Евросоюзом. В их интересах президент США Ю. Обама 4 февраля 2016 года подписал соглашение о создании ТТИП. Однако Ротшильды, Виндзоры, аристократия Южной Германии и Северной Италии, Ватикан выступили против «трансатлантической зоны», в которой господствовать будут американцы.

Переход мирового сообщества в новую фазу развития информационного общества (цифровое общество) заставляет транснациональные элиты, стоящие во главе ТНК, вкладывать большие средства в новые технологии. Сегодня в их руках сосредоточено около 80% патентов и лицензий на технологически новые товары и продукты, что дает возможность ТНК определять условия производства и, в некоторой степени, цены на конечную продукцию (Костин, 2021). В сфере ПО и интернета контролируемые транснациональными элитами ТНК ежегодно выделяют значительные средства на развитие технологий, что отражается на ценах продукции (Подольская, 2024).

Для успешного противостояния национальным государствам транснациональные элиты пытаются заключать международные соглашения, дающие ТНК возможности оказывать давление на национальные правительства. Так, согласно ТТИП (Соглашение о трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве) транснациональные корпорации могли получить право требовать от национальных государств изменений в национальном законодательстве, если оно увеличивает издержки в бизнесе ТНК, что приведет к падению их прибыли. В таком положении оказались национальные государства после подписания Соглашения о Североамериканской Зоне Свободной Торговли (NAFTA).

Все это дает преимущества транснациональным элитам в конкуренции с национальными государствами в мировой экономике.

Лоббистская деятельность транснациональных элит и их связь с ведущими политиками ряда западных стран

Наибольшее распространение приобрела практика лоббизма транснациональных элит в США. Так, например, мировой автомобильный гигант Дженерал Моторс, основными владельцами которого являются крупнейшие мировые инвестиционные фонды The Vanguard Group, BlackRock и др. только в 2025 году истратил на лоббистскую деятельность 11,42 млн долл. Больше всех израсходовала средств 22,22 млн долл. на лоббизм в 2025 году Торгово-промышленная палата США, которая возглавляет лоббирование всех форм и видов поддержки глобализации.

В европейских странах в таких секторах экономики, как сельское хозяйство, горная промышленность и металлургия действуют 13 тыс. лоббистских организаций.

Транснациональные элиты располагают огромными финансовыми возможностями для продвижения своих неформальных представителей в органы власти национальных государств для проталкивая своих проектов, получения льготных кредитов, бюджетной поддержки, государственного страхования и т.п. В ФРГ во втором правительстве Шредера из 60 чел. (включая министров и их заместителей) 12 человек работали в крупнейших мировых корпорациях. Так, например, представитель партии «зеленых» Р. Шлаух (Rezzo Schlauch) был введен в энергоконцерн атомной энергетики, владеющий атомными станциями (Колупаева, 2013).

Советник по национальной безопасности (2001-2005), Государственный секретарь (2005-2009) администраций Д. Буша Кондолиза Райс до перехода на государственную службу была главой комитета по публичной политике Chevron, крупнейшей транснациональной нефтяной корпорации. По-

сле своей отставки в разные годы занимала посты в советах директоров таких компаний как Chevron Corporation, Charles Schwab Corporation, Transamerica Corporation и др.¹.

Несмотря на то, что во Франции официально лоббизм не признается, роль лоббистских структур в Национальном собрании выполняют так называемые группы дружбы (франко-израильская, франко-вьетнамская и т.д.). В последнее время особенно активны местные этнические китайцы (хуацяо), помогающие Пекину в деловом и научно-техническом сотрудничестве с французскими деловыми и научно-техническими кругами. В Париже открыто действует «Китайский центр», координирует всю эту работу, финансирование которого идет прямо из Китая.

Необходимо отметить, что все большее распространение приобретает лоббирование ТНК на уровне ЕС. Численность лоббистов на наднациональном уровне ЕС постоянно увеличивается, поскольку структура Евросоюза дает возможность лоббистам работать здесь эффективнее, чем в государствах-участниках ЕС. Учитывая приоритетность европейского законодательства перед национальным, много групп давления отдают предпочтение лоббированию того или иного законопроекта на общеевропейском уровне.

Следует обратить внимание на то, что транснациональные группировки и отдельные крупные фирмы, располагая внушительными финансовыми средствами, как правило, имеют своих неофициальных представителей в различных звеньях исполнительной власти – министерствах, ведомствах и других государственных учреждениях. Эти промышленные и банковские гиганты обычно тесно координируют свою деятельность с лоббистскими группами в выборных органах, проталкивая соответствующие проекты, добиваясь льготных кредиторов, бюджетной поддержки, государственного страхования и т.д.

Особое внимание транснациональные элиты уделяют сегодня взаимодействию с политическими лидерами и партиями ведущих стран Запада. В XXI веке политические партии приобретают корпоративный характер. Принятие решений в партиях сосредотачивается в руках партийных лидеров. В этих условиях рядовые члены партий не играют сколько-нибудь существенной роли в партийной жизни, что позволяет узкокорпоративным группам политиков-профессионалов, связанных с транснациональными структурами, расширять иметь решающее воздействие на принятие важнейших партийных решений.

Например, министр финансов первой администрации Д. Трампа Стивен Тёрнер Мнучин с 1985 по 2002 гг. был топ-менеджером в Goldman Sachs од-

---

¹ Condoleezza Rice, (2021). <https://www.ebsco.com/research-starters/biography/condoleezza-rice>.

ном из основных банков Ротшильдов, контролировал финансирование президентской избирательной кампании Д. Трампа. После своей отставки возглавил крупный инвестфонд Liberty Strategic Capital¹.

Госсекретарь в первой Администрации Д. Трампа Майк Помпео был креатурой Чарльза и Дэвида Кохов, американских партнеров Ротшильдов, и, получая щедрое финансирование их холдинга Koch Industries, трижды избирался в конгресс, а Koch Industries и ее сотрудники вложили в его избирательные кампании 375 тыс. долл. Во время своей деятельности в Конгрессе США М. Помпео был активным сторонником отмены запрета финансирования крупным бизнесом американских политиков, голосовал за ряд законов, принятие которых было выгодно Кохам.

В ходе предвыборной кампании в США на последних президентских выборах крупнейших американский миллиардер, самый богатый человек мира по списку Forbes И. Маск выделил 119 млн. долл. America PAC — созданному им комитету, помогавшему финансировать предвыборную кампанию Д. Трампа в так называемых колеблющихся штатах. Сооснователь Microsoft Б. Гейтс, по данным The New York Times, пожертвовал 50 млн долл. некоммерческой организации, поддерживающей кандидата от Демократической партии Камалу Харрис.

Сам Д. Трамп, миллиардер, пришел в большую политику из бизнеса и представляет интересы крупного капитала, в первую очередь промышленного и энергетического. Об этом может косвенно свидетельствовать участие в финансировании его избирательных кампаний нефтяных магнатов – Келси Уоррена (Energy Transfer LP), Гарольда Хэмма (Continental Resources), Джеффри Хильдебранда (Hilcorp Energy) и других.

Победе Лидер партии «Вперед республика!» Э. Макрон пришел в большую политику в 2012 году из парижского банка Ротшильдов – Rothschild & Cie Banque, активная поддержка которого помогла Э. Макрону победить на президентских выборах 2017 года во Франции. Еще будучи министром экономики в 2014-2017 гг. посту, Э. Макрон сделал все, чтобы этот банк в 2015 году возглавил рейтинг французских банков по уровню доходов и вошел в первую пятерку мировых банков, специализирующихся на слияниях и поглощениях. Его деятельность на этом посту была направлена на интенсификацию государственной политики на слияние и поглощение государственных компаний, что приводило к росту благосостояния Rothschild & Cie.

---

¹ Steven Mnuchin. (2023). Backs New York Community Bank in \$1 Billion Deal. The New-York Times. <https://www.nytimes.com/2024/03/06/business/nycb-overhaul-cash-mnuchin.html>.

После того как Н. Саркози лидер партии «Союз народного движения» стал президентом (2007-2012), заместителем генерального секретаря его администрации назначили бывшего сотрудника Rothschild & Cie Франсуа Пероля (Глаголева, 2017).

Известный немецкий политик, социал-демократ, бывший канцлер ФРГ Г. Шрёдер в 2006 году стал консультантом Инвестиционного банка Ротшильдов Goldman Sachs по проектам в Восточной Европе, России, Турции и Китае.

Нынешний канцлер ФРГ Ф. Мерц получил свой пост благодаря поддержке крупнейшего мирового инвестиционного фонда BlackRock, председателем наблюдательного совета германского подразделения которого он был до того, как возглавил правительство ФРГ.

Взаимодействие транснациональных элит с политическими партиями

В США и большинстве европейских стран в XXI веке активно развивалось взаимодействие партий и крупных корпораций. В США с 1970-х гг. законом были запрещены «пожертвования» партиям со стороны частного капитала. Чтобы обойти этот запрет крупные корпорации создавали Комитеты политического содействия (КПД), которые собирали средства у персонала и акционеров с последующей передачей их на нужды избирательной кампании кандидата Демократической или Республиканской партий. В 1986 году их насчитывалось не менее 1700. Именно с их помощью Рональд Рейган был избран президентом США в 1981 году.

Политическая деятельность корпораций по линии КПД приводила к несоразмерно большому влиянию различных группировок крупного бизнеса на законодателей и принижала политическую роль других общественных сил, подрывала устои американской демократии. В 1976 году Верховный суд США своим решением по делу «Бакли против Валео» о том, что «деньги – это мнение» разрешил финансирование частными лицами избирательных кампаний, ссылаясь на то, что свобода слова защищена Первой поправкой Конституции и правительство не может контролировать расходы на политические кампании, поскольку ограничение расходов на выражение своего мнения означает нарушение свободы слова. Но это решение не касалось корпоративного капитала. Данный запрет был отменен 21 января 2010 года. Верховный суд решил, что корпоративные деньги тоже являются мнением и свободой слова. После принятия данного решения для подчинения партий крупным корпорациям не осталось никаких барьеров¹.

---

¹ Шапиро, И. (2011). Демократия под натиском капитала. Русский журнал. <http://www.russ.ru/pole/Demokratiya-pod-natiskom-kapitala>.

Пользуясь тем, что партии постоянно испытывают дефицит средств на финансирование избирательных кампаний и содержание своего аппарата крупные корпорации, в том числе и транснациональные постоянно пытаются предложить помощь органам государственной власти европейских стран в решении данного вопроса, что часто приводит к расширению незаконных, уголовно наказуемых связей, периодическим скандальными разоблачениями в этих странах. Но, в Западной Европе, в отличие от США, не поощряется политическое участие большого бизнеса. Поэтому его легализация в ближайшее время маловероятна, хотя потребность во взаимной поддержке сохраняется и поиск связей, устраивающих как обе стороны, так и общество в целом, будет, скорее всего, интенсифицирован.

В настоящее время в ведущих западных странах партии, входящие в правительство или имеющие влияние на принятие правительственных решений, часто имеют в своих рядах лоббистов интересов крупных корпораций, многие из которых транснациональны. Правительственные заказы на проекты в области государственной экономической политики и выделяемые на них бюджетные средства периодически переоформляются. Поэтому компании, желающие получать эти заказы, устанавливают контакты не только со органами исполнительной власти, но и с партиями, принимающими политические решения. Крупные корпорации формируют из влиятельных партийных советников штат лоббистов своих интересов.

Благодаря этому в последнее десятилетие в партийных системах ведущих западных стран значительно увеличилось число лоббистов интересов корпоративного капитала. Хотя в руководстве партий сохраняется разделение на вождей, советников и лоббистов, на практике возросло количество лиц, постоянно переходящих из одной группы в другую. Увеличился слой партийных политиков, оторванных от основной партийной массы, и тесно связанную с крупными корпорациями. Эти корпорации, в свою очередь, финансируют избирательные кампании, проведение опросов общественного мнения, услуги политических советников. В обмен партия берет на себя обязательство в случае ее прихода к власти способствовать расширению политического влияния корпораций.

В XXI веке в Европе наглядным примером такой партии является партия «Вперед, Италия!», основанная в 1990-х гг. предпринимателем, а затем и премьер-министром Сильвио Берлускони, использовавшего ресурсы своих предприятий (телевизионные каналы, издательство, крупный футбольный клуб, финансовая империя, ведущая сеть супермаркетов и т.д.).

«Вперед, Италия!» не является классической политической партией, а скорее представляет собой сеть компаний. Она не защищает интересы како-

го-то социального слоя, не объединяет людей вокруг какой- партийной программы, а создана представителями политической и финансовой элиты, действует в интересах своего вождя. В период нахождения Берлускони находился у власти, транснациональные корпорации значительно активизировали свою деятельность в Италии (Крауч, 2010).

Новые лейбористы в Англии являются примером усиления влияния транснациональных корпоративных элит в партийном секторе. Получив значительное корпоративное финансирование, они стали независимыми от профсоюзов и рядовых членов партии (Крауч, 2010).

Еще один пример. Некоторые эксперты считают, что в США несмотря на рост числа убийств граждан из огнестрельного оружия, не вводится запрет на его свободную продажу. Одной из главных причин бездействия законодателей является то, что оружейные компании США спонсируют ведущие партии страны: Демократическую и Республиканскую партии, а те, в свою очередь, не спешат вводить ограничения на продажу огнестрельного оружия.

Транснациональные элиты и СМИ

В современном информационном обществе СМИ являются решающим фактором распространения разнообразной информации, главным инструментом формирования общественного мнения, средством управления общественным сознанием посредством внедрения идей, образов, концепций, мифов, стандартов жизни и т.д.

Поэтому транснациональные элиты стремятся установить контроль над наиболее влиятельными мировыми СМИ и использовать их в своих интересах. Это дает возможность транснациональным элитам информировать общественность в разных странах о событиях в мире в нужном им ракурсе. Вот почему в ведущих западных странах СМИ находятся в собственности нескольких десятков крупнейших транснациональных корпораций.

Так, в США на долю крупнейших газетных концернов – Gannett и Knight-Ridder приходится около 80% ежедневного тиража всех газет. Только в менее, чем 2% американских городов имеются газеты других владельцев. Почти все журналы в США продаются в киосках, которые принадлежат шести крупным сетевым компаниям. Восемь корпоративных гигантов установили свой контроль над основной частью оборота книжной торговли, а несколько сетей книжных магазинов получают свыше 70% доходов от продажи книг (Пономарева, 2016).

Киноиндустрия также принадлежит нескольким компаниям и банкам. В телевизионной индустрии Америки преобладают четыре крупнейшие сети: ABC, CBS, NBC и Fox News.

В Европе группа Ротшильдов владеет Парижским издательством «Пресс де ля Сите», французской газетой «Либерасьон», BBC (главой стал Маркус Эгиус, зять Эдмунда Ротшильда) и другие масс-медиа.

Ватикан также имеет пять собственных СМИ. Среди них: газета L'Osservatore Romano, «Радио Ватикана», ведущее вещание на 45 языках, и «Телевизионный центр Ватикана». В распоряжении Ватикана два интернет-издания: сайт NEWS.VA и агентство новостей Fides, управляемое Конгрегацией евангелизации народов. Быстро развивается и становится популярным принадлежащее Ватикану приложение для смартфонов The Pope App.

Проведенное исследование показало, что в XXI веке влияние транснациональных элит на политику ведущих западных государств усиливается путем активизации деятельности институтов лоббизма интересов транснациональных элит в этих странах; увеличения в органах государственной власти, в том числе на высших государственных постах, людей, связанных с транснациональными элитами; возрастания зависимости политических партий от финансирования их деятельности транснациональным капиталом. Доминирование транснациональным элит в наиболее значимых мировых СМИ ставит их в особое положение, дает им возможность манипулировать общественным мнением, что нарушает основополагающий принцип демократии о равном доступе к средствам массовой информации всех граждан. СМИ перестают быть выразителями интересов всего общества и становятся политическим орудием транснациональных элит, действуют для реализации их целей и власти. Этот неомонополизм отвергает демократические методы в глобальном управлении в новых исторических условиях.

Конечная, стратегическая цель транснациональных элит в их отношениях с национальными государствами – создание единого глобального центра, некой мегакорпорации, осуществляющей в их интересах управление всем миром (Аттали, 2014). Формы и методы управления этой глобальной корпорации могут быть разные. Но, при всех вариантах национальные государства станут играть подчиненную роль и приведет к лишению национальных государств возможностей решать важнейшие проблемы современности, что они делают сегодня, во благо своих народов и всего человечества. Главная цель транснациональных элит – установить на наднациональном уровне мировое управление в собственных узкокорыстных интересах, а не стремиться к мировому управлению во благо всех людей, что не может ни вызывать всеобщее недовольство, и будет иметь негативные последствия для всего мирового сообщества.

Литература

Beaverstock, J. (2005). Transnational elites in the city: British highly-skilled inter-company transferees in New York City's financial district. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, (2).

Carroll, W., & Fennema, M. (2002). Is there a transnational business community? *International Sociology*, 17.

Robinson, W. A. (2000). Theory of global capitalism: Production, class, and state in a transnational world.

Rothkopf, D. (2008). Superclass: The global power elite and the world they are making. Farrar, Straus and Giroux.

Аттали, Ж. (2014). Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. Питер.

Воронин, Р. Д. (2019). Транснациональные корпорации как двигатель процесса глобализации. *Международный вестник фундаментальных исследований*, (4).

Глаголева, Е. (2017). Ротшильды. Молодая гвардия.

Евсюков, А. А. (2022). Влияние ТНК на мировые политические процессы в условиях современного геополитического противостояния [Автор. дисс. канд. полит. наук]. Российский университет дружбы народов.

Колеман, Дж. (2005). Committee of 300 / Комитет 300. Тайны мирового правительства. Витязь.

Колупаева, Ю. В. (2013). Лоббирование интересов транснациональных компаний в Евросоюзе. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 133–134.

Костин, К. Б. (2021). Роль международного трансфера технологий в эффективном развитии транснациональных корпораций. *Экономические отношения*, 11(3), 565–582.

Крауч, К. (2010). Постдемократия. Изд-во Государственного ун-та – Высшей школы экономики.

Мамедов, И. Б. (2016). Становление и развитие политических исследований деятельности транснациональных корпораций. *Мировая политика*, (1).

Подольская, Т. В. (2024). Использование цифровых технологий в транснациональных корпорациях в современных условиях. *Вопросы инновационной экономики*, 14(4), 1073–1092.

Чернышев, С. (2001). Корпоративное предпринимательство: от смысла к предмету. ГУ-ВШЭ.

References

Attali, J. (2014). *Kratkaya istoriya budushchego. Mir v blizhaishie 50 let* [A brief history of the future. The world in the next 50 years]. Piter.

Beaverstock, J. (2005). Transnational elites in the city: British highly-skilled inter-company transferees in New York City's financial district. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, (2).

Carroll, W., & Fennema, M. (2002). Is there a transnational business community? *International Sociology*, 17.

Chernyshev, S. (2001). Korporativnoe predprinimatel'stvo: ot smysla k predmetu [Corporate entrepreneurship: From meaning to subject]. GU-VShE. (In Russ.)

Coleman, J. (2005). Committee of 300 / Komitet 300. Tainy mirovogo pravitel'stva [Committee of 300. Secrets of the world government]. Vityaz'.

Crouch, C. (2010). Postdemokratiya [Post-democracy]. Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta – Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ)

Evsyukov, A. A. (2022). Vliyanie TNK na mirovye politicheskie protsessy v usloviyakh sovremennogo geopoliticheskogo protivostoyaniya [The influence of TNCs on world political processes in the context of modern geopolitical confrontation] [Author's abstract of Candidate of Political Sciences dissertation]. Rossiiskii universitet druzhby narodov. (In Russ.)

Glagoleva, E. (2017). Rotshil'dy [The Rothschilds]. Molodaya gvardiya. (In Russ.)

Kolupaeva, Yu. V. (2013). Lobbirovanie interesov transnatsional'nykh kompanii v Evrosoyuze [Lobbying the interests of transnational companies in the European Union]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 133–134. (In Russ.)

Kostin, K. B. (2021). Rol' mezhdunarodnogo transfera tekhnologii v effektivnom razvitii transnatsional'nykh korporatsii [The role of international technology transfer in the effective development of transnational corporations]. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 11(3), 565–582. (In Russ.)

Mamedov, I. B. (2016). Stanovlenie i razvitie politicheskikh issledovaniy deyatel'nosti transnatsional'nykh korporatsii [Formation and development of political studies of transnational corporations' activities]. *Mirovaya politika*, (1). (In Russ.)

Podol'skaya, T. V. (2024). Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologii v transnatsional'nykh korporatsiyakh v sovremennykh usloviyakh [Use of digital technologies in transnational corporations in modern conditions]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 14(4), 1073–1092.

Robinson, W. A. (2000). *Theory of global capitalism: Production, class, and state in a transnational world*.

Rothkopf, D. (2008). *Superclass: The global power elite and the world they are making*. Farrar, Straus and Giroux.

Voronin, R. D. (2019). Transnatsional'nye korporatsii kak dvigatel' protsessa globalizatsii [Transnational corporations as the engine of globalization]. *Mezhdunarodnyi vestnik fundamental'nykh issledovaniy*, (4). (In Russ.)

Для цитирования: Кочетков, А. П. Усиление влияния транснациональных элит на политику ведущих западных государств в XXI веке / А. П. Кочетков // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 54-67. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-54-67.

М.А. Бурда

M. Burda

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СУБЪЕКТНОСТЬ
ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ
МИГРАЦИИ: ВЫЗОВЫ
НАЦИОНАЛЬНОМУ
СУВЕРЕНИТЕТУ**

**THE POLITICAL
SUBJECTIVITY OF ETHNIC
DIASPORAS IN THE
CONTEXT OF GLOBAL
MIGRATION: CHALLENGES
TO NATIONAL
SOVEREIGNTY**

Аннотация

В исследовании рассматривается возрастающая роль этнических диаспор, которые все чаще выступают в качестве самостоятельных, влиятельных акторов современных общественно-политических процессов, оказывающих заметное влияние на политические решения и общественные настроения. Анализируются институциональные и функциональные характеристики иммигрантских диаспоральных сообществ, а также их дуалистическая природа, обусловленная необходимостью одновременно сохранять связь с государством исхода, поддерживать этнокультурную идентичность и выстраивать эффективную коммуникацию с принимающим обществом. Особое внимание уделяется методологическим подходам к исследованию феномена диаспоры – институциональному, сетевому, коммуникативному и компаративистскому, применяемым в отечественной и зарубежной науке, а также эволюции понятия «диаспора» в академическом дискурсе. В работе обосновывается, что современные диаспоры, обладая доступом к ресурсам и развитыми сетями вертикальных и горизонтальных связей, способны влиять на миграционную политику, лоббировать конкретные инициативы, рекрутировать своих представителей в органы государственной власти и даже формировать собственные политические партии. Особую опасность с точки зрения воздействия на суверенную миграционную политику современного государства представляет коалиционная активность диаспор с наднациональными структурами (МОМ и др.), что в совокупности создает контуры транснационального

Abstract

The study examines the growing role of ethnic diasporas, which are increasingly acting as independent, influential actors in modern socio-political processes that have a noticeable impact on political decisions and public sentiment. The institutional and functional characteristics of immigrant diasporal communities are analyzed, as well as their dualistic nature, due to the need to simultaneously maintain contact with the state of origin, maintain an ethnocultural identity and build effective communication with the host society. Particular attention is paid to methodological approaches to the study of the diaspora phenomenon - institutional, network, communicative and comparative, used in domestic and foreign science, as well as the evolution of the concept of "diaspora" in academic discourse. The work substantiates that modern diasporas, having access to resources and developed networks of vertical and horizontal ties, are able to influence migration policy, lobby for specific initiatives, recruit their representatives to government bodies and even form their own political parties. A particular danger in terms of influencing the sovereign migration policy of a modern state is the coalition activity of diasporas with supranational structures (IOM, etc.), which together creates the contours of a transnational "international" promoting a single migration discourse in various jurisdictions. Based on the analysis of statistical data, it is concluded that diasporal communities are becoming a significant factor in changing the ethnocultural and religious balance, as well as a very serious source of

«интернационала», продвигающего единый миграционный дискурс в различных юрисдикциях. На основе анализа статистических данных делается вывод о том, что диаспоральные сообщества становятся значимым фактором изменения этнокультурного и религиозного баланса, а также весьма серьезным источником потенциальных этнополитических конфликтов.

potential ethnopolitical conflicts.

Ключевые слова:

этнические диаспоры, политическая субъектность, миграционная политика, институционализация, диаспоральное управление, этнополитические конфликты.

Key words:

ethnic diasporas, political agency, migration policy, institutionalization, diaspora governance, ethno-political conflicts.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-68-82>

Расширение соответствующих возможностей влияния современных этнических диаспор в большинстве стран мира обусловлено не только формированием разомкнутой географии реализации системы международных отношений, но и формированием предпосылок для включения в структуру мировых процессов несистемных и неформальных игроков. Иными словами, речь идет о том, что по мере динамизации современных миграционных процессов резко обостряется запрос на институционализацию устойчивых типов идентичности, которые позволяют чувствовать себя безопасно и не подвергаться проявлениям дискриминации (которые зачастую являются лишь элементом политико-манипулятивных схем) в принимающих обществах. Безусловно, ключевую роль в данных процессах играют непосредственно диаспоральные сообщества. Формируемые в данном контексте идентификационные конструкции являются довольно специфичными, что характеризует и диаспоры, и миграционные общины в качестве акторов, обладающих низким уровнем социальной компетентности, дефицитом правового статуса, а также слабостью политической позиции. При этом диаспоральные сообщества, если они сформированы из иммигрантов, или лиц с иммиграционным прошлым, зачастую остаются проводником интересов и ценностей государства исхода.

В институциональном и функциональном отношении диаспоры, однако, находятся в более затруднительном положении, поскольку, с одной стороны, они должны сохранить связь с материнским сообществом, а с другой стороны, они заинтересованы в конструировании оптимальной коммуникации с принимающим сообществом. Такого рода дуализм может являться предпосылкой к конфликту между национально-государственным и экстра-территориальным компонентами идентичности стран с различной историей,

политическим режимом, уровнем хозяйственно-экономического уклада и т.д. Одновременно это может служить основой возникновения различного рода триггеров социальной напряженности, что имеет потенциал приводить к конфликтам этнополитического и этноконфессионального характера, как следствия выстраивания различных конфигураций коммуникации мигрантов с местным сообществом и определения новых правил и условий пребывания иностранных граждан на территории принимающего государства.

Возникновение в стихийно и неупорядоченно формируемых миграционных потоках организованных структур, коими являются этнические диаспоры, само по себе является серьезным вызовом государственности, поскольку ставит под вопрос осуществление системного контроля над границами и обеспечение монополии на силовые инструменты. В этой связи основная опасность состоит в том, что если совокупное мигрантское население, способствуя неконтролируемому трансграничному движению, формируют разнонаправленные и крайне неравномерно распределенные миграционные потоки, связывая тем самым своеобразными коридорами различные корреспондирующие социокультурные пространства, то диаспоры инициируют представительство интересов мигрантов на соответствующих управленческих уровнях, имея доступ к ресурсам и влияя на процесс принятия решений, и осуществляют лоббирование конкретных инициатив и проектов.

Несмотря на существующее немалое количество научных публикаций, посвященных тем или иным аспектам деятельности современных диаспоральных сообществ, по объективным причинам остаются некоторые лакуны, которые не позволяют во всей исследовательской полноте анализировать феномен диаспор.

Во-первых, это отсутствие самостоятельной правосубъектности в юридическом смысле слова, что накладывает определенные ограничения на изучение моделей и форм институционального взаимодействия диаспор с органами государственной власти. На внутригосударственном уровне диаспоры представлены преимущественно в составе национально-культурных общественных объединений (НКОО) или национально-культурных автономий (НКА), однако определить степень и характер их представленности невозможно, а в логике международного права диаспоры, само собой, также не являются субъектом международных отношений, реализуя свои функции посредством инструментария публичной дипломатии.

Во-вторых, это закрытость контура функционирования диаспор на глобальном уровне, поскольку их реальная деятельность в качестве агентов влияния и проводников повестки международных организаций далеко не всегда открыта и контролируема.

В обоих случаях речь идет и о существующих поисковых ограничениях, а именно о недостатке необходимой статистической и аналитической информации, которую можно верифицировать (подтвердить либо опровергнуть).

Методологический фундамент исследования этнических диаспор образуют четыре ключевых подхода. Институциональный подход трактует диаспору как специфический институт, включенный в процессы социального, правового и политического регулирования и обладающий внутренней системой принципов, ценностных ориентаций и традиций. Сетевой подход акцентирует внимание на структурной организации взаимодействий, которые, как правило, обретают форму сетей, выстраиваемых на основе как иерархических (вертикальных), так и горизонтальных связей. В рамках коммуникативного подхода выявляются ключевые практики и технологии интеракции с органами государственной власти, бизнес-структурами, некоммерческими организациями, группами интересов и политическими акторами. Наконец, компаративистский подход предполагает сопоставление диаспоральных объединений различного уровня и характера по эквивалентным аналитическим параметрам.

Понятийно-категориальная рамка исследования диаспор

Хотя понятие «диаспора» оформилось в академическом дискурсе в 1970-х гг., единого подхода к определению его сущностных характеристик до сих пор не сложилось. При этом, в научный оборот понятие диаспоры ввел еще в конце 20-х гг. XX века основатель чикагской социологической школы Р.Э. Парк, который, однако, трактовал диаспору, прежде всего, как культурную общность, т.е. в большей степени этническую, нежели религиозную (Парк, 2011).

Р.Э. Парка интересовали вопросы ассимиляции и формирования межкультурных связей, в результате чего он сделал вывод о существовании относительно устойчивых и изолированных сообществ, объединенных, соответственно, по культурным признакам и исторически проживающих на какой-то конкретной территории. Таким образом, в первой половине XX столетия понятие «диаспора» стало восприниматься как общность мигрантов по принципу происхождения преимущественно в примордиалистском ключе.

Более предметный анализ диаспор связан с научными публикациями Дж. Армстронга. Его подход заключался в том, чтобы не только выявить подчас незаметные основания конструирования идентичности, которые служат мощным объединительным стимулом внутри диаспоральных сообществ, но и оценить степень их социально-политического влияния (Armstrong, 1976).

Это обусловлено началом периода активного взаимодействия диаспор иммигрантов с институтами власти государства-реципиента, которые проводя в отношении иностранцев политику ассимиляции (аккультурации) были вынуждены искать точки и форматы взаимодействия с инокультурным сообществом. В свою очередь диаспоры иммигрантов пытались найти возможности сохранения среди своих соотечественников определенных элементов своей культуры и идентичности. В контексте такого взаимодействия в значительной степени диаспоры со стороны институтов власти приравнивались и рассматривались как одно из этнических меньшинств.

Начиная с 1980-х гг. акцент при определении диаспоры производился на конкретной стране, в которой в свое время институционализировалась диаспора и теперь осуществляет представительство интересов. При этом исследовательские причины подобного странового фокуса относительно феномена диаспоры условно на Западе и в странах постсоветского пространства различны – в первом случае это преимущественно рост поликультурности и разнородности западных обществ, во втором случае – актуализация проблем значительного числа этнокультурных меньшинств и этнических групп в республиках бывшего Советского Союза, решение которых требовало формулирования соответствующей понятийной основы.

Сегодня существует множество различных подходов к определению понятия «диаспора», однако в основном они формулируются в логике некоего «веберовского» идеального типа явлений и процессов, так или иначе связанных с деятельностью диаспор. Однако довольно очевидны издержки применения подобного идеализированного эталонного варианта с учетом вынесения за скобки негативных последствий реализации некоторых проектов, продвигаемых сегодня диаспорами в том числе на уровне наднациональных структур.

Данный подход является следствием формирования представления о диаспоре как об объективно существующей и даже заданной сущности, однако история знает немало примеров того, как различные диаспоральные организации специально встраивались в технократическую составляющую большинства процессов, связанных с реализацией миграционных и иных глобалистских проектов.

В рамках классической академической традиции сохраняется устойчивая тенденция к использованию дефиниций, фиксирующих структурные и функциональные характеристики диаспоры, интерпретируемые сквозь призму инструменталистского и конструктивистского подходов. Развивая данную методологическую линию, Р. Брубейкер предлагает дифференциацию поня-

тия «диаспора», выделяя три взаимосвязанных семантических уровня (Brubaker, 2005).

В рамках первого уровня речь идет о диаспоре как форме существования в рамках определенной социальной или политической категории, предполагающей осознанную политическую саморепрезентацию такой группы в качестве диаспоры. На втором уровне представленный конструкт усложняется за счет конкретных исторических условий формирования такой диаспоры. Наконец, третий уровень рассматривает «диаспору» как обобщающее прилагательное, которое описывает все многообразие явлений, связанных с первыми двумя уровнями. Иными словами, когда говорят о «диаспоральной кухне», «диаспоральной культуре» или о «диаспоральном сообществе» и «диаспоральной организации» имеют в виду и сам процесс существования группы в рамках соответствующей саморепрезентации, и конкретное состояние этого процесса в тот или иной момент времени. Таким образом, третье значение охватывает одновременно динамику и статику диаспоральных феноменов, объединяя их в единую аналитическую рамку.

В этой связи представляется необходимым оперировать тем пониманием диаспоры, которое включало бы не только некие атрибуты в позитивном смысле, но и проблемы, а также различного уровня конфликты, которые порождают своей работой диаспоральные общности, встроенные главным образом в структуру глобальных институтов – как формальных в виде международных организаций и субъектов надгосударственного регулирования, так и неформальных в виде несистемных либо противоправных игроков.

Достаточно интересным представляется современный спектр исследования этнической диаспоры в российской научной школе, связанный с исследованием прежде всего диаспор иммигрантов и лиц с иммиграционным прошлым.

У.А. Кукина в рамках классического подхода рассматривает диаспору как «часть народа, проживающую за пределами страны «исхода», при этом сохраняющую память об общем этническом происхождении и разделяющую общие духовные ценности. Диаспора способна разрабатывать собственную стратегию взаимодействия как со страной проживания, так и с исторической родиной, создавать институты и организации, направленные на сохранение этнической идентичности» (Кукина, 2024, с. 57).

В свою очередь, А.А. Авдашкин рассматривает диаспору в ключе «транснациональной активности», связывая их деятельность не только с этничностью, но и деятельностью международных организаций, бизнес-сетей и социальных движений (Авдашкин, 2018).

С.К. Князян анализирует диаспоры как один из объектов государственного управления и внешнеполитического ресурса государства-приема мигрантов относительно государств их исхода (Князян, 2024), а Н.В. Панкевич, напротив, отмечает диаспоры как самостоятельного субъекта политического процесса, который зачастую может быть власти неподконтрольным (Панкевич, 2025).

При любой подобной интерпретации подхода к исследованию диаспоры выявляются потенциальные риски ее противопоставления институтам государства, его суверенитету, формируя и транслируя деструктивные ценности и лоббируя соответствующие антигосударственные политические решения. В научно-исследовательском ключе подобная установка применима к постмодернистскому подходу.

Учитывая вышеизложенное, в качестве «рабочего» определения диаспоры можно использовать следующее: диаспора – это социально-политический институт, представляющий интересы сформированных на основе этнической, территориально-исторической, языковой, культурной и религиозной идентичности социальных групп во взаимодействии с государством, а также иными субъектами и акторами общественно-политического процесса.

Диаспоры как самостоятельные акторы общественно-политических процессов

На современном этапе не стоит недооценивать потенциал этнических диаспор, имеющих в распоряжении сложившийся набор практик рекрутирования своих представителей в органы государственной власти и влиятельные общественные организации, развивающих каналы коммуникации с законодателями, а также получающих финансирование от крупных инвестиционных фондов.

А. Гэмлен развивает данную мысль, вводя понятие «diaspora governance» под которым понимается процесс взаимодействия с диаспорами уполномоченных институтов в процессе, которого эти уполномоченные институты формализуют этнические диаспоры как равных партнеров в области управления миграцией, межнациональных отношений, т.е. реализуют политику не в отношении таких диаспор, а с участием диаспор (Gamlen, 2014).

Действительно, в современных условиях диаспоральные сообщества получают новые рычаги влияния на миграционную обстановку во многих странах, набирая, соответственно, серьезный политический вес. Занимая посреднические позиции между государственными структурами страны приема и исхода и местными мигрантскими общинами, диаспоры способны не

только определять этнокультурный состав населения посредством влияния непосредственно на процедуру получения гражданства, но и принимать решения о дальнейших перспективах мигрантов. При этом стандартный процесс социально-правового укоренения диаспоры в пространстве конкретной страны напоминает своеобразную воронку, когда число вновь прибывших превышает число закрепившихся, что способствует расширению соответствующих каналов оседлости мигрантов и их включению в диаспоральные объединения.

Ф.И. Храмцова, рассматривая в своей работе диаспоры в отдельных странах Западной Европы обращает внимание на заметный «вклад» мигрантов и этнических диаспор в изменение структуры населения не только по этническому, но и религиозному составу. По данным на 2022 год, крупнейшие мусульманские общины Европы сосредоточены во Франции (5,7 млн человек, 8,8% населения), за ней следуют Германии (4,6 млн, 5,5%), Великобритании (3,3 млн, 5,2%), Италии (3 млн, 5,1%) и Испании (2,5 млн, 4,2%). Рост мусульманского населения в указанных странах обусловлен ростом миграции из таких стран как Турция и Марокко, а также беженцев из Ирака, Сирии, Афганистана и стран Африки. На основании национальных статистических данных в рамках, проведенных в 2021-2024 гг. переписях населения в указанных государствах можно выделить основные этнические группы диаспоральных сообществ. Говоря об этническом составе диаспор во Франции прежде всего следует выделить алжирскую и марокканскую диаспору, а также выходцев из Сенегала, Мавритании и других бывших французских колоний «черной Африки». В Германии прежде всего выделяются по своим объемам турецкая и польская диаспоры, однако как следствие миграционного кризиса 2015-2016 гг. также наблюдается рост сирийской, иракской и афганской диаспор. В Великобритании наибольшая как динамика, так и количественные показатели наблюдаются среди индийской и пакистанской диаспор. Наиболее крупные диаспоры внутри Италии образованы выходцами из Албании, а в Испании доминируют диаспоральные сообщества марокканцев. Активно расширяются иммигрантские сообщества диаспорального типа в Бельгии (879 тыс. чел. или 8% от всего населения) и Нидерландах (850 тыс. чел. 7% от всего населения) (Храмцова, 2024).

Необходимо также отметить, что диаспоры мигрантов играют важнейшую роль в процессах изменения этнокультурной структуры населения в государствах-реципиентах, особенно с низким демографическим потенциалом местного населения. Различные диаспоральные структуры, как формального, так и неформального типа, становятся агрегатором иммиграционных процессов и интересов иммигрантов при их переезде на новое место

жительность, формулируя определенный уровень социальности потенциальных иммигрантов. Диаспоры, таким образом, выступают основными инициаторами притока новых участников, определяют их персональный состав, а также обеспечивают предоставление благ и устанавливают круг обязанностей. Исполнение таких обязательств является условием членства в диаспоре и открывает доступ к внутридиаспоральным материальным и нематериальным ресурсам.

В связи с этим, в рамках проводимого анализа функциональных характеристик диаспоры целесообразно выделить ряд взаимосвязанных аспектов. Прежде всего, институт диаспоры обеспечивает солидаризацию участников, интегрируя их в сообщество на основе сетей этнической принадлежности, землячества, родства и др. Подобного рода консолидация порождает обременительные хозяйственные зависимости, которые, вменяя членам группы определенные обязательства, одновременно создают механизмы, гарантирующие их исполнение путем формирования внутри иммигрантского сообщества жесткой иерархии вертикальных и горизонтальных связей. Наличие иерархичных связей позволяет выделить особую группу внутри этнической диаспоры, представители которой формально или неформально уполномочены на осуществление коммуникации с органами публичного управления, коммерческими и некоммерческими организациями, а также с местными жителями.

Выстроенная внутри диаспор иерархия позволяет достаточно эффективно реализовать функцию внутреннего контроля и, при необходимости, групповой мобилизации. Это обусловлено тем, что позиционирование принадлежности индивида к диаспоре, как к социальной группе, сопряжена с санкционированием как участия, так и неучастия в конкретных мероприятиях, включая акции неконвенционального и делинквентного характера. Вследствие этого способность рядового члена к самостоятельному действию и принятию решений в значительной степени блокируется императивом лояльности по отношению к группе.

Кроме того, диаспора играет существенную роль в увеличении совокупного экономического вклада в благосостояние стран исхода, что позволяет наращивать политический капитал. Примечательно, что если ранее этот вклад представлял собой преимущественно финансовый поток, реципиентами которого выступали субъекты частного сектора – семьи, домохозяйства, отдельные предприятия, то в настоящее время он все чаще приобретает формы, непосредственно ассоциированные с правительственным центром.

Наконец, диаспора инициирует формирование трансграничных альянсов с организациями, разделяющими дружественную миграционную повест-

ку, например с Международной организацией по миграции (МОМ), рассматривающей диаспоры как своего ключевого партнера. Здесь необходимо сделать акцент на то, что диаспоральные объединения исторически ориентированы на тесное сотрудничество с различными надгосударственными институтами и организациями, обладающими наибольшей концентрацией ресурсов и по объективным причинам далеко не всегда попадающими в зону контроля. В целом это также соответствует существующим практикам МОМ, направленным на расширение прав и возможностей мигрантов и оказание им помощи в их социально-экономической интеграции.

Именно по этой причине многие действия, предпринимаемые международными структурами, не удастся отследить и проверить. Особые позиции в этом контексте занимает ставка диаспор на продвижение международных правовых инструментов, прежде всего Договоров, Конвенций, Пактов и др. и последующее обеспечение их правоприменения в рамках национального законодательства государств-реципиентов.

Исторически МОМ довольно тесно сотрудничает с различными диаспоральными структурами. В вопросе институционализации наметившегося особо внимательного отношения к роли диаспор применительно к миграции и установки на поддержание их активного участия в регулировании миграционных процессов необходимо отметить важный этап, связанный с успешным запуском по инициативе МОМ Глобального альянса по политике в отношении диаспоры (Global Diaspora Policy Alliance, GDPA), создание которого обсуждалось в том числе в ходе Международной конференции по будущей повестке дня действий по глобальному взаимодействию с диаспорой. Опираясь на успех Глобального саммита диаспоры 2022 года и Дублинской декларации, это мероприятие ознаменовало собой критический момент в формулировании и реализации глобальных усилий по использованию преобразовательного потенциала диаспоральных сообществ в части управления и регулирования миграционных потоков. Такая коалиционная активность создает контуры потенциального «интернационала», нацеленного на продвижение единого миграционного дискурса одновременно во многих юрисдикциях и на более эффективную реализацию политики на страновом уровне.

В данном случае речь идет о мерах, направленных на расширение представленности языков этнических диаспор в секторах, связанных с социальным обслуживанием, на снятие законодательных запретов на ношение определенных видов одежды (хиджабы, никабы и др.), а также на инкорпорацию религиозных институтов и практик в такие сферы, как медицина, образование, деятельность кредитно-финансовых организаций, деятельность правоохранительных органов и вооруженные силы, а также формирование

иных отличных общественно-культурных установок в местах компактного проживания иммигрантских сообществ. Это обусловлено имеющимся противоречием системы религиозных (исламских) ценностей у иммигрантов или лиц с иммиграционным прошлым и ценностей современного европейского неолиберализма.

Постепенное формирование напряженности между местными сообществами и этническими диаспорами приводит к накоплению критической массы противоречий, в том числе и на бытовом уровне, которые имеют потенциал трансформации в серьезные конфликты, протекающие внутри государства. Л.В. Слуцкая отмечает: «Диаспоры являются вовлеченными участниками межэтнических противостояний, в которых берут на себя функцию либо артикуляции этнических претензий, либо нейтрализации потенциального или актуального конфликта» (Слуцкая, 2023, с. 57).

В последние годы наблюдается все более выраженный глобальный тренд, состоящий в кооптации диаспоральных элит политическими партиями государств Западной Европы, США и Канады с целью мобилизации дисциплинированного электората и назначения представителей (лидеров) диаспор на значимые посты в институтах власти. Расширение масштабов подобной практики создает условия для переориентации деятельности законодательной и исполнительной ветвей власти на приоритеты диаспоральных сообществ, которые могут существенно отличаться от национальных интересов самого государства. Так, деятельность еврейской диаспоры оказывает существенное влияние на внешнеполитический курс США в ближневосточном регионе, украинская диаспора оказывает существенное влияние на политическое руководство Канады в контексте российско-украинского конфликта, крупные мусульманские диаспоры оказывают влияние на правительства европейских государств в рамках арабо-израильского и палестино-израильского конфликта и др.

Еще одним трендом деятельности этнических диаспор и их последующей институционализации является формирование диаспоральными сообществами политических партий, которые нацелены на продвижение собственной общественно-политической повестки, при этом вполне очевидной особенностью данных структур является их этнический профиль или религиозная ориентация. При этом религиозная ориентация не всегда выполняет функцию квази-объединения иммигрантских сообществ на основании, например, религиозной принадлежности. Как справедливо отмечает С.В. Погорельская, мусульманская диаспора в Германии достаточно разнообразна и представлена различными, часто враждующими между собой направлениями

ислама в связи с чем не рассматривается институтами власти как единое целое (Погорельская, 2026).

На примере Германии можно наблюдать как представители различных этнических групп интегрируясь в политические партии не имеющих формализованного этнического или религиозного маркера впоследствии продвигают через эти партии свою повестку, одновременно принося партиям голоса своих соотечественников. Таким образом, необходимо учитывать, что в вопросе политической институционализации этнических диаспор речь идет не о формировании политических партий по этническому признаку, что в некоторых государствах прямо запрещено на законодательном уровне, а в большей степени об институционализации общественно-политических интересов мигрантов и лиц с иммиграционным прошлым, основанных на вопросах расового неравенства, дискриминации и инклюзивности на площадках идеологически близких данным нарративам политических сил, оппонирующих право-популистской части европейского политического спектра.

Вместе с тем европейская практика демонстрирует, что накопленная диаспорами гражданская масса позволяет самостоятельно выйти на электоральное поле и в рамках этнического политического объединения (партии). В этой связи можно вспомнить успех в нидерландской избирательной практике партии DENK, а также BIJ1, которым удавалось получать места в национальном парламенте.

Достаточно интересным представляется рассмотрение еще одного, феномена современных диаспоральных сообществ – «цифровой диаспоры» (Рязанцев, 2022). Цифровая диаспора рассматривается не как простая совокупность этнических онлайн-сообществ, а как качественно новая социально-технологическая архитектура, представляющая собой динамичную сеть горизонтальных связей, опосредованных цифровыми платформами, в рамках которой конструируется общее символическое пространство диаспорального сообщества. При этом речь не идет о каком-либо замещении реального диаспорального сообщества, а о формировании специализированного цифрового инструментария, позволяющего иммигрантам сохранять агентность и управлять собственной уязвимостью посредством коллективных действий в сети.

Влияние диаспор на современный политический ландшафт современных государств продолжает приобретать все более глобальный характер, при этом, однако, вполне можно проследить формирование некоторых конфигураций: например, таких как Германия – Турция, Франция – Северная Африка, Канада – Украина, США – Мексика. Несмотря на столь беспрецедентный рост политического влияния диаспор, в современных условиях остается нерешенным большинство вопросов, связанных не только с опре-

делением правового статуса диаспоральных организаций и моделей их участия в государственном стратегическом планировании и формировании гражданской идентичности, но и с концептуализацией определения диаспоры в современной политической науке.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в современных условиях этнические диаспоры трансформируются из преимущественно культурно-адаптационных образований в полноценных политических акторов, обладающих значительными ресурсами влияния. Это влияние реализуется через выстраивание иерархических структур внутри диаспоральных сообществ, развитие каналов коммуникации с органами государственной власти, участие в избирательных процессах и лоббирование интересов как на национальном, так и на наднациональном уровнях. Особую роль играет способность диаспор мобилизовывать свои сообщества и обеспечивать внутреннюю дисциплину, что делает их эффективным инструментом продвижения определенных политических повесток, не всегда совпадающих с национальными интересами принимающих государств.

Вместе с тем, дуалистический характер диаспор, вынужденных балансировать между интересами страны исхода и страны пребывания, создает предпосылки для возникновения социальной напряженности и этнополитических конфликтов. Это особенно заметно на фоне роста мусульманских диаспор в Западной Европе, где ценностные противоречия между религиозными установками мигрантов и принципами европейского неолиберализма становятся триггером для формирования конфликтогенного потенциала. Показательным является также пример канадской украинской диаспоры, демонстрирующий, как политически активные сообщества способны влиять на внешнеполитическую риторику и действия принимающего государства.

Несмотря на беспрецедентный рост политического влияния диаспор, сохраняется значительная лакуна в их правовом статусе как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Отсутствие четкой юридической субъектности осложняет исследование их реальной деятельности и контроль со стороны государственных институтов, особенно в части взаимодействия с транснациональными организациями. Это создает риски неконтролируемого влияния на миграционную политику и суверенные решения государств-реципиентов.

Наконец, очевидным является глобальный тренд на кооптацию диаспоральных элит в структуры политических партий и органов исполнительной власти стран Запада, что открывает возможности для переориентации национальных приоритетов в пользу интересов диаспоральных сообществ. В перспективе это требует выработки новых подходов к управлению диаспорами

(diaspora governance), которые учитывали бы как их потенциал в качестве партнеров в регулировании миграции, так и риски, связанные с их деструктивной активностью.

Литература

Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and proletarian diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393–408.

Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19.

Gamlen, A. (2014). Diaspora institutions and diaspora governance. *International Migration Review*, 48(1), 180–217.

Авдашкин, А. А. (2018). Глобальные и локальные диаспоры. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 2(4), 418–425.

Князян, С. К. (2024). Влияние института диаспоры на формирование национально-государственной идентичности современного российского общества. *Власть*, 3(2), 160–164. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-160-164>

Кукина, У. А. (2024). Теоретическое осмысление понятия «диаспора» в политической науке. *Этносоциум и межнациональная культура*, (9(195)), 56–61.

Панкевич, Н. В. (2025). Диаспоральные сообщества в политическом процессе: идентичность, правовой статус, субъектность. *Дискурс-Пи*, 22(2), 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_10

Парк, Р. Э. (2011). *Избранные очерки: Сборник переводов*. Центр социальных научно-информационных исследований.

Погорельская, С. В. (2026). Мусульманская диаспора ФРГ: 2025 г. *Россия и мусульманский мир*, (1(339)), 47–54. <https://doi.org/10.31249/rimm/2026.01.04>

Рязанцев, С. В., Волкова, О. А., & Оставная, А. Н. (2022). Роль цифровой диаспоры в преодолении уязвимости мигрантов в контексте пандемии COVID-19 (кейс молдавских мигрантов). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 22(3), 544–556. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-544-556>

Слущкая, Л. В. (2023). Диаспора в современном политическом процессе: политика диаспоры, дипломатия диаспоры, диаспоральный лоббизм. *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*, (2), 52–60.

Храмцова, Ф. И., & Потапейко, П. О. (2024). Мусульманская диаспора как политический фактор государств Западной Европы. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, (10-3(97)), 55–63. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-3-55-63>

References

- Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and proletarian diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393–408.
- Avdashkin, A. A. (2018). Global'nye i lokal'nye diaspori [Global and local diasporas]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2(4), 418–425. (In Russ.)
- Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19.
- Gamlen, A. (2014). Diaspora institutions and diaspora governance. *International Migration Review*, 48(1), 180–217.
- Khramtsova, F. I., & Potapeiko, P. O. (2024). Musul'manskaya diaspora kak politicheskii faktor gosudarstv Zapadnoi Evropy [Muslim diaspora as a political factor of Western European states]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, (10-3(97)), 55–63. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-10-3-55-63> (In Russ.)
- Knyazyan, S. K. (2024). Vliyanie instituta diaspori na formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Influence of the diaspora institution on the formation of national-state identity of modern Russian society]. *Vlast'*, 32(2), 160–164. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-2-160-164>
- Kukina, U. A. (2024). Teoreticheskoe osmyslenie ponyatiya «diaspora» v politicheskoi nauke [Theoretical understanding of the concept of "diaspora" in political science]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, (9(195)), 56–61. (In Russ.)
- Pankevich, N. V. (2025). Diasporal'nye soobshchestva v politicheskom protsesse: identichnost', pravovoi status, sub"ektnost' [Diaspora communities in the political process: Identity, legal status, subjectivity]. *Diskurs-Pi*, 22(2), 10–28. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_10 (In Russ.)
- Park, R. E. (2011). *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: Collection of translations]. Tsentr sotsial'nykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy.
- Pogorel'skaya, S. V. (2026). Musul'manskaya diaspora FRG: 2025 g. [Muslim diaspora of Germany: 2025]. *Rossiya i musul'manskii mir*, (1(339)), 47–54. <https://doi.org/10.31249/rimm/2026.01.04> (In Russ.)
- Ryazantsev, S. V., Volkova, O. A., & Ostavnaya, A. N. (2022). Rol' tsifrovoy diaspori v preodolenii uyazvimosti migrantov v kontekste pandemii COVID-19 (keis moldavskikh migrantov) [The role of the digital diaspora in overcoming the vulnerability of migrants in the context of the COVID-19 pandemic (case of Moldovan migrants)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 22(3), 544–556. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-3-544-556> (In Russ.)
- Slutskaya, L. V. (2023). Diaspora v sovremennom politicheskom protsesse: politika diaspori, diplomatiya diaspori, diasporal'nyi lobbizm [Diaspora in the modern political process: Diaspora politics, diaspora diplomacy, diaspora lobbying]. *Vestnik Brestskago universiteta. Seryya 1: Filosofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya*, (2), 52–60. (In Russ.)

Для цитирования: Бурда, М. А. Политическая субъектность этнических диаспор в условиях глобальной миграции: вызовы национальному суверенитету / М. А. Бурда // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 68–82. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-68-82.

О.Е. Гришин**O. Grishin****РЕПУТАЦИЯ
ГОСУДАРСТВА В
СОВРЕМЕННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕАЛИЯХ****REPUTATION OF THE
STATE IN MODERN
POLITICAL REALITIES****Аннотация**

В статье рассматриваются факторы формирования репутации государства в современном мире в контексте трансформации расклада политико-экономических и геополитических сил в мировом и национальном политических процессах, а также уточняется дефиниция «репутация государства», анализируются некоторые исследовательские подходы к изучению сущности репутации государства, разбирается проблема выработки репутации как отображения политики государства.

Цель исследования – уточнить исследовательские подходы к изучению сущности репутации государства, предложить рекомендации для результативного конструирования репутации государства в современных политических реалиях в обстоятельствах формирующего полицентричного мирового порядка.

Теоретическая значимость исследования определяется расширением спектра знаний для вклада в теорию использования политических ресурсов и нематериальных активов в политическом процессе.

Практическая значимость обусловлена возможностью употребления некоторых выводов в практике развития и реализации положительной репутации государства в современных политических реалиях, а также для подготовки специалистов в области политологии и юриспруденции. Теоретическая база исследования основывается на концепции реальной политики и теории политических институтов, для объяснения практического инструментария при формировании и реализации репутации государства как нематериального актива. Используются системный, структурно-функциональный, сравнительный, формально-логический, ин-

Abstract

The article examines the factors in the formation of a state's reputation in the modern world in the context of the transformation of the balance of political, economic and geopolitical forces in global and national political processes and also clarifies the definition of "state reputation", analyzes some research approaches to studying the essence of a state's reputation, and examines the problem of developing a reputation as a reflection of state policy.

It recognizes the need to build a sustainable, positive reputation for regional authorities, identifies the relationship between national brands and state reputation, and describes the role of artificial intelligence in building the reputation of regions and the state. The purpose of this study is to clarify certain research approaches to studying the essence of state reputation and to offer recommendations for effectively building state reputation in modern political realities in the context of the emerging polycentric world order.

The theoretical significance of the study is determined by the expansion of the range of knowledge for its contribution to the theory of the use of political resources and intangible assets in the political process.

The practical significance stems from the potential application of some of the findings in the practice of developing and maintaining a positive state reputation in contemporary political realities, as well as training specialists in political science and law.

The theoretical framework of the study is based on the concept of realpolitik and the theory of political institutions, to explain the practical tools for shaping and

ституциональный и субъективный подходы. Применены следующие методы исследования: наблюдение, сравнительный анализ, инвент-анализ, качественный контент-анализ.

Репутация государства выступает инструментом трансформации баланса политико-экономических и геополитических сил в мировом политическом процессе и внутренней политической мобилизации. Репутация государства – это сложный комплексный политический и социально-правовой феномен, базирующийся на константных позитивных представлениях мирового и национального сообщества об уровне его надежности как субъекта-партнера, степени легитимности его политического режима, характере стадий поступательности и последовательности исполнения международных и внутренних заявленных обещаний, способности защищать провозглашенную систему ценностей и гарантировать безопасность.

realizing state reputation as an intangible asset. Systemic, structural-functional, comparative, formal-logical, institutional, and subjective approaches are used. The following research methods were used: observation, comparative analysis, event analysis, and qualitative content analysis. State reputation serves as a tool for transforming the balance of political, economic, and geopolitical forces in global politics and domestic political mobilization. State reputation is a complex political, socio-legal phenomenon based on consistent positive perceptions within the global and national communities regarding its level of reliability as a partner, the legitimacy of its political regime, the nature of the stages of progress and consistency in fulfilling international and domestic promises, and its ability to protect its declared value system and guarantee security.

Ключевые слова:

репутация, репутация государства, защита репутации государства, деловая репутация, репутация региона, национальный бренд, политический институт, технологии.

Key words:

reputation, reputation of the state, protection of the reputation of the state, business reputation, reputation of the region, national brand, political institution, technology.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-83-95>

В первой четверти XXI столетия суверенное государство как политический институт по-прежнему является ключевым актором на региональных и международных аренах, поэтому исследование этого феномена весьма насущно. В настоящее время наблюдаются значительные трансформации в раскладе политико-экономических и геополитических сил в мировом политическом процессе. Одним из инструментов таких трансформаций выступает репутация государства, как внешняя, так и внутренняя.

Цель исследования – уточнить некоторые исследовательские подходы к изучению сущности репутации государства, предложить рекомендации для результативного конструирования репутации государства в современных политических реалиях в обстоятельствах формирующего полицентричного мира.

Задачи исследования: исследовать некоторые научные взгляды на феномен «репутация государства», изучить основные компоненты репутации государства как политического института, уточнить способы защиты репутации государства, охарактеризовать взаимовлияние национальных брендов и

репутации государства, предложить инструментарий для результативного выработки и потенциальной материализации репутации государства.

Теоретическая значимость исследования определяется расширением спектра знаний для вклада в теорию использования политических ресурсов и нематериальных активов в политическом процессе.

Практическая значимость обусловлена возможностью употребления некоторых выводов в практике развития и реализации положительной репутации государства в современных политических реалиях, а также для подготовки специалистов в области политологии и юриспруденции.

Методы и методология. Теоретическая база исследования основывается на концепции реальной политики и теории политических институтов, для объяснения практического инструментария при формировании и реализации репутации государства как нематериального актива. Использованы системный, структурно-функциональный, сравнительный, формально-логический, институциональный и субъективный подходы. Применены следующие методы исследования: наблюдение, сравнительный анализ, ивент-анализ, качественный контент-анализ.

Рассмотрим некоторые исследовательские подходы к изучению сущности репутации государства. А.А. Долгиев полагает, что «Репутация государства представляет собой сложный социально-правовой феномен, складывающийся из устойчивых, позитивных представлений национального и мирового сообщества о его надежности как партнера, легитимности его политического режима, последовательности в выполнении международных и внутренних обязательств, способности защищать провозглашаемые ценности и гарантировать безопасность» (Долгиев, 2026, с. 50). Ф.В. Чирков акцентирует внимание на том, что с точки зрения положений конституционного права репутацию государства должно понимать как конституционно значимую социальную ценность, являющейся платформой общественного доверия к деяниям государства, социального единения и спаянности (Чирков, 2025). Н.А. Власенко, наоборот, подвергая критическому анализу современное состояние европейской и российской государственности с упором на негативные тенденции и аномальности её классической модели, предлагает ввести в научный оборот понятие «отклоняющееся государство» для исследования факторов и видов государственных ошибок, непродуктивной политики и неудач реформ. Среди основных феноменов рассматриваются функциональные и структурно-содержательные отклонения, отчуждение государства от общества, селективность как форма принуждения (Власенко, 2025).

В.В. Ревенко разводит такие понятия «политический имидж», «имидж государства», «бренд страны», «репутация политика» и т.п., приводя доводы дифференциации использования и употребления этих терминов на основании политических, филологических и психологических тенденций в обществе и преобразований в политологическом дискурсе стран постсоветского

пространства и западного мира (Ревенко, 2024). Е.А. Дорина разграничивает понятия «репутация» и «корпоративный имидж» и «формулирует вывод о влиянии объема репутационного капитала на заинтересованность государства в выстраивании взаимоотношений с бизнесом (Дорина, 2013). А.Э. Соколова в свою очередь уделяет внимание многомерности таких дефиниций как «репутация» и «капитал», опираясь на корреляцию таких понятий как «государство», «капитал», «репутация», уточняя формулировку термина «репутационный капитал государства» и его интерпретации (Соколова, 2012). Е. Портманн отмечает, что структура любого языка, как правило, поддерживает человеческое общение и восприятие, зачастую субъективное, окружающего мира, а нечеткость базовых принципов бытия позволяет в определенных границах оптимизировать управление репутацией в широком понимании этого явления с помощью семантических инструментов (Portmann, 2026).

А.В. Тельнов исследует «нормы права, регламентирующие нематериальные блага, а также права государства как субъекта гражданских правоотношений связанные с личным неимущественным правом, как право государства на репутацию. Он аргументирует важность предохранения репутации государства от диффамации и насущность создания необходимого правового обеспечения для защиты личного неимущественного права государства на репутацию» (Тельнов, 2025, с. 2). А.В. Тельнов обосновывает «введение в гражданское законодательство России оценочной категории как репутация, которая, по его мнению, может быть применима к государству, как субъекту гражданско-правовых отношений» (Тельнов, 2016, с. 700). Ф.В. Чирков подчеркивает, что насущность исследования репутации государства детерминирована специфической сферой отношений, требующих правовой охраны, возникающих на гранях политики формирования сильного государства и политики упрочнения традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Он также рассматривает репутацию государства как нематериальное благо, которым оно обладает и защита которого правовым инструментарием весьма допустима. Далее исследователь полагает, что репутация государства является объектом уголовно-правовой охраны, соответствующий защитный комплекс находится в стадии формирования (Чирков, 2025). Например, 10 июня 2026 года Президент России В.В. Путин подписал закон об аресте имущества уехавших россиян, нарушивших закон, то есть тех граждан, которые совершили административные правонарушения против интересов российского государства, в частности, это дискредитация армии страны, призывы к введению санкций в отношении Российской Федерации и т.п.

Один из подходов к анализу репутации государства говорит, что это сумма репутаций его институтов и структур исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, органов государственной и муниципальной

власти (Радченко, 2017). Так, например, И.Е. Ткаченко, И.Н. Колобова полагают, что поликритериальная оценка участников трансграничного взаимодействия репутации таможенных органов и информационно-коммуникационная инфраструктура образуют стержневую платформу, на которой базируется процесс демократизации и оптимизации государственного управления (Ткаченко, Колобова, 2006). Р.Р. Галлямов, З.Р. Мингазова исследовательский фокус ставят на анализе феномена деловой репутации в контексте оптимизации кадровой политики в системе государственного и муниципального управления, формулируя свою версию термина «деловая репутация государственного и муниципального служащего» и координируя это с репутацией института государственной и муниципальной службы (Галлямов, Мингазова, 2011). Т.Р. Ханнанова в широком смысле говорит о важности деловой репутации работника как инструменте модернизации государства, опираясь на философско-правовой аспект, аргументируя положение о росте роли человеческого капитала как существенного фактора экономического развития государства (Ханнанова, 2012). Деловая репутация в целом является ключевым условием и итогом формирования результативной производственной, финансовой, организационно-управленческой, правовой парадигм развития государства (Ястребов, 2019). Н.В. Федоренко увязывает репутацию управленческих элит с модернизацией системы государственного управления, базирующейся на лидерстве, руководстве, доверии, уважении со стороны общества, а также конструктивном взаимодействии, сотрудничестве и партнерстве с ним (Федоренко, 2008). М.Н. Малеина «объясняет субъективное неимущественное право публичного образования на репутацию и предлагает не отождествлять право на честь публичного должностного лица, право на деловую репутацию государственного (муниципального) органа и право на репутацию публичного образования» (Малеина, 2013).

Репутация власти является важной компонентой репутации государства как политического института. Н.Н. Розанова рассматривает конструирование ценностного символического пространства российской власти сквозь призму дальнейшего формирования новой модели развития общества, опираясь на платформу Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Исследователь определяет заявленное направление как стратегию конструирования ценностного отношения к власти, обладающую целенаправленностью, системностью, совместно реализовываемую деятельность власти и общества для создания ценностного пространства российской власти через модификацию и последовательный поступательный двусторонний переход в системе категорий власти: «индивидуальность» - «имидж» - «репутация» - «бренд» (Розанова, 2017). И.Г. Харламов полагает, что в настоящее время «репутация политического лидера или института складывается не только (и не столько) из-за реализации конкретных дел, но и с помощью применения целенаправ-

ленных, массированный коммуникаций, способствующих формированию желательного имиджа, а затем бренда и репутации» (Харламов, 2009, с. 5). Е.П. Крюкова фокусирует внимание на том, что «репутация государственных институтов и представителей власти (их поведение, демонстрация результативности, соблюдение этических эталонов) крепко связана с брендом и выражает прямое воздействие на восприятие страны в целом» (Крюкова, 2026, с. 131).

А.Н. Илясов считает, что в формировании надежной репутации государства важную роль играет качество национального законодательства и практика его применения. В этой связи необходимо укреплять статус национальной государственно правовой системы, повышая как внутренний авторитет государства, так и в полицентричном мире (Илясов, 2007). Так, например, А.Э. Эркин отмечает, что «Кыргызская Республика в первом десятилетии XXI века приобрела репутацию государства с достаточно либеральным банковским законодательством при неразвитости других экономических отношений по сравнению с государствами СНГ (Казахстан, Россия, Узбекистан)» (Эркин, 2009, с. 470).

Исследователи анализируют инновационное развитие регионов (в статье в данном случае под регионом понимается субъект Федерации, понятия «регион» и «субъект Федерации» употребляются синонимично), их социально-экономические показатели, эффективность управления и руководства, а также способность завоевать доверие политиков национального уровня, как правило, для увеличения государственного финансирования и объемов потенциальных субсидий, то есть иными словами речь идет об укреплении репутации регионов (Kutsenko, Ivanova, Vlasova, 2025). Анализ показывает, что в настоящее время репутация страны, региона, территории, их имиджи являются стержневым фактором, способствующих победе или поражению в политическом процесс, а также это влияет на внутренне положение государственных дел. Констатируется, что в регионах наличествует потребность формирования устойчивой положительной репутации региональной власти, способствующей более действенно отстаивать интересы региона перед федеральным центром, а также, как правило, заручиться надежной поддержкой бизнес-структур и местной политической элиты. Репутационные параметры региона являются важным ресурсом, содействующим созданию атмосферы предсказуемости, доверия и коллективных ценностей граждан, проживающих на его территории (Коган, 2010).

Констатируется, что в настоящее время искусственный интеллект как технология все больше и больше вторгается в область социально-гуманитарного знания, что в свою очередь несет определенные угрозы и риски. Под искусственным интеллектом, как правило, понимаются теоретические разработки, создание компьютерных систем и программ, способных выполнить задачи, изначально, требующих человеческого интеллекта и уча-

ствия, такие как распознавание речи, принятие решений, перевод с одного языка на другой, визуальное восприятие. В контексте нашего исследования остановимся на последнем. Так, например, нейросети открывают новые горизонты «уникального» творчества и визуализации, одна из них нарисовала столицы субъектов Федерации, так здесь Ульяновск представлен лицом молодого человека без какой-либо символики, другая нейросеть нарисовала страны в виде животных. Так Россия представлена в образе тигра, тогда как известно, что ее символом является медведь. Медведь же здесь является символом США! На наш взгляд, это является весьма парадоксальным явлением. Таким образом, не претендуя на истину в последней инстанции, можно предположить, что происходит подмена сформировавшихся ранее в сознании масс визуальных восприятий, манипулирование массовым сознанием, внедрение ложных установок и ценностей, дезинформирование в основном поколения «Альфа» и т.п. Полагаем, что с этой стороны репутация субъектов Федерации и государства в целом также требует защиты.

Ряд исследуют взаимовлияние национальных брендов и репутации государства. Они полагают, что при оптимизации имиджа бренда страны активируется цикл: страна расширяет и усиливает коммерческие бренды, которые в свою очередь, формируют образ государства, характеризующийся инновационной экономикой и устойчивостью экономического развития (Якубова, Вавилина, 2018). Важно подчеркнуть, что здесь необходим экспорт национальных брендов, репрезентация культуры, привлечение инвестиций, взвешенная внешняя политика и т.п. В этой связи встает задача обеспечения эффективного партнерства государства и бизнес-структур как стратегический ресурс их скоординированного развития, социальной ответственности и эффективности, а также репутации (репутационного капитала) современной корпорации, среднего и малого бизнеса (Сергеев, 2011; Разов, Маркина, Геронтьев, 2024). Е.А. Дорина рассматривает нематериальные активы бизнес-структур для определения степени влияния на специфику взаимодействия с органами власти и управления. Исследователь рассматривает репутационный капитал корпорации как неотъемлемый элемент административного ресурса (Дорина, 2013). В настоящее время российские компании иногда сталкиваются со значительным набором непредсказуемых обстоятельств, которые могут причинить ущерб их корпоративному имиджу и репутации, а также государству в целом (Авдокушина, 2008). Таким образом, исследователи подвергают анализу трансформации национального брендинга в условиях геополитической нестабильности, полагая, что национальный бренд является действенным коммуникационным инструментарием не только во внешней политике, но способствует усилению внутренней мобилизации, узаконению политических (государственных) решений, преодолению изолированности и восстановлению репутации государства.

Проанализируем инструментарий формирования и реализации репутации государства. Одним из старейших традиционных инструментов формирования и реализации репутации государства является дипломатия. Её можно определить как совокупность актов комплексной скоординированной системной деятельности глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по достижению целей и задач внешней политики, а также для защиты национальных интересов державы за рубежом. В широком смысле «дипломатия — это набор инструментов, позволяющих создавать благоприятную информационную общественную среду в отношении образа и репутации страны» (Бобров, 2019, с. 35). В настоящее время возможность государства результативно применять свои имидж и репутацию является потенциальным средством политического влияния. Прослеживается стремление политических акторов в международных отношениях с помощью системного использования информационно-коммуникационных технологий обеспечить и эффективно реализовать внешнюю политику государства. В частности, для России можно выделить три важных составляющих во внешней политике: укрепление российского государства как международного лидера, создание благоприятных условий для продвижения российских национальных интересов, упрочнение позиций Российской Федерации на постсоветском пространстве.

На региональном уровне при формировании репутации востребованы информационные ресурсы. М.Р. Сафиуллин и Х.А. Павлова полагают, что «Репутация как инструмент узнаваемости в информационной среде с развитием социальных сетей и использованием новых цифровых технологий все больше преобразуется в значимый ресурс, который начинает ощутимо влиять на основные показатели развития организаций. В современных условиях деятельность граждан все больше и больше перемещается в цифровую среду и конкордирует с интернет-активностью профильных государственных организаций, что создает качественно новые возможности и инструменты по повышению инклюзии, вовлеченности населения в реализуемые государственные проекты и программы, а также расширяет потенциал социального диалога, краудсорсинга и содействует укреплению социального самочувствия» (Сафиуллин, Павлова, 2022, с. 110-111). Цифровизация в настоящее время становится ключевым фактором социально-экономического развития субъектов Федерации. Положительная репутация власти сочетается с доверием к ней. В этой связи степень доверия может выступать интегральным критерием действенности власти, обеспечивающей социально-политическую стабильность. Поэтому важен анализ интернет-ресурсов, социальных медиа и иных информационных платформ для раскрытия специфики формирования репутации регионов.

Таким образом, репутация государства в настоящее время выступает инструментом трансформации баланса политико-экономических и геополитических

тических сил в мировом политическом процессе и внутренней политической мобилизации. Репутация государства – это, как правило, сложный комплексный политический и социально-правовой феномен, базирующийся на константных позитивных представлениях мирового и национального сообщества об уровне его надежности как субъекта-партнера, степени легитимности его политического режима, характере стадий поступательности и последовательности исполнения международных и внутренних заявленных обещаний, способности защищать провозглашенную систему ценностей и гарантировать безопасность. Репутацию государства можно охарактеризовать как нематериальный актив, некий символический капитал, включающий в свою структуру такие элементы как престиж, доверие, признание, авторитет и т.п. накопленные этим политическим институтом на определенный исторический срок и представленный на международной арене. С другой стороны, мы полагаем, что в определенных ситуациях ему можно придать вещественный (осязаемый) вид и форму. Репутация государства складывается из ряда факторов, например, политики государства, выступлений политических акторов, материалов средств массовой информации и коммуникации, репутаций государственных институтов и структур исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, органов государственной и муниципальной власти, качества национального законодательства и практики его применения, доверия к власти, деловой репутации государственных и муниципальных служащих, национальных брендов и т.п. Мы полагаем, что субъективистская основа при объяснении материализации репутационного капитала государства в политологии возможна на ряду с другими методологическими подходами его изучении, как правило, заимствуя этот исследовательский инструмент у других социально-гуманитарных наук. Субъективистская основа материализации репутационного капитала государства требует своего дополнительного теоретического обоснования. В настоящее время репутация государства нуждается в защите от диффамации, необходим комплекс мер правового обеспечения для её защиты. Государство для обеспечения своей положительной репутации должно осуществлять имеющимися в наличии способами и методами управление коммуникационными процессами для повышения доверия в контексте достижения морального консенсуса между ним, отдельными гражданами и общества в целом. Анализ показал наличие детерминированности в происходящей динамичной модификации репутации государства как ключевого политического института в продолжающихся условиях формирования полицентричного мира, трансформации мирового порядка и событийных политических факторов глобального характера.

Литература

- Kutsenko, E., Ivanova, E. & Vlasova, V. (2025). Public Funding of Cluster Initiatives in Russian Regions: The Role of Reputation. Reg. Res. Russ. 15, 344–359. <https://doi.org/10.1134/S207997052560060X>.
- Portmann, E. (2026). Reputation Management. In: Portmann, E., Wilke, G., Terán, L., D'Onofrio, S. (eds) Fuzzy Sets and Systems I. Fuzzy Management Methods. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-98472-3_3.
- Авдокушина, М. (2008). Репутационные риски. Как избежать их в управлении компанией. Корпоративная имиджология, 2, 30-33.
- Бобров, А. Н. (2019). Креативный потенциал общественной дипломатии России. Международная жизнь, 1, 35-48.
- Власенко, Н. А. (2025). Отклоняющееся государство: отечественная и зарубежная практика. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки, 29, 3, 601-621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-601-621>.
- Галлямов, Р. Р., & Мингазова, З. Р. (2011). Деловая репутация государственных и муниципальных служащих в контексте модернизации кадровой политики. Вестник ВЭГУ, 5(55), 10-16.
- Долгиев, А. А. (2026). Неимущественные государственные интересы: понятие, виды и вызовы эпохи дипфейк. Труды по интеллектуальной собственности, 56, 1, 48-57. <https://doi.org/10.17323/tis.2026.32174>.
- Дорина, Е. А. (2013). Влияние репутационного капитала корпорации на характер взаимоотношений бизнеса и власти. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 3-2(29), 80-84.
- Илясов, А. Н. (2007). Сущность юридической технологии начальный этап исследования категории. Актуальные проблемы правоведения, 3(18), 37-40.
- Коган, Е. В. (2010). Коммуникативные и социальные аспекты возрастания роли репутации в современном российском политическом процессе. Социум и власть, 4, 38-42
- Крюкова, Е. П. (2026). Имидж и бренд государства Российской Федерации в условиях современной международной конкуренции. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2-1(113), 131-136. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-2-1-131-136>.
- Малеина, М. Н. (2013). Право государства (публичного образования) на репутацию. Государство и право, 5, 100-104.
- Радченко, Д. Б. (2017). Роль социально-коммуникативной технологии в формировании доверия к органам государственной власти. Коммуникология: электронный научный журнал, 2, 3, 6-23.
- Разов, П. В., Маркина, А. М., & Геронтьев, Е. А. (2024). Социальная эффективность малого и среднего бизнеса и ее роль в трансформирующемся российском обществе. Власть, 32, 5, 9-20. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-9-20>.
- Ревенко, В. В. (2024). Дифференциация понятий «образ», «имидж», «репутация» и «бренд» в политологическом дискурсе. Проблемы управления (Минск), 3(93), 96-100.
- Розанова, Н. Н. (2017). Имидж - репутация - бренд: Стратегия формирования ценности власти. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 19, 4, 392-402. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-392-402>.
- Сафиуллин, М. Р., & Павлова, Х. А. (2022). Интернет-репутация организации в оценках глобальной информационной сети (на примере государственных органов Республики Татарстан). Казанский экономический вестник, 1(57), 110-114.

Сергеев, А. А. (2011). Роль корпоративной социальной ответственности в формировании репутационных активов современной корпорации и интеграция КСО в стратегию корпоративного управления. Экономика и инновационное образование, Красноярск: научно-инновационный центр, 10, 2, 874-885.

Соколова, А. Э. (2012). Репутационный капитал государства: проблема интерпретации термина в современной политической науке. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 10-1(24), 176-179.

Тельнов, А. В. (2016). Репутация государства как гражданско-правовая категория: понятие и значение. Право и политика, 6, 700-708. <https://doi.org/10.7256/1811-9018.2016.6.18497>.

Тельнов, А. В. (2025). Репутация Российской Федерации и ее гражданско-правовая защита от диффамации, Москва: ООО «Русайнс», 224.

Ткаченко, И. Е., & Колобова, И. Н. (2006). Внутренние и внешние коммуникации таможенной службы Российской Федерации: состояние, управление, перспективы развития, Москва: Российская таможенная академия, 113.

Федоренко, Н. В. (2008). Специфические черты российской управленческой элиты. Социально-политический анализ. Труд и социальные отношения, 19, 5, 128-140.

Ханнанова, Т. Р. (2012). Деловая репутация работника как фактор модернизации Российской Федерации: философско-правовые аспекты. Вестник Карагандинского университета, 3, 46-51.

Харламов, И. Г. (2009). Репутация - стратегия доверия: от бизнеса к политике, Москва: Информ-Знание, 158.

Чирков, Ф. В. (2025). Репутация государства как объект уголовно-правовой охраны. Вестник Российской правовой академии, 4, 150-159. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-4-150-159>.

Эркин, А. Э. (2009). Банковская система Кыргызской Республики в рамках борьбы с отмыванием денег. Вестник КазЭУ, 6, 470-475.

Якубова, Т. Н., & Вавилина, А. В. (2018). Брендинг как фактор страновой конкурентоспособности в мировом хозяйстве. Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета, 4(73), 3-46.

Ястребов, В. В. (2019). Защита должной (деловой) репутации юридического лица в праве РФ и США. Legal Concept/Правовая парадигма, 18, 2, 117-121.

References

Avdokushina, M. (2008). Reputation Risks. How to Avoid Them in Company Management. Corporate Imageology, 2, 30-33.

Bobrov, A. N. (2019). The Creative Potential of Russia's Public Diplomacy. International Affairs, 1, 35-48.

Chirkov, F. V. (2025). The reputation of the state as an object of criminal law protection. Bulletin of the Russian Law Academy, 4, 150-159. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-4-150-159>.

Dolgiev, A. A. (2026). Non-property State Interests: Concept, Types, and Challenges of the Deepfake Era. Transactions on Intellectual Property, 56, 1, 48-57. <https://doi.org/10.17323/tis.2026.32174>.

Dorina, E. A. (2013). The Influence of a Corporation's Reputational Capital on the Nature of Relations between Business and Government. Historical, Philosophical, Political,

and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theory and Practice, 3-2(29), 80-84.

Erkin, A. E. (2009). The Banking System of the Kyrgyz Republic in the Framework of the Fight against Money Laundering. *Vestnik KazEU*, 6, 470-475.

Fedorenko, N. V. (2008). Specific Traits of the Russian Managerial Elite. A Socio-Political Analysis. *Labor and Social Relations*, 19, 5, 128-140.

Gallyamov, R. R., & Mingazova, Z. R. (2011). Business Reputation of State and Municipal Employees in the Context of HR Policy Modernization. *Vestnik VEGU*, 5(55), 10-16.

Ilyasov, A. N. (2007). The Essence of Legal Technology: The Initial Stage of Category Research. *Actual Problems of Jurisprudence*, 3(18), 37-40.

Khannanova, T. R. (2012). Employee Business Reputation as a Factor in the Modernization of the Russian Federation: Philosophical and Legal Aspects. *Bulletin of Karaganda University*, 3, 46-51.

Kharlamov, I. G. (2009). Reputation - a strategy of trust: from business to politics, Moscow: Inform-Znanie, 158.

Kogan, E. V. (2010). Communicative and Social Aspects of the Growing Role of Reputation in the Contemporary Russian Political Process. *Society and Power*, 4, 38-42.

Kryukova, E. P. (2026). The Image and Brand of the Russian Federation in the Context of Contemporary International Competition. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2-1(113), 131-136. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2026-2-1-131-136>.

Kutsenko, E., Ivanova, E. & Vlasova, V. (2025). Public Funding of Cluster Initiatives in Russian Regions: The Role of Reputation. *Reg. Res. Russ.* 15, 344-359. <https://doi.org/10.1134/S207997052560060X>.

Maleina, M. N. (2013). The Right of the State (Public Entity) to Reputation. *State and Law*, 5, 100-104.

Portmann, E. (2026). Reputation Management. In: Portmann, E., Wilke, G., Terán, L., D'Onofrio, S. (eds) *Fuzzy Sets and Systems I. Fuzzy Management Methods*, Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-98472-3_3.

Radchenko, D. B. (2017). The Role of Social and Communicative Technology in Building Trust in Government Bodies. *Communicology: Electronic Scientific Journal*, 2, 3, 6-23.

Razov, P. V., Markina, A. M., & Gerontiev, E. A. (2024). Social efficiency of small and medium-sized businesses and its role in the transforming Russian society. *Vlast*, 32, 5, 9-20. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-9-20>.

Revenko, V. V. (2024). Differentiation of the concepts of «image», «image», «reputation» and «brand» in political science discourse. *Problems of Management (Minsk)*, 3(93), 96-100.

Rozanova, N. N. (2017). Image - reputation - brand: Strategy for forming the value of power. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 19, 4, 392-402. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2017-19-4-392-402>.

Safiullin, M. R., & Pavlova, H. A. (2022). Online Reputation of an Organization in Assessments of the Global Information Network (using the Government Agencies of the Republic of Tatarstan as an Example). *Kazan Economic Bulletin*, 1(57), 110-114.

Sergeev, A. A. (2011). The Role of Corporate Social Responsibility in Forming Reputational Assets of a Modern Corporation and the Integration of CSR into Corporate Management Strategy. *Economics and Innovative Education*, Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 10, 2, 874-885.

Sokolova, A.E. (2012). Reputational Capital of the State: The Problem of Interpreting the Term in Modern Political Science. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice Issues, 10-1(24), 176-179.

Telnov, A.V. (2016). State Reputation as a Civil Law Category: Concept and Meaning. Law and Politics, 6, 700-708. <https://doi.org/10.1134/2017.1007>.

Telnov, A.V. (2025). The Reputation of the Russian Federation and Its Civil-Law Protection from Defamation, Moscow: OOO «Rusains», 224.

Tkachenko, I.E., & Kolobova, I.N. (2006). Internal and External Communications of the Customs Service of the Russian Federation: Status, Management, and Development Prospects, Moscow: Russian Customs Academy, 113.

Vlasenko, N.A. (2025). The Deviating State: Domestic and Foreign Practice. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 29, 3, 601-621. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-3-601-621>.

Yakubova, T.N., & Vavilina, A.V. (2018). Branding as a Factor of Country Competitiveness in the Global Economy. Vestnik of the Saratov State Socio-Economic University, 4(73), 3-46.

Yastrebov, V.V. (2019). Protection of the due (business) reputation of a legal entity in the law of the Russian Federation and the USA. Legal Concept/Legal Paradigm, 18, 2, 117-121.

Для цитирования: Гришин, О. Е. Репутация государства в современных политических реалиях / О. Е. Гришин // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 83-95. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-83-95.

**Т.С. Денисова,
С.В. Костелянец**

**T. Denisova,
S. Kostelyanets**

**ОТ ПЕРЕВОРОТА К
ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ПОРЯДКУ: ВОЕННЫЕ
РЕЖИМЫ МАЛИ,
БУРКИНА-ФАСО И
НИГЕРА**

**FROM COUP TO
POLITICAL ORDER: THE
MILITARY REGIMES OF
MALI, BURKINA FASO
AND NIGER**

Аннотация

После переворотов 2020–2023 гг. военные власти Мали, Буркина-Фасо и Нигера первоначально связывали переходный период с восстановлением безопасности и последующей передачей власти гражданским институтам. К середине 2026 г. сроки политических транзитов были пересмотрены, чрезвычайное правление обрело более устойчивые правовые и политические основания, а оправдание самого переворота сменилось обоснованием долгосрочного военного режима. В статье проводится сравнительный анализ трех страновых кейсов, рассматриваются способы институционализации заявленного суверенистского курса и содержание переходных хартий и законов, официальных выступлений, документов Альянса государств Сахеля (АГС) и Экономического сообщества стран Западной Африки, используются научные исследования и сообщения СМИ. Проведенный анализ показывает, что в Мали акцент на идеологии сместился в сторону укрепления госаппарата и восстановления дееспособности армии. В Буркина-Фасо на первый план вышли лозунги радикальной народной мобилизации и концентрация властных полномочий в руках Ибрагима Траоре и узкого круга его сторонников. В Нигере на смену риторике сопротивления внешним санкциям пришло планомерное юридическое укрепление военного правительства. Одновременно АГС сформировал пространство для взаимного политического признания новых режимов. Во всех трех государствах фиксированные сроки проведения выборов уступили место абстрактным целям, к достижению которых военные привязали финал своего правления. Эволюция

Abstract

After the coups of 2020–2023, the military authorities in Mali, Burkina Faso, and Niger initially linked the transitional period to the restoration of security and the subsequent transfer of power to civilian institutions. By mid-2026, however, the timelines of political transition had been revised, emergency rule had acquired more durable legal and political foundations, and the justification of the coups themselves had gradually given way to the legitimization of prolonged military rule. The article provides a comparative analysis of the three country cases. It examines the institutionalization of the regimes' stated sovereignty agendas, as well as transition charters and legislation, official statements, documents of the Alliance of Sahel States (AES) and the Economic Community of West African States (ECOWAS), academic studies, and media reports. The analysis shows that in Mali the ideological emphasis has shifted toward strengthening the state apparatus and restoring the operational capacity of the armed forces. In Burkina Faso, radical popular mobilization and the concentration of political authority in the hands of Ibrahim Traoré and a narrow circle of his supporters have moved to the forefront. In Niger, the rhetoric of resistance to external sanctions has gradually been replaced by the systematic legal consolidation of military rule. At the same time, the AES has created a regional framework for the mutual political recognition of the new regimes. In all three countries, fixed electoral deadlines have given way to open-ended goals whose achievement the military authorities have made a condition for relinquishing power.

легитимации современных сахельских режимов развивается по пути перехода от критики провалов гражданских предшественников к конструированию собственного проекта государственности. Подобная модель позволяет лидерам обосновывать долгосрочное удержание властных позиций, но одновременно возлагает на них единоличную ответственность за обеспечение безопасности, дееспособность институтов и социально-экономическую стабилизацию.

The legitimization of contemporary Sahelian regimes is thus evolving from criticism of the failures of their civilian predecessors toward the construction of their own projects of statehood. This model enables military leaders to justify prolonged rule, while at the same time placing direct responsibility on them for security, institutional capacity, and socio-economic stabilization.

Ключевые слова:

легитимация, военные режимы, Сахель, Мали, Буркина-Фасо, Нигер, суверенитет, Альянс государств Сахеля, переустройство государства.

Key words:

legitimation, military regimes, Sahel, Mali, Burkina Faso, Niger, sovereignty, Alliance of Sahel States, refoundation.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-96-119>

Серия военных переворотов в Мали (2020 и 2021 гг.), Буркина-Фасо (дважды в 2022 г.) и Нигере (2023 г.) изначально укладывалась в рамки привычной для Западной Африки борьбы за власть. Сами путчисты подкрепляли этот нарратив: созданные ими органы именовались «переходными», а легитимность режима напрямую увязывалась с будущими выборами. Однако к середине 2026 года концепция политического транзита утратила актуальность. В трех государствах сформировались новые правовые институты, политические партии были распущены, а сроки правления военных администраций стали фактически бессрочными.

В Буркина-Фасо обновленная в мае 2024 года Хартия переходного периода (*Charte de la Transition*) пролонгировала полномочия властей на пять лет, официально закрепив за Ибрагимом Траоре статус президента Республики. Затем в Нигере принятая 26 марта 2025 года Хартия возрождения (*Charte de la Refondation*) институционализировала новые рамки транзита, предусмотрев для Абдурахмана Чиани пятилетний возобновляемый президентский срок. Наконец, в Мали Закон о пересмотре Хартии переходного периода (*Loi portant révision de la Charte de la Transition*) от 8 июля 2025 г. установил для главы государства аналогичный пятилетний мандат с возможностью продления «столько раз, сколько необходимо» для полной стабилизации обстановки в стране, что одновременно предоставило Ассими Гоита право баллотироваться на будущих выборах.

Академическая дискуссия, посвященная ситуации в регионе, изначально была сосредоточена на причинах и предпосылках подъема новой

волны переворотов и на феномене общественной лояльности к вмешательству армии в политику. Данные Afrobarometer и независимых исследователей фиксировали снижение уровня недовольства захватом военными власти в ряде стран континента, обусловленное разочарованием населения в эффективности гражданского правления (García-Rivero, 2022; Elischer & Lawrance, 2022; Hatungimana, 2025). Так, Д. Туки на примере Нигера показал, что еще накануне переворота 2023 года значительная часть общества считала путч допустимым ответом на коррупцию и другие злоупотребления властей, причем пережитый опыт политического насилия лишь усиливал эту тенденцию (Tuki, 2024). В свою очередь, С. Примус связывал феномен поддержки малийского режима с синергией материального неблагополучия и деколониального дискурса (Primus, 2025).

Если характер общественного спроса на альтернативу гражданским политическим элитам к настоящему моменту концептуализирован достаточно подробно, то механизмы его эволюции изучены слабо. Без ответа пока остается вопрос о том, как первоначальное конъюнктурное согласие с фактом переворота трансформируется – или не трансформируется – в долгосрочное признание права военных на управление государством спустя годы после захвата ими власти.

С точки зрения анализа политического дискурса происходящие процессы выходят далеко за рамки простой смены внешнеполитического вектора развития Сахеля. Как показала Б. Энгельс, антифранцузские и антиколонизальные настроения в регионе сформировались задолго до прихода к власти нынешних военных лидеров и имели автохтонную социальную базу (Engels, 2023). С.М. Колд-Равнкильде и А. Силла детально проследили роль малийских активистов и медиаблогеров в конструировании суверенистской повестки (Cold-Ravnkilde & Sylla, 2024). На материалах полевых исследований в Буркина-Фасо и Нигере А. Сандор и Л. Берлингоzzi выявили схожую, хотя и неодинаковую, роль гражданских акторов: последние не просто солидаризируются с радикальным суверенистским курсом, но и адаптируются к сужению пространства для инакомыслия (Sandor & Berlingozzi, 2026). Применительно к Буркина-Фасо Ф. Айна сравнивает революционную и антиимпериалистическую риторику Траоре с его же авторитарными практиками (Aina, 2026).

Сделаем оговорку: в этой статье стремление к обретению подлинного суверенитета не рассматривается ни как проект деколонизации, ни как «ширма» для прикрытия диктатуры. Задача исследования – проверить, как суверенистский курс работает на практике, и определить, какие именно решения властей он оправдывает, какие социальные группы привлекает на

сторону новых режимов и как помогает делегитимировать требования возврата к прежним правилам политической конкуренции.

В статье разделяются два понятия – легитимности (в этом случае общество искренне признает право правительства управлять) и легитимации (когда власть сама пытается это признание создать и удержать). Это различие особенно важно в контексте, когда открытая политическая борьба сворачивается и измерить реальную поддержку населением сахельских режимов становится непросто. Популярность лидера, отсутствие протестов и законность самого режима – совершенно разные маркеры. После того как политические партии в Нигере (март 2025 г.), Мали (май 2025 г.) и Буркина-Фасо (январь 2026 г.) были распущены, легальное политическое поле заметно сузилось. В этих условиях особую важность обретают вопросы: как именно военные обосновывают свои права на власть, посредством каких законов они их закрепляют и какие формы общественного отклика на это удается зафиксировать?

Центральный исследовательский вопрос работы – как именно военные режимы Мали, Буркина-Фасо и Нигера переходят от оправдания захвата власти к обоснованию долгосрочности своего правления. Сравнительный анализ охватывает период с августа 2020 года по середину 2026 года. В фокусе внимания авторов – три аспекта: трансформация аргументов военных режимов по мере продления их полномочий, укоренение суверенистских лозунгов во внутреннем государственном устройстве и создание Альянса государств Сахеля (АГС) как пространства взаимного признания политического курса. Такой подход помогает разграничить сам факт силового удержания власти и те механизмы, с помощью которых это удержание публично объясняется и юридически закрепляется.

В качестве теоретической основы работы выбран подход Д. Битэма, связывающий легитимность с правилами обретения и осуществления власти, нормативным оправданием этих правил и выраженным согласием с ними граждан страны (Beetham, 2013). Для режимов, возникших в результате военного переворота, первый критерий уязвим по определению, так как смена власти происходит путем нарушения конституционных процедур. Именно поэтому новые лидеры вынуждены разъяснять обществу, почему сам факт нарушения закона был оправдан и на каком основании их исключительное право на управление должно сохраняться и после преодоления острого кризиса смены власти.

Подход Д. Битэма мы дополняем современными исследованиями авторитарий. В частности, Й. Гершевски различает три механизма устойчивости недемократических режимов – легитимацию, кооптацию и репрессии. Тем

самым он указывает на опасную исследовательскую ошибку – принимать пассивное отсутствие сопротивления за искреннее общественное согласие (Gerschewski, 2013). В своих последующих работах автор проводит четкую границу между притязаниями лидеров режима на легитимность и восприятием его гражданами (Gerschewski, 2018, 2023). Для сегодняшнего Сахеля это различие имеет принципиальное значение: запрет политических партий, привлечение сторонников к работе в государственных органах и преследования инакомыслящих разворачиваются одновременно с использованием суверенистских и мобилизационных лозунгов. Анализировать их как единый «уровень поддержки» значило бы смешивать разные политические процессы.

Понятие стратегии легитимации в данной статье опирается на классификацию М. Танненберга и его соавторов, различающих притязания, основанные на результатах управления, идеологии, личности руководителя и процедурах (Tannenberga et al., 2021). Эти категории задают общую логику исследования. Так, пример Сахеля показывает, что суверенистские лозунги одновременно служат для обоснования внешнеполитической дееспособности, проведения институциональных реформ и отказа от прежних графиков передачи власти гражданским.

В настоящей статье суверенитет понимается как заявленная и практически реализуемая способность государства самостоятельно определять внутренний и внешний политический курс и ограничивать влияние внешних акторов на принятие ключевых решений. Эмпирически суверенистский курс оценивается по трем группам проявлений: пересмотру военных соглашений и выбору внешних партнеров, установлению контроля над стратегическими ресурсами и изменению внутренних политических институтов, которое власти обосновывают необходимостью укрепления самостоятельности государства. Такое понимание учитывает постколониальную трактовку суверенитета, обращающую внимание на сохраняющееся воздействие исторически сложившихся асимметрий международной власти на африканские государства (Grovoqui, 2002, p. 316–317).

Особого пояснения требует Буркина-Фасо. Высокая концентрация внимания к личности И. Траоре не позволяет автоматически относить его власть к харизматическому типу в веберовском смысле. К. Аке в своей классической работе справедливо настаивал, что для подобного вывода необходим большой объем эмпирических данных о восприятии лидера его последователями: одного лишь анализа публичного образа лидера недостаточно (Аке, 1966). Поэтому в настоящей работе используется более узкая категория – персоналистское притязание на легитимность.

Выбор Мали, Буркина-Фасо и Нигера обусловлен тем, что они представляют собой наиболее сопоставимые кейсы в современном Центральном Сахеле. Перевоороты здесь произошли примерно в один отрезок времени (2020–2023 гг.); все три государства разорвали прежние отношения с Францией, вступили в конфликт с Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС) и затем совместно создали АГС. Правда, исходные политические контексты заметно различались: глубокий протестный кризис в Мали, свержение предыдущего военного правительства в Буркина-Фасо и мятеж президентской гвардии в Нигере (McCullough & Sandor, 2023; Садовская, 2024). Судан и Чад, также пережившие военные перевороты (Судан в 2019 и 2021 гг.; Чад – в 2021 году после смерти И. Деби), в выборку не включены: военные режимы в этих странах возникли посредством других механизмов и не встроены в общий контур АГС, а лидеры используют иную внешне- и внутривластную риторику.

От переворота к новому мандату

Общий для трех стран повод к вмешательству армии сформировался задолго до появления единого суверенистского языка АГС. В Мали летом 2020 года спор вокруг парламентских выборов наложился на протесты против коррупции, неэффективности государственных институтов и неспособности властей предотвратить деградацию силовых структур. Широкое оппозиционное «Движение 5 июня – Объединение патриотических сил» (Mouvement du 5 Juin–Rassemblement des Forces Patriotiques, M5-RFP) к тому моменту уже несколько месяцев добивалось отставки президента Ибрагима Бубакара Кейты. Неслучайно сразу после его ареста военными официальный представитель коалиции Нухум Того в комментарии для Reuters подчеркнул, что произошедшее является «народным восстанием», а не банальным военным путчем. Таким образом, армейское руководство получило возможность представить свержение главы государства как неизбежную развязку глубокого гражданского кризиса, созревшего без прямого участия военных.

Впрочем, консенсус оказался недолгим. Уже в сентябре 2020 года движение M5-RFP отвергло подготовленную военными хартию переходного периода и оспорило предложенный порядок распределения должностей в новых органах управления. То есть первоначальное одобрение свержения И.Б. Кейты со стороны M5-RFP вовсе не означало, что армия получила карт-бланш на долгосрочное политическое правление.

В Буркина-Фасо смена режимов была увязана преимущественно с военно-политической дестабилизацией. Главным поводом для январского переворота 2022 года стала неспособность гражданского правительства Рока

Марка Кристиана Каборе остановить джихадистский террор. Однако всего через восемь месяцев этот же аргумент сыграл и против лидера переворота Поля-Анри Дамибы. Опыт повторного путча важен для понимания механизмов легитимации: сам по себе приход военных к власти не мог удовлетворить общественный и внутриармейский запрос. Новое руководство должно было доказать, что способно справиться с кризисом безопасности эффективнее предшественников. Эта ситуация подтверждает выводы ряда ученых: отношение граждан к военным властям в Африке напрямую зависит от того, справляется ли государство со своими обязанностями (García-Rivero, 2022; Hatungimana, 2025).

В отличие от ситуации в соседних странах в Нигере накануне событий 26 июля 2023 года не было антиправительственных протестов. Переворот начался как локальный мятеж президентской гвардии, к которому лишь затем присоединилось руководство остальных силовых ведомств. К. Маккалоу и А. Сандор связали успех этого путча с внутренними разногласиями в оборонном секторе и со спорами вокруг международного военного сотрудничества (McCullough & Sandor, 2023). При этом значительная часть общества оказалась восприимчивой к идее экстренного вмешательства армии, как уже упоминалось (Tuki, 2024).

Таким образом, военные лидеры получили первоначальный кредит доверия за счет слабости и провалов своих предшественников, однако спустя некоторое время оказались перед необходимостью нести ответственность за результаты своего правления. Проблема устойчивости таких режимов находится в центре внимания Б. Хайдары, который задается вопросом: способна ли массовая популярность военных режимов быть самостоятельным и прочным фундаментом их легитимности (Haidara, 2024)? Ведь уже вскоре после прихода к власти новые лидеры начали искать более надежные инструменты ее упрочения, стремясь уменьшить зависимость от памяти о провале гражданских администраций. Так формировался новый политический мандат: право военных оставаться у власти стало обосновываться уже не самим кризисом, приведшим к перевороту, а способностью реализовать собственный государственный проект.

Важным внешним фактором стало давление со стороны ЭКОВАС. Региональное сообщество опиралось на закрепленный с начала 2000-х годов запрет на неконституционную смену власти. В отношении Сахеля организация задействовала привычный арсенал: от приостановки членства и введения жестких санкций до категорических требований соблюдать график выборов. Юридические и политические противоречия этой практики подробно проанализировали Я.Н. Аду и А.Б. Мезяев, отмечавшие как внутреннюю ло-

гику ЭКОВАС, так и трудности применения правил, которым пыталось следовать это объединение (Аду & Мезяев, 2024).

В случае с Нигером давление ЭКОВАС достигло максимума. 30 июля 2023 года сообщество потребовало немедленного возвращения власти президенту Мохамеду Базуму (2021–2023), закрыло границы и уже 10 августа одобрило развертывание резервных сил. Однако жесткий прессинг предотвратил Национальному совету спасения Родины (Conseil national pour la sauvegarde de la patrie, CNSP) мощный политический ресурс, которого у военных во время переворота не было. С этого момента нигерское руководство начало позиционировать защиту своего режима как спасение всего Нигера от экономического давления и угрозы военной интервенции со стороны стран ЭКОВАС и Франции.

На фоне этих событий понятие суверенитета начало обретать ту универсальную роль, которую оно в настоящее время играет во всех трех государствах. Этот концепт позволил военным связать кризис безопасности, народное недовольство прежними западными партнерами и исключительное право нового руководства самостоятельно определять путь развития. Разумеется, потенциал такой риторики не безграничен: одобрение лозунгов во все не означает готовность общества мириться с бессрочной военной диктатурой. Однако именно суверенистский дискурс наделил военных тем политическим языком, который позволил им перейти от банального тезиса «предшественники не справились» к заявлению о начале реализации масштабной программы государственного переустройства.

Мали

Пример Мали лучше других показывает, как постепенно менялся фундамент легитимности новых властей. После повторного переворота в мае 2021 года А. Гоита уже не мог оправдывать свои действия исключительно протестами 2020 года. Смещение переходного президента Ба Ндау и премьер-министра Моктара Уана продемонстрировало обществу, что армейское руководство стало единственным центром принятия решений в стране, а переустройство государства превратилось из лозунга кризисного периода в политическую программу.

Процедурную основу для этой программы заложили национальные конференции по переустройству (*assises nationales de la Refondation*), прошедшие в декабре 2021 года. Их рекомендации касались реформы госаппарата и силовых структур, а также конституционных преобразований, став для властей главным источником легитимации последующих решений. Конституция 2023 года и обновленная в 2025 года Хартия переходного периода

зафиксировали новую правовую логику: глубокое реформирование государства должно предшествовать его возвращению к электоральным процессам. В Законе №2025-029 события августа 2020 года были наделены статусом «патриотических», а ключевыми задачами транзита были провозглашены стабилизация обстановки, «выправление» госаппарата, создание условий для комплексного переустройства и лишь затем – проведение всеобщих выборов. Центральным элементом этого документа стала статья о сроках полномочий: главе государства был предоставлен пятилетний мандат с возможностью его продления до полного «умиротворения» страны.

Подобная формула принципиально изменила саму логику транзита. Если изначально переходный период мыслился как ограниченный этап между путчем и возвратом к гражданскому правлению, то в редакции 2025 года его завершение увязывалось с достижением размытых критериев, причем на вопрос, наступило ли в стране долгожданное «умиротворение», ответ должны будут давать структуры, полностью контролируемые правительством. В результате сроки правления перестали быть внешними ограничителями для новой власти, что служит очевидным признаком перерастания временного военного правления в долгосрочный политический порядок.

Идеологической основой этого порядка стал концепт суверенитета. В исследованиях малийской политики последних лет зафиксирован важный вывод: антифранцузский разворот Бамако нельзя объяснить исключительно действиями нового режима после 2021 года. Общественные движения типа *Yèrèwolo Ton* и сети цифровых активистов возникли задолго до окончательной консолидации режима А. Гоиты. Они самостоятельно формировали и продвигали антиколониальные и panaфриканские лозунги (Cold-Ravnkilde & Sylla, 2024). Изучение феномена «Мали Кура» (Нового Мали) также подтверждает, что пересмотр внешнеполитического курса опирался на стремление общества к четкой артикуляции национальной идентичности (Сидибэ, 2024). Военный режим лишь грамотно встроил этот общественный запрос в официальный государственный язык. Таким образом, легитимация новой власти складывалась в постоянном взаимодействии официальной риторики лидеров режима и гражданского общества.

Воплощениями суверенитета на практике стали разрыв прежних соглашений в сфере обороны, вывод французских войск, свертывание Многопрофильной комплексной миссии ООН по стабилизации в Мали и радикальный пересмотр внешнеполитических союзов. Особое символическое значение имело возвращение города Кидаль под контроль правительственных сил в ноябре 2023 года. Для военного руководства этот успех стал главным до-

казательством того, что Бамако способен побеждать без оглядки на прежнюю международную архитектуру безопасности.

Тем не менее легитимация режима через конкретные военные результаты оставалась уязвимой. В сентябре 2024 года боевики «Группы поддержки ислама и мусульман» (Jama'at Nusrat al-Islam wal-Muslimin) совершили нападение на школу жандармерии и столичный аэропорт, причем произошло это спустя всего несколько дней после триумфального заявления А. Гоиты об ослаблении террористов. В этих условиях политический вес суверенистских лозунгов начал смещаться: легитимность власти все меньше зависела от сиюминутных сводок с фронта и все больше опиралась на суверенное право государства определять свою стратегию.

К 2025 году акцент в суверенистской риторике на внешней политике начал вытесняться упором на внутреннюю. Оппозиционные партии, требовавшие проведения выборов, оспаривали уже не легитимность событий 2020 года, а само право военного режима единолично определять продолжительность политического транзита. Ответом на эти требования стал официальный роспуск в мае 2025 года всех политических партий, которому предшествовали редкие протесты в Бамако. При этом видимость общественного согласия продолжала поддерживаться посредством национальных консультаций и обращения к «силам нации». В результате возникло характерное для автократий напряжение, в контексте которого режим апеллирует к воле народа как к главному участнику нациестроительства, но одновременно жестко ограничивает легальные каналы выражения этой воли.

М. Бёос и Х. Хаавик описывают происходящее как «формирование нового общественного договора». В этой модели образ сильного защитника страны компенсирует гражданам дефицит базовых общественных благ (Bøås & Naavik, 2026). Применительно к Мали этот тезис выглядит убедительно, но с оговоркой: личную харизму А. Гоиты нельзя считать единственной причиной устойчивости режима. К середине 2026 года вокруг фигуры лидера сформировалась мощная институциональная архитектура: Конституция 2023 года, обновленная Хартия переходного периода, легальные процедуры переустройства, доктрина внешнеполитической автономии и рамка военнополитического блока АГС. Поэтому малийскую модель правомерно охарактеризовать как «государственническую». Фигура президента, безусловно, остается центральной, однако право военных на долгосрочное правление теперь выводится из незавершенности самого проекта по восстановлению малийского государства. В терминах М. Танненберга и его соавторов, в Мали преобладает сочетание двух типов притязаний на легитимность – через результаты и через рационально-правовые процедуры (Tannenberg et al.,

2021). Режим преподносит возвращение дееспособности госаппарата как свой главный успех и одновременно юридически закрепляет удержание власти с помощью новых конституционных и переходных норм. Суверенистские лозунги связывают все эти элементы в единую и понятную обществу идею сильного независимого государства.

Буркина-Фасо

В Буркина-Фасо властная модель формировалась по иному сценарию. И. Траоре возглавил страну в сентябре 2022 года, обвинив своего предшественника П.-А. Дамибу в неспособности противостоять джихадистскому террору. Хотя в самом начале Траоре взял на себя обязательства по возвращению к гражданскому правлению, уже в первые месяцы его правления политический курс сместился в сторону масштабной общественной мобилизации. В октябре 2022 года власти объявили массовый набор в отряды «Добровольцев защиты Отечества» (*Volontaires pour la défense de la patrie, VDP*), а в январе 2023 года учредили Фонд патриотической поддержки (*Fonds de soutien patriotique*) с целью прямого финансирования этих сил и военных нужд. Война перестала быть делом лишь регулярной армии: гражданам предложили защищать государство посредством личного участия в военных действиях, финансовых взносов и публичной поддержки.

А. Саиду и Л. Хониг показали, что отряды VDP не просто расширяли присутствие режима на местах, но и обеспечивали политическую связь между государством и местными сообществами (Saidou & Honig, 2024). Исследователи также указали на исторический контекст этой мобилизации: добровольческие структуры в глазах населения напрямую ассоциируются с практиками эпохи Тома Санкары. Для Траоре подобная историческая преемственность крайне выгодна. Образ молодого капитана, возглавившего страну под лозунгами национального освобождения и социальной справедливости, превратился в уникальный ресурс, которого у Гоиты или Чиани в сопоставимом объеме не существует (Садовская, 2024).

Со временем параллели с Санкарой закрепились в институциональной структуре режима. 25 мая 2024 года очередная национальная конференция по переустройству пролонгировала полномочия правительства еще на пять лет, изменив статус Траоре с временного руководителя на президента. Тогда же был учрежден KORAG – надзорный орган, наделенный функцией контроля над стратегическим развитием страны, причем состав и принципы работы KORAG были оставлены на личное усмотрение главы государства. В отличие от Мали, где государственный риторика постепенно вытесняет

биографии организаторов переворота, в Буркина-Фасо именно фигура лидера все очевиднее становится стержнем всего политического проекта.

К весне 2025 года этот политический проект получил официальное название «Прогрессивная народная революция» (*Révolution progressiste populaire*). Годовщину ее провозглашения администрация главы государства масштабно отметила 1 апреля 2026 года. В своих выступлениях Траоре напрямую связывал революционный курс с жестким порядком, дисциплиной и патриотической мобилизацией граждан, а также анонсировал подготовку специального «манифеста революции». Подобный дискурс полностью меняет изначальный смысл транзита: подготовка институтов к будущим выборам уступает место проекту тотальной перестройки государства и общества. Очевидно, что реализация столь фундаментальной задачи по определению не может быть ограничена какими-либо сжатыми временными рамками.

Параллельно в стране происходит демонтаж прежней партийной системы. В январе 2026 года правительство распустило политические партии, обосновав этот шаг результатами «глубокой диагностики» политического поля и долгосрочными задачами переустройства государства. В официальном коммюнике многопартийность была названа «главным источником общественного раскола», а ликвидация партий – «вынужденной мерой, призванной открыть путь к радикальной реформе госуправления». Несколько месяцев спустя Траоре и вовсе публично оспорил применимость западной модели демократии к текущей повестке Буркина-Фасо. С этого момента, по нашему мнению, возврат к прежним правилам игры перестал рассматриваться властями в качестве конечной точки транзита.

Феномен VDP наглядно подтверждает, что мобилизационные структуры Сахеля нельзя сводить к какому-либо универсальному механизму устойчивости автократий. С одной стороны, добровольное участие граждан в защите своих общин создает легитимирующий эффект, формируя у населения ощущение сопричастности к государственному проекту (Saidou & Honig, 2024). С другой стороны, интеграция местных лидеров и ополченцев в созданную властями военную инфраструктуру выполняет очевидную кооптационную функцию. Наконец, принципиально иная логика – репрессивная – прослеживается в практике принудительной мобилизации критиков режима. Журналисты Reuters, в частности, задокументировали многочисленные случаи отправки на передовую независимых репортеров, правозащитников и публичных оппонентов режима Траоре. Аналогичную двойственность в поведении гражданских суверенистских организаций выявляют в ходе полевого исследования А. Сандор и Л. Берлингоззи: эти структуры активно солидаризируются с курсом военных властей, но при этом полностью лишены автоно-

мии и не способны контролировать действия сверху (Sandor & Berlingozzi, 2026). Ф. Айна обоснованно называет это жесткое сочетание антиимпериалистического пафоса и параллельного подавления любого инакомыслия главным внутренним противоречием современного буркинийского режима (Aina, 2026). Таким образом, ни номинальная численность отрядов VDP, ни масштабы патриотических кампаний в Буркина-Фасо не могут рассматриваться в качестве объективных индикаторов реального общественного признания власти.

При этом ключевой для режима вопрос безопасности по-прежнему остается наиболее уязвимым. Трагические события в г. Барсалога в августе 2024 года, когда боевики убили более 200 мирных жителей, привлеченных к рытью оборонительных траншей, вызвали огромный общественный резонанс и наглядно показали высокую цену мобилизации. На подобные провалы руководство Буркина-Фасо отвечало расширением самого понятия войны: теперь она трактуется как «священная борьба за подлинную независимость и полное переустройство родины». В результате неспособность быстро решить первоначальную задачу на фронте не приводит к потере власти военными; напротив, она используется лидерами режима как главный аргумент в пользу еще более жесткой дисциплины и бессрочной мобилизации общества.

Таким образом, если в Мали ставку сделали на укрепление госаппарата, то в Буркина-Фасо режим пошел по революционному пути, сделав упор на мобилизацию общества. Здесь политический проект намного теснее, чем в двух других государствах, связан с образом конкретного руководителя: концепт «Прогрессивной народной революции», санкаристская символика и личные президентские инициативы сливаются в единый идеологический контур. Однако военные неудачи, факты принудительной отправки критиков на фронт и ликвидация партийного пространства наносят ущерб прежде всего именно образу национального лидера, на котором держится политическая идентичность режима. В рамках классификации М. Танненберга буркинийский кейс укладывается в сочетание идеологического и персоналистского типов притязаний на власть (Tannenberg et al., 2021). Безусловно, оправдание власти через практические результаты (как в Мали) тоже важно, ведь военные пришли к власти с обещанием защитить граждан от террора. Однако именно эти обещания труднее всего выполнять на фоне затяжного кризиса на фронте.

Нигер

Нигерский режим обрел свой политический ресурс в основном уже после захвата власти. В первые дни Национальный совет спасения Родины находился в более уязвимом положении, нежели малийский режим в августе 2020 года: М. Базум оставался международно признанным президентом, а массового гражданского движения за его отставку в стране не наблюдалось. Однако жесткая реакция ЭКОВАС изменила характер конфликта. Ультиматумы, санкции и прямая угроза военной интервенции позволили А. Чиани говорить от имени всего государства, вынужденного защищать свое право на независимый путь развития. На примере Нигера наиболее отчетливо видно, как попытки внешней делегитимации режима парадоксальным образом превращаются в мощный ресурс для его внутренней легитимации.

Антиколониальный курс Нигера принес наглядные результаты. После конфликта Ниамея с Парижем французские войска к концу 2023 года полностью покинули страну. Весной 2024 года новые власти расторгли соглашение, регулировавшее военное присутствие США, и к сентябрю согласовали вывод примерно тысячи американских военнослужащих. С точки зрения режима, именно эти шаги было легче всего предъявить обществу в качестве реальных достижений, поскольку переломить ситуацию на фронте и остановить джихадистский террор оказалось намного сложнее. Подобные действия позволили наполнить лозунги о суверенитете конкретным содержанием: старые договоры разорваны, иностранные базы закрыты, а внешние акторы больше не диктуют государству свои условия.

Однако ресурс внешней конфронтации исчерпал себя быстро. После того как ЭКОВАС сняло большую часть санкций, а непосредственная угроза интервенции сошла на нет, перед Ниамеем встал вопрос: как объяснить обществу необходимость сохранения военными чрезвычайных полномочий? Ответом на этот вызов стала доктрина переустройства государства. В феврале 2025 года Общенациональный съезд подготовил пакет рекомендаций, а уже 26 марта была принята Хартия возрождения. Официальный портал администрации президента охарактеризовал ее как документ, устанавливающий новые институциональные рамки и приоритеты транзита, а мандат А. Чиани – как пятилетний и возобновляемый. Таким образом, режим предложил обществу полноценную программу долгосрочного переустройства государства.

В рамках этой программы понятие суверенитета вышло далеко за рамки геополитики. Режим стал активно увязывать его с контролем над природными ресурсами, ревизией внешнеэкономических партнерств и правом государства пересматривать условия контрактов с иностранным бизнесом. Наиболее ярким примером такой политики стало объявление в июне 2025 г.

о национализации компании SOMAÏR – уранового предприятия, которое десятилетиями контролировалось французской корпорацией Orano. Несмотря на последовавшие затяжные международные юридические споры, в официальной риторике Ниамея это решение позиционировалось исключительно как возвращение народу законных прав на национальные богатства. Данный шаг наглядно показывает, как внешнеполитические лозунги режима трансформируются в практический инструмент внутренней экономической политики.

Политика переустройства в Нигере сопровождалась сокращением прежних каналов политического представительства. Партии были распущены в день принятия Хартии; их место заняли консультативные органы и процедуры, сформированные в рамках нового порядка. При этом полевые исследования фиксировали поддержку антизападного курса режима частью суверенистских организаций (Sandor & Berlingozzi, 2026), однако экстраполировать позицию активистов на все население Нигера было бы неправомерно. Именно поэтому в данной статье Нигер анализируется путем изучения конкретных законов и решений властей, а не уровня народной поддержки, реальные масштабы которой точно оценить невозможно.

Оправдание сохранения власти через практические результаты по-прежнему остается уязвимой стороной нигерского режима. Террористические группировки остаются способными к осуществлению масштабных атак: в июне 2026 г. под удар боевиков попали аэропорт и военные объекты в столице – Ниамее. Это явно противоречит первоначальным обещаниям военных навести порядок, но одновременно поддерживает в стране режим чрезвычайного положения, к которому новая Хартия и привязывает сроки переустройства. В итоге, хотя провалы на фронте подрывают веру граждан в эффективность армии, институционально зафиксированная «миссия по спасению государства» позволяет лидерам легально обосновывать бессрочное удержание власти.

Нигерская модель эволюционировала из оборонительно-суверенистской (2023–2024), основанной на сопротивлении ЭКОВАС, после марта 2025 года – в институционально-суверенистскую, ориентированную на переустройство и восстановление государственности. В терминах М. Танненберга и его соавторов, современный режим сочетает идеологическое обоснование суверенитета с его рационально-правовым оформлением через Хартию и новые институты; при этом эффективность управления и его убедительность ограничиваются сохраняющейся нестабильностью.

Роль АГС во взаимном укреплении власти военных режимов

Создание АГС стало прямым ответом на внешние угрозы нигерскому режиму. Еще летом 2023 года Мали и Буркина-Фасо открыто предупредили, что любая военная интервенция против Ниамея будет воспринята как нападение и на них, и 16 сентября три государства закрепили этот оборонительный союз, подписав Хартию Липтако-Гурма. Через десять месяцев, 6 июля 2024 года, на первом саммите в Ниамее была официально учреждена Конфедерация АГС. В итоговом коммюнике основной акцент был сделан на суверенитете, территориальной целостности, взаимной солидарности и категорическом отказе от любых мер принуждения к чему-либо участников союза. При этом рамки сотрудничества вышли за пределы военной взаимопомощи, охватив дипломатию и экономическое развитие.

С точки зрения признания власти, главная роль АГС заключается в обретении тремя режимами коллективной международной субъектности. В рамках ЭКОВАС они считались нарушителями общих правил и были обязаны постоянно доказывать, что их правление – лишь временный этап перед выборами. Внутри же АГС те же самые лидеры выступают создателями институтов и самостоятельно определяют принципы их участия в новом объединении. Возникает механизм взаимного признания: режимы, пришедшие к власти в результате переворотов, подтверждают право друг друга управлять своими государствами и закрепляют это в общей союзной структуре.

Подобный эффект выходит за рамки традиционной дипломатической взаимовыручки. АГС шаг за шагом обретает вполне осязаемые черты суверенного политического союза. Официальный выход Мали, Буркина-Фасо и Нигера из ЭКОВАС завершился 29 января 2025 года, причем само региональное сообщество было вынуждено временно сохранить безвизовый режим и торговые преференции для граждан и товаров этих стран. Тогда же конфедерация АГС ввела единый общегражданский паспорт. Впоследствии у союза появились собственные государственные символы, наднациональные механизмы развития, общая информационная база и единая армия: в декабре 2025 года в Бамако состоялась официальная церемония запуска Объединенных сил АГС (*Force unifiée de l'AES*). На втором саммите Конфедерации было запущено союзное телевидение (*Télévision AES*), ставшее главным инструментом продвижения общей суверенистской повестки.

В контексте теории регионализма эти процессы продолжают давнюю историю попыток стран Сахеля сформировать обособленные коалиции в сфере безопасности. Как показал К. Дёринг на примере альянса *G5 Sahel*, подобные военные блоки радикально меняют не только характер трансграничного взаимодействия, но и всю политическую географию региона

(Döring, 2023). В свою очередь, А. Сандор, Х. Фроуд и М. Хенке связывают появление АГС с накопленным опытом асимметричного сотрудничества и проявлением «протестной субъектности» сахельских государств, стремящихся единолично определять свои приоритеты и круг внешних партнеров (Sandor et al., 2026). Этот тезис объясняет, почему новый блок приобрел такое колоссальное значение для внутренней политики стран-участниц. Разрыв с прежней франко-американской архитектурой безопасности теперь позиционируется как формирование собственной суверенной альтернативы.

Но создание институтов АГС само по себе не доказывает, что общества Мали, Буркина-Фасо или Нигера безоговорочно согласны с политикой Гоиты, Траоре или Чиани. Кроме того, этот союз не избавляет Сахель от глубокой зависимости от внешней военной и экономической помощи. В официальной практике Конфедерации смысл суверенитета заключается вовсе не в стремлении к экономической автаркии и изоляции, а в принципиальном праве государств самостоятельно выбирать внешних партнеров и условия работы с ними. И тем не менее появление АГС кардинально изменило весь региональный контекст. Категорические требования ЭКОВАС о соблюдении жестких графиков транзита власти больше не являются для режимов обязательным условием, в рамках которого они были бы вынуждены оправдывать свое существование и планировать будущее.

События в момент захвата власти и последующее обоснование долгосрочного правления опираются на принципиально разные объяснения. Первоначальное оправдание военного переворота обращено к прошлому: свергнутое правительство объявляется недееспособным, неэффективным или неспособным защитить суверенитет. Однако спустя годы военный режим сталкивается с необходимостью доказать собственное право определять будущее страны и четко обозначить условия, при которых его миссия будет считаться завершенной. Именно на этой стадии в Сахеле возникают такие долгосрочные проекты, как малийско-нигерская концепция переустройства, буркинийская «Прогрессивная народная революция» и институциональное пространство Конфедерации АГС.

Концепт суверенитета, используемый для обоснования смены геополитических партнеров и контроля над ресурсами, стал основным идеологическим фундаментом второго этапа преобразований в трех странах. При этом данный инструмент одновременно выступает ответом на общественный запрос на автономию и средством делегитимации внутренней оппозиции (Engels, 2023; Stambøl et al., 2026; Sandor & Berlingozzi, 2026). Суверенистский язык переводит любой спор о сроках передачи власти гражданским силам в плоскость конфликта между «суверенным выбором народа» и требо-

ваниями, навязанными извне. Суверенистские лозунги превращаются в инструмент дискредитации внутренних оппонентов режима. На примере трех государств Сахеля видно, что обе функции – мобилизационная и репрессивная – действуют одновременно. Поэтому сводить происходящее либо к искренней борьбе за независимость, либо к обычной маскировке диктатуры – одинаково неверно.

Вместе с тем в трех странах различается сам образ врага, благодаря которому общий суверенистский язык наполняется местным содержанием. В Мали критика сосредоточена вокруг колониальной зависимости от Франции и неэффективности старых соглашений в сфере обороны, причем, как уже упоминалось выше, гражданские антифранцузские силы возникли здесь до прихода Гоиты к власти. В Буркина-Фасо противостояние терроризму оказалось встроено в масштабную революционную идеологию борьбы за независимость, а главным историческим ориентиром выступает наследие Т. Санкары. В Нигере образ внешнего противника изначально оказался наиболее осязаемым, поскольку ультиматумы ЭКОВАС, давление Парижа и прямая угроза интервенции в 2023 году легли в основу легитимации нового режима. Поэтому при всей схожести лозунгов о суверенитете у каждого режима остается своя собственная стратегия.

Вместе с тем три режима не образуют единого типа. В Мали центр тяжести смещен к государству и его институтам. Персональная роль Гоиты здесь безусловно значительна, однако она встроена в более широкую правовую конструкцию. В Буркина-Фасо, напротив, сильнее соединены идеологическое и персоналистское основания. «Прогрессивная народная революция», санкаристская символика и массовая мобилизация граждан задают смысл всему политическому проекту, а фигура Траоре является его идейным стержнем. Нигерская модель находится ближе к сочетанию идеологического и процедурного притязаний. Суверенистское объяснение переворота после 2025 года закрепляется в Хартии возрождения, новом статусе президента и системе консультативных институтов. Во всех трех случаях речь идет лишь о преобладающих элементах. Оправдание власти через конкретные результаты, идеи, личность лидера и законы присутствует у каждой хунты, но имеет разный политический вес.

Влияние АГС на устойчивость этих моделей также распределяется неодинаково. Для Мали конфедерация прочно закрепляет суверенистский курс в лояльной региональной среде и существенно снижает воздействие прежних электоральных требований со стороны ЭКОВАС. Для Буркина-Фасо союз выводит революционные и panaфриканские лозунги на наднациональный уровень, превращая внутренний проект Траоре в часть общей доктрины трех

государств Сахеля. В Нигере режим А. Чиани, который летом 2023 года столкнулся с самой жесткой международной изоляцией, обрел благодаря АГС официальное признание соседей и получил возможность представить разрыв с ЭКОВАС как закономерный переход к альтернативному союзу. Таким образом, механизмы взаимного признания внутри Конфедерации не стирают различия между национальными стратегиями, но подкрепляют каждую из них мощным внешним ресурсом.

Военные неудачи создают для всех трех режимов схожие проблемы, однако трансформируются в разные политические лозунги. Нападение на Бамако подорвало малийский тезис о восстановлении дееспособности госаппарата. Трагедия в г. Барсалога поставила под сомнение буркинийскую модель вооруженной мобилизации граждан. В свою очередь, атака на Ниамей нанесла удар по обещаниям нигерского руководства навести порядок в сфере безопасности. И ни в одном из государств официальная реакция властей не свелась к признанию собственных ошибок. Поражения на передовой включались лидерами режимов в перечень угроз, которые как раз и требуют продолжения выбранного курса. Они использовались как аргумент в пользу дальнейшего переустройства, ужесточения мобилизации или ведения борьбы за суверенитет. Хотя критерий эффективности управления не исчез из риторики военных, сроки его проверки отодвигаются все дальше по мере расширения стоящих перед режимами задач.

Тем не менее время играет не на стороне режимов. Вывод французских войск, громкий разрыв с ЭКОВАС и учреждение Конфедерации АГС уже состоялись, из-за чего эффект новизны этих геополитических шагов постепенно угасает. Чем дальше сахельские режимы отходят от момента захвата власти, тем труднее им списывать текущие внутренние проблемы на ошибки Кейты, Каборе или Базума. На первый план неизбежно выходят практические результаты тех систем управления, которые Гоита, Траоре и Чиани строили самостоятельно. В этих условиях суверенитет перестает восприниматься как простое доказательство разрыва с колониальным прошлым и превращается в вопрос эффективности управления той автономией, которую новые режимы получили в свои руки.

В середине 2026 года Мали, Буркина-Фасо и Нигер уже невозможно рассматривать как временные военные администрации, цель которых заключается лишь в оттягивании неизбежного политического транзита. Их политические траектории заметно различаются, однако во всех трех случаях первоначальное оправдание переворота трансформировалось в долгосрочные проекты государственного переустройства. Фиксация этого принципиального различия между легитимацией самого захвата власти и последую-

щим обоснованием многолетнего правления режимов составляет главный теоретический результат проведенного исследования.

Наиболее отчетливо эта трансформация прослеживается в изменении самих критериев завершения транзита. Вместо четких сроков голосования военные привязали финал своего правления к достижению абстрактных целей, а именно к полной стабилизации ситуации в Мали, революционному преобразованию общества в Буркина-Фасо и переустройству государства в Нигере. Принятые законы, обновленные хартии и долгосрочные государственные программы переводят эту логику в институциональную плоскость. Подобный подход позволяет лидерам легально обосновывать продление своих полномочий, однако он одновременно переносит всю полноту ответственности на сами правящие режимы. Чем дольше затягивается процесс государственного переустройства, тем труднее военным списывать текущие внутренние проблемы на ошибки и провалы своих гражданских предшественников.

Во всех трех случаях суверенитет стал главной идеологической опорой для обоснования власти. Этот лозунг имеет двойственный политический эффект. С одной стороны, он отражает реальный запрос общества на пересмотр неравноправных внешних связей и дает лидерам понятный язык для обоснования принимаемых решений о безопасности, ресурсах и зарубежных партнерах. С другой стороны, этот же язык позволяет оправдывать жесткое закручивание гаек внутри стран и выставлять любых оппонентов защитниками старого колониального порядка. Малийская государственническая, буркинийская революционная и нигерская суверенистская модели различаются именно тем, каким способом этот общий лозунг переносится в практику внутренних институтов.

АГС добавляет к национальным стратегиям военных режимов важный региональный уровень. В новой конфедерации они сами учреждают институты и признают законность политического курса друг друга. Безусловно, подобный механизм не заменяет собой внутреннюю поддержку граждан и сам по себе не гарантирует вечную устойчивость режимов. Тем не менее он кардинально меняет внешнюю среду, в которой ставится и оспаривается вопрос о легитимности и сроках их пребывания у власти.

Риски подобной конструкции очевидны уже сегодня. Вооруженное насилие в регионе сохраняется, а легальное политическое поле максимально сужено. Попытки легитимации власти разворачиваются параллельно с процессами кооптации элит и преследованием оппонентов. Именно поэтому ни массовая мобилизация граждан, ни отсутствие уличных протестов, ни высокая личная популярность лидера не могут рассматриваться как достаточные доказательства искреннего признания его права на управление стра-

ной. Следующий вызов для сахельских режимов будет связан исключительно с практическими результатами их правления. Военным лидерам предстоит на деле превратить завоеванный, по их заявлениям, суверенитет в реальную безопасность и работающие государственные институты. Качество этих результатов граждане будут оценивать все строже и уже без постоянной оглядки на ошибки свергнутых правительств.

Полученные выводы имеют значение и за пределами трех рассмотренных кейсов. Они показывают, что в недемократических режимах внешнеполитическая автономия и региональная кооперация могут становиться самостоятельными ресурсами легитимации, а региональные объединения – пространством взаимного признания политических режимов. Для исследований постколониальной государственности это вновь ставит вопрос о соотношении формального суверенитета и способности государства превращать внешнюю автономию в безопасность, институциональную дееспособность и контроль над ресурсами. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется проверка этой модели на других африканских военных режимах и оценка устойчивости суверенистской легитимации по мере ослабления первоначального эффекта разрыва с прежними внешними партнерами.

Литература

- Aina, F. (2026). Ibrahim Traore: Burkina Faso's saviour, dictator or revolutionary anti-imperialist. *Small Wars & Insurgencies*. <https://doi.org/10.1080/09592318.2026.2656299>
- Ake, C. (1966). Charismatic legitimation and political integration. *Comparative Studies in Society and History*, 9(1), 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0010417500004291>
- Beetham, D. (2013). The legitimation of power (2nd ed.). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-36117-2>
- Bøås, M., & Haavik, V. (2026). Failed international interventions and the making of new social contracts in Mali. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 20(1), 50–67. <https://doi.org/10.1080/17502977.2025.2461295>
- Cold-Ravnkilde, S. M., & Sylla, A. (2024). The rise of Mali's 'videomen' as cybercombatants in global crisis ecologies. *International Affairs*, 100(4), 1405–1429. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae121>
- Döring, K. P. W. (2023). African military politics in the Sahel: Regional organizations and international politics. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009362269>
- Elischer, S., & Lawrance, B. N. (2022). Reassessing Africa's new post-coup landscape. *African Studies Review*, 65(1), 1–7. <https://doi.org/10.1017/asr.2022.33>
- Engels, B. (2023). Coups and neo-colonialism. *Review of African Political Economy*, 50(176), 147–153. <https://doi.org/10.1080/03056244.2023.2269693>
- García-Rivero, C. (2022). Authoritarian personality vs institutional performance: Understanding military rule in Africa. *Politikon*, 49(2), 175–194. <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2072582>

Gerschewski, J. (2013). The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes. *Democratization*, 20(1), 13–38. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>

Gerschewski, J. (2018). Legitimacy in autocracies: Oxymoron or essential feature? *Perspectives on Politics*, 16(3), 652–665. <https://doi.org/10.1017/S1537592717002183>

Gerschewski, J. (2023). The two logics of autocratic rule. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009199407>

Grovogui, S. N. (2002). Regimes of sovereignty: International morality and the African condition. *European Journal of International Relations*, 8(3), 315–338. <https://doi.org/10.1177/1354066102008003001>

Haidara, B. (2024). Popular support: The only basis of legitimacy for West Africa's new military regimes? *Africa Today*, 70(4), 97–104. <https://doi.org/10.2979/at.00015>

Hatungimana, W. (2025). Democracy on the line? Political legitimacy and support for military rule in Africa. *Democratization*, 32(8), 1904–1926. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2482598>

McCullough, A., & Sandor, A. (2023). Briefing: How a mutiny became a(nother) coup: The politics of counterinsurgency and international military partnerships in Niger. *African Affairs*, 122(489), 587–601. <https://doi.org/10.1093/afraf/adad034>

Primus, S. (2025). Who supports the coup? Deprivation, decolonization and junta support in post-coup Mali. *Democratization*. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2571043>

Saidou, A. K., & Honig, L. (2024). Legitimising regimes and legalising self-defence groups: The case of Burkina Faso's VDPs. *The Journal of Modern African Studies*, 62(3), 269–289. <https://doi.org/10.1017/S0022278X25000011>

Sandor, A., & Berlingozzi, L. (2026). Grassroots geopolitical imaginaries in the Sahel: Civil society security narratives in Burkina Faso and Niger. *Geopolitics*, 31(4), 1400–1428. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2498381>

Sandor, A., Frowd, P. M., & Hönke, J. (2026). Productive failure, African agency, and security cooperation in West Africa: The case of the G5 Sahel. *European Journal of International Security*, 11(1), 58–76. <https://doi.org/10.1017/eis.2025.8>

Stambøl, E. M., Sylla, A., & Cold-Ravnkilde, S. M. (2026). Anticolonial imaginaries in Mali: The longue durée of sovereignty, security, and geopolitics. *Geopolitics*, 31(4), 1261–1286. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2523411>

Tannenberg, M., Bernhard, M., Gerschewski, J., Lührmann, A., & von Soest, C. (2021). Claiming the right to rule: Regime legitimization strategies from 1900 to 2019. *European Political Science Review*, 13(1), 77–94. <https://doi.org/10.1017/S1755773920000363>

Tuki, D. (2024). What does the population in Niger think about a military government? *Democratization*, 31(8), 1740–1765. <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2341314>

Аду, Я. Н., & Мезяев, А. Б. (2024). Политические потрясения в ЭКОВАС: преобладание политики над правом. *Ученые записки Института Африки РАН*, (2), 102–117. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117>

Садовская, Л. М. (2024). Буркина Фасо: от незавершенного народного восстания до военных переворотов. *Азия и Африка сегодня*, (3), 48–56. <https://doi.org/10.31857/S032150750030455-2>

Сидибэ, У. (2024). Франсафрика под ударом «Мали Кура» (новый Мали) и вызовы для Франции. *Международные отношения*, (4), 43–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.4.72137>

References

- Adu, Y. N., & Mezyaev, A. B. (2024). Politicheskie potryaseniya v EKOVA: preobladanie politiki nad pravom [Political turmoil in ECOWAS: When politics prevails over law]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, (2), 102–117. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-102-117> (In Russ.)
- Aina, F. (2026). Ibrahim Traore: Burkina Faso's saviour, dictator or revolutionary anti-imperialist. *Small Wars & Insurgencies*. <https://doi.org/10.1080/09592318.2026.2656299>
- Ake, C. (1966). Charismatic legitimation and political integration. *Comparative Studies in Society and History*, 9(1), 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0010417500004291>
- Beetham, D. (2013). *The legitimation of power* (2nd ed.). Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-1-137-36117-2>
- Bøås, M., & Haavik, V. (2026). Failed international interventions and the making of new social contracts in Mali. *Journal of Intervention and Statebuilding*, 20(1), 50–67. <https://doi.org/10.1080/17502977.2025.2461295>
- Cold-Ravnkilde, S. M., & Sylla, A. (2024). The rise of Mali's 'videomen' as cyber-combatants in global crisis ecologies. *International Affairs*, 100(4), 1405–1429. <https://doi.org/10.1093/ia/iaae121>
- Döring, K. P. W. (2023). *African military politics in the Sahel: Regional organizations and international politics*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009362269>
- Elischer, S., & Lawrance, B. N. (2022). Reassessing Africa's new post-coup landscape. *African Studies Review*, 65(1), 1–7. <https://doi.org/10.1017/asr.2022.33>
- Engels, B. (2023). Coups and neo-colonialism. *Review of African Political Economy*, 50(176), 147–153. <https://doi.org/10.1080/03056244.2023.2269693>
- García-Rivero, C. (2022). Authoritarian personality vs institutional performance: Understanding military rule in Africa. *Politikon*, 49(2), 175–194. <https://doi.org/10.1080/02589346.2022.2072582>
- Gerschewski, J. (2013). The three pillars of stability: Legitimation, repression, and co-optation in autocratic regimes. *Democratization*, 20(1), 13–38. <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738860>
- Gerschewski, J. (2018). Legitimacy in autocracies: Oxymoron or essential feature? *Perspectives on Politics*, 16(3), 652–665. <https://doi.org/10.1017/S1537592717002183>
- Gerschewski, J. (2023). *The two logics of autocratic rule*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009199407>
- Grovogui, S. N. (2002). Regimes of sovereignty: International morality and the African condition. *European Journal of International Relations*, 8(3), 315–338. <https://doi.org/10.1177/1354066102008003001>
- Haidara, B. (2024). Popular support: The only basis of legitimacy for West Africa's new military regimes? *Africa Today*, 70(4), 97–104. <https://doi.org/10.2979/at.00015>
- Hatungimana, W. (2025). Democracy on the line? Political legitimacy and support for military rule in Africa. *Democratization*, 32(8), 1904–1926. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2482598>
- McCullough, A., & Sandor, A. (2023). Briefing: How a mutiny became a(nother) coup: The politics of counterinsurgency and international military partnerships in Niger. *African Affairs*, 122(489), 587–601. <https://doi.org/10.1093/afraf/adad034>
- Primus, S. (2025). Who supports the coup? Deprivation, decolonization and junta support in post-coup Mali. *Democratization*. <https://doi.org/10.1080/13510347.2025.2571043>

Sadovskaya, L. M. (2024). Burkina Faso: ot nezavershennogo narodnogo vosstaniya do voennykh perevorotov [Burkina Faso: From an unfinished popular uprising to military coups]. *Aziya i Afrika segodnya*, (3), 48–56. <https://doi.org/10.31857/S032150750030455-2> (In Russ.)

Saidou, A. K., & Honig, L. (2024). Legitimising regimes and legalising self-defence groups: The case of Burkina Faso's VDPs. *The Journal of Modern African Studies*, 62(3), 269–289. <https://doi.org/10.1017/S0022278X25000011>

Sandor, A., & Berlingozzi, L. (2026). Grassroots geopolitical imaginaries in the Sahel: Civil society security narratives in Burkina Faso and Niger. *Geopolitics*, 31(4), 1400–1428. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2498381>

Sandor, A., Frowd, P. M., & Hönke, J. (2026). Productive failure, African agency, and security cooperation in West Africa: The case of the G5 Sahel. *European Journal of International Security*, 11(1), 58–76. <https://doi.org/10.1017/eis.2025.8>

Sidibe, U. (2024). Fransafrika pod udarom «Mali Kura» (novyi Mali) i vyzovy dlya Frantsii. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, (4), 43–51. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.4.72137> (In Russ.)

Stambøl, E. M., Sylla, A., & Cold-Ravnkilde, S. M. (2026). Anticolonial imaginaries in Mali: The longue durée of sovereignty, security, and geopolitics. *Geopolitics*, 31(4), 1261–1286. <https://doi.org/10.1080/14650045.2025.2523411>

Tannenberg, M., Bernhard, M., Gerschewski, J., Lührmann, A., & von Soest, C. (2021). Claiming the right to rule: Regime legitimization strategies from 1900 to 2019. *European Political Science Review*, 13(1), 77–94. <https://doi.org/10.1017/S1755773920000363>

Tuki, D. (2024). What does the population in Niger think about a military government? *Democratization*, 31(8), 1740–1765. <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2341314>

Для цитирования: Денисова, Т. С. От переворота к политическому порядку: военные режимы Мали, Буркина-Фасо и Нигера / Т. С. Денисова, С. В. Костелянец // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 96–119. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-96-119.

Е.В. Кузнецова**E. Kuznetsova****ФОРМИРОВАНИЕ
УСТОЙЧИВЫХ СВЯЗЕЙ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ
ПОСРЕДСТВОМ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
(НАРОДНОЙ)
ДИПЛОМАТИИ****FORMING SUSTAINABLE
TIES OF THE DONETSK
PEOPLE'S REPUBLIC
THROUGH PUBLIC
DIPLOMACY****Аннотация**

Анализируется роль общественной (народной) дипломатии в случаях затруднения диалога между странами. Подчеркивается, что для Донецкой Народной Республики дипломатия на неофициальном уровне может стать действенным внешнеполитическим инструментом, с помощью которого возможно сглаживание разногласий и выстраивание доверительных отношений на межличностном уровне.

Цель исследования – определить возможности и потенциал общественной (народной) дипломатии для формирования устойчивых связей в сложной обстановке налаживания межгосударственных отношений между странами.

Методы: Проведенное исследование основывается на методах качественного анализа данных, инвент-анализе, личных наблюдениях, сравнительного сопоставления, обобщения и систематизации. Анализ причинно-следственных связей был применен для определения мотивов налаживания сотрудничества между населением разных стран и выявления особенностей общественной (народной) дипломатии в ДНР.

Результаты: Результаты исследования показывают, что взаимоотношения успешно развиваются там, где носителями инициатив выступают непосредственно активные граждане или представители местных культурно-образовательных организаций или деловых сообществ, что становится осно-

Abstract

This article analyzes the role of public diplomacy in situations where dialogue between countries is difficult. It emphasizes that for the Donetsk People's Republic, informal diplomacy can be an effective foreign policy tool, helping to smooth over differences and build trusting interpersonal relationships.

The purpose of this study is to identify the opportunities and potential of public diplomacy for building sustainable ties in the difficult environment of establishing interstate relations between countries.

Methods: This study is based on qualitative data analysis, event analysis, personal observations, comparison, generalization, and systematization. A cause-and-effect analysis was used to determine the motives for establishing cooperation between the populations of different countries and to identify the characteristics of public diplomacy in the DPR.

Results: The study shows that relationships thrive where initiatives are directly driven by active citizens or representatives of local cultural and educational organizations or business communities, which becomes the basis for changing the country's perception by the international public and further interaction. The greater the number of participants, the greater the representation of their spheres of activity and interaction networks, the more effective public diplomacy will be. In the current conditions of the Donetsk People's Republic, it is necessary to actively implement digital technologies to

вой для изменения восприятия страны зарубежной общественностью и дальнейшего взаимодействия. И чем больше будет количество участников, представленность сфер их деятельности и сетей взаимодействия, тем эффективнее свою роль будет выполнять общественная (народная) дипломатия.

В современных условиях, в которых находится Донецкая Народная Республика, необходимо активно внедрять цифровые технологии для расширения коммуникации между гражданами разных стран, прежде всего, в целях недопущения искажения информации и предоставления альтернативных точек зрения. Перспективно привлечение молодых людей, которым легче найти точки соприкосновения, и они более креативны.

Выводы: Значимую поддержку в реализации общественной (народной) дипломатии ДНР способны осуществлять остальные российские субъекты, прежде всего, регионы-шефы и побратимские города. Оказываемая помощь может быть направлена не только на восстановление региона и формирование устойчивых горизонтальных связей между ними, но и позволит продвигать положительный образ Республики в другие страны, т.е. станет платформой установления контактов с третьими странами из Азии, Африки, Латинской Америки.

Ключевые слова:

общественная дипломатия, народная дипломатия, Донецкая Народная Республика, сотрудничество, побратимство, межрегиональные связи, молодежь.

expand communication between citizens of different countries, primarily to prevent information distortion and provide alternative points of view. Engaging young people, who are more likely to find common ground and are more creative, is promising.

Conclusions: Other Russian regions, particularly the sponsor regions and sister cities, are capable of providing significant support for the implementation of public diplomacy in the DPR. The assistance provided could be aimed not only at restoring the region and fostering sustainable horizontal ties between them, but also at promoting a positive image of the Republic to other countries, thereby becoming a platform for establishing contacts with third countries in Asia, Africa, and Latin America.

Key words:

public diplomacy, people's diplomacy, Donetsk People's Republic, cooperation, twinning, inter-regional ties, youth.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-120-144>

В условиях, когда официальная дипломатия затруднена, налаживанию и поддержанию диалога между гражданами разных стран может способствовать дипломатия второго уровня посредством подключения специалистов из различных сфер (культуры и образования, экономики и средств массовой информации, и др.), а также отдельных граждан. Общественная или народная дипломатия для Донецкой Народной Республики (ДНР) может стать инструментом взаимодействия с другими государствами и обеспечить форми-

рование устойчивых связей. Такие взаимоотношения являются вспомогательными и направлены на укрепление межличностного доверия и взаимопонимания. На основе личных и профессиональных интересов могут формироваться прочные связи, что будет способствовать также продвижению положительного образа региона и государства в целом. Снятие напряженности и конфликтных ситуаций посредством общественной (народной) дипломатии актуально в условиях ДНР. Общественная (народная) дипломатия направлена изначально на признание региона как нового субъекта РФ, предполагающее налаживание новых и продвижение прежних связей. Формирование устойчивых связей ДНР с другими странами в сложившихся условиях возможно через взаимодействие с остальными регионами РФ, в первую очередь, регионами-шефами.

В отличие от традиционной дипломатии общественная или народная более адаптивна и динамична. Действуя в рамках правового поля на основе межгосударственных и межрегиональных соглашений, Общественная (народная) дипломатия не связана нормами международного права, поэтому ее функциональные возможности более широкие. И, если официальная дипломатия ограничена бюрократическими преградами, у общественной (народной) дипломатии больше возможностей и независимости, что может восполнить те пробелы, которые возникают у официальных лиц. Есть ситуации, когда недостаточно только официальной дипломатии или у нее не всегда есть возможность эффективно решать все вопросы, поэтому общественная (народная) дипломатия способна расширить круг государственно-единицы. Общественная (народная) дипломатия, используя ресурсы «мягкой силы», укрепляет позиции государства на мировой арене, его культурно-ценностные ориентиры посредством межличностного взаимодействия. Она базируется не на взаимоисключающих, а на взаимопроникающих связях.

В условиях, когда не принимаются на официальном уровне государственные лица, заложить основу для выстраивания возможных взаимоотношений в дальнейшем, способны деятели культуры или образования, медицины или спорта. Они смогут подготовить почву для положительного восприятия и дальнейших переговоров. В рамках неформального диалога легче снизить напряжение в спорах и остроту проблемы. У участников таких встреч нет обязывающих требований и правил поведения. И, хотя решения необязательны к исполнению, исходящие инициативы закладывают или укрепляют основу взаимоотношений на низовом уровне, которая может стать фундаментом долгосрочных проектов. Такой формат новой публичной дипломатии развивает доверительную основу или нейтрально оформленную

позицию населения даже недружественных стран. В условиях противоречий между государствами может быстро измениться восприятие страны в глазах зарубежной общественности (Долинский, 2011, с. 276). Политическое руководство страны может измениться или под влиянием определенных обстоятельств может быть изменена политика в отношении того или иного государства, и тогда взаимоотношения, созданные в рамках общественной (народной) дипломатии, обеспечат более спокойное восприятие и желание граждан продолжать межгосударственное сотрудничество.

Общественная (народная) дипломатия может состоять из большого числа участников и охватывать много сфер и сетей взаимодействия, в этом ее отличительная черта и преимущество. Взаимодействие должно стать многоканальным. Деятельность не только официальной власти, но и вовлечение неформальных лидеров, активистов, волонтеров, деятелей культуры и науки, общественных движений и др. Общественная (народная) дипломатия направлена на налаживание сотрудничества не только между двумя странами, но и несколькими. Международные мероприятия дают возможность общаться представителям разных стран, обмениваться впечатлениями, знаниями о стране, духовно-культурных ценностях и традициях. Однако, наблюдаемое препятствование со стороны третьих стран тормозит взаимодействие, но не сможет его остановить.

Традиционные форматы коммуникации дополняются цифровыми средствами и сетевым социальным общением, что значительно повышает возможности общественной (народной) дипломатии. Новые цифровые технологии и медиа расширили возможности неформальных участников. Коммуникация на межличностном уровне в условиях развития цифровых технологий упрощается. Но важно понимать, что она может иметь и отрицательный характер. Поэтому надо изучать и выявлять проблемы и пути решения.

Целью данной работы стало определение возможностей в условиях отсутствия или затруднения межгосударственного диалога такого инструмента формирования устойчивых связей как общественная или народная дипломатия на примере Донецкой Народной Республики.

При изучении дипломатии второго уровня (или неофициальной) выделяется несколько используемых в научной литературе понятий: новая публичная, общественная, гражданская, парадипломатия, социальная, культурная, гуманитарная, миротворческая и другие. Как правило, их разнообразие связано с англоязычными версиями, которых тоже достаточно много: *civic, civil, citizen, people-to-people, peoples', social, new public, second track diplomacy* etc. Определить их как полностью неофициальные затруднительно, так как они, как правило, расширяют действия официальных лиц и про-

водимой государством внешней политики. Каждая из них имеет свои особенности, которые и позволяют их конкретизировать, но в целом объединяющей задачей становится налаживание диалога и формирование положительного образа своего государства, возвращая к изначальному более общему определению «публичная дипломатия».

Дж. Най сравнивает публичную дипломатию и «мягкую силу», их взаимодействие и воздействие на способность принятия официальной властью решений в отношении других государств как соотношение между количеством военной техники у противоборствующих сторон и победой в войне (Nye, 2008, p. 95). То есть, имея меньше оружия, можно победить. Можно, имея меньше средств официальной дипломатии, больше мотивировать общество другого государства на взаимодействие по формированию положительного образа, что в дальнейшем окажет заметное влияние на готовность сотрудничать с этой страной при заключении межгосударственных соглашений, т.е. население уже будет готово это принимать.

Общественная дипломатия выступает как часть публичной дипломатии там, где она организована государством. Такая дипломатия направлена на развитие взаимоотношений на уровне общественных организаций или других форм объединений граждан, а также отдельных лиц. Государство выступает проводником, обеспечивающим правовое поле и помогая в организации отдельных мероприятий. Н. Сноу отмечает, что публичная дипломатия должна быть направлена на содействие взаимопониманию, перейдя от усилий чиновников и формальной дипломатии первого трека к усилиям обычных людей и дипломатии второго трека, отдавая ведущую роль при этом неправительственным организациям (Feffer, Snow, 2006). Схожая позиция у Ш. Мюллер, с которой нельзя не согласиться, что взаимоотношения на межличностном уровне дают контекст для диалога официальных органов (Mueller, 2009, p. 102).

Коммуникация с общественностью другой страны выступает важной частью продвижения национальных интересов. Ключевым, на наш взгляд, при этом становится не односторонность коммуникации, а взаимный интерес граждан разных стран друг к другу. У.З. Артамонова (Артамонова, 2021, с. 52) при изучении форм реализации публичной дипломатии указывает на работы Дж. Келли, который выделяет в категориях, помимо информирования и влияния, также вовлечение (Kelley, 2009), и Р. Захарны, которая предлагает информационное измерение и измерение взаимоотношений в условиях новой логики публичной дипломатии (Zaharna, 2009). Следует согласиться с мнением К. Росса о том, что информационная составляющая действует краткосрочно, а если она подкреплена реализацией совместных проектов, то это

уже нацеленность на долгосрочное сотрудничество и формирование устойчивых взаимоотношений (Ross, 2002).

А. Фульда сравнивает гражданских дипломатов с институциональными, определяя основные интересы, правовой статус, способ работы и т.д., которые являются специалистами как широкого профиля, так узкоспециализированными и могут самоорганизовываться на краткосрочное и долгосрочное сотрудничество (Fulda, 2019, p. 199). Так возникает серия новых двойных дипломатий, к которым узконаправленные специалисты должны приспособиться (например, кибердипломатия). Выделяют «пограничных посредников» в лице негосударственных акторов, присоединяющихся к профессиональным дипломатам в представлении интересов правительств (Zaharna, 2022).

Имеются работы, в которых рассматривается, как отдельные лица могут влиять на формирование мировой повестки, составляя поведенческий портрет личности, т.е. осуществляя профилирование (профайлинг) «дипломата-одиночки» как нишевого участника дипломатии гражданского общества (Anton, 2023). При этом отметим, что рассматриваемые персонажи продвигают не интересы своей страны (как дипломаты), а интересы в своей сфере деятельности (Г. Тунберг – в экологии, М. Юсуфзай – правозащитной, Б. Гейтс – инновационной). Они не ассоциируются с какой-то конкретной страной, ее интересами и их продвижение на мировой арене, но оказывают определенное влияние на принятие политических решений. Отдельные личности – известные или напористые в стремлении стать знаменитым в продвижении узнаваемости по своей проблеме могут направлять свои усилия на коммерциализацию, псевдодипломатическую практику.

Выделим еще такое направление неофициальной дипломатии как полевая дипломатия, которая возникает в условиях вооруженного конфликта. Ее характерными чертами являются реальное присутствие на местах событий, твердая приверженность идее трансформации конфликта с использованием многоуровневого подхода и упором на интегративную составляющую в предотвращении конфликта (Старцевич, 2000). Это становится возможным при рассмотрении проблемы в широкой временной перспективе и стремлении установить первопричину, уделяя внимание глубинным пластам конфликта.

Приведем также некоторые работы российских исследователей гражданской, общественной, народной дипломатии (Шершнева, 2011; Медведева, 2007; Мартыненко, Матвиенко, 2012).

Таким образом, в современных условиях публичная дипломатия расширила круг вовлеченных в нее участников, используемые инструменты и

соответственно продолжительность их действия, что дает основания изучать это понятие как новую публичную дипломатию, в которой можно выделить гражданскую, общественную, народную, культурную, научную, экономическую, спортивную и т.д. При этом в публичной дипломатии лидирующая роль сохраняется за государством, а остальные виды имеют свои характерные черты и участников.

В рамках данного исследования используется понятие «народная дипломатия» наряду с понятием «общественная дипломатия», учитывая как реалии современной российской и западной моделей дипломатического общения, так и исторически сложившуюся в советский период практику. Итак, остановимся на общественной дипломатии, интерпретируя ее и как народную в соответствии с советскими традициями неофициальной дипломатии. Представляется необходимым изучать потенциал общественных организаций или объединений, театральных коллективов или образовательных учреждений, спортивных секций или молодежных групп, различного рода АНО и НПО как участников общественной дипломатии в сочетании с самоорганизованным коммуницированием на межличностном уровне, например, в ходе совместных мероприятий или поездках, а также в социальных сетях. Наиболее близко к ней находится гражданская дипломатия, но ее исследование больше связано с изучением влияния на межгосударственные отношения дипломатии отдельных лиц или гражданского общества в целом.

Общественная (народная) дипломатия призвана создавать основу сотрудничества и налаживать диалог, привлекая общественность развивать межгосударственные отношения. Личная инициатива профессионалов из разных областей деятельности или отдельных граждан направлена на взаимодействие с представителями своего рода занятий или в целом с населением других стран, знакомя при этом с культурно-историческими традициями и улучшая мнение о своей стране. Общественная (народная) дипломатия выполняет дипломатические функции добровольно и возникает на основе инициативы снизу, содействуя не только распространению информации о стране и формированию положительного образа, но и налаживая взаимодействие на межличностном уровне, тем самым расширяя возможности официальной дипломатии. Инициаторами общественной (народной) дипломатии могут быть как общественные, благотворительные, волонтерские, религиозные организации, профсоюзы и общественные палаты, учреждения культуры и образования, спортивные и молодежные движения, так и отдельные лица. Не следует рассматривать общественную (народную) дипломатию отдельно от официальной дипломатии. Интересы деятельности народных дипломатов проецируются на интересы своей страны. Они как неформальные представи-

тели государства взаимодействуют, исходя не из властных полномочиях, а на уровне профессиональной заинтересованности и межличностных отношений.

Методология и методы исследования. В ходе проведенного исследования был применен широкий ряд методов общенаучного анализа. Методологическая база включает методы первичного и вторичного анализа материалов, ивент-анализа, качественного контент-анализа, личного наблюдения, систематизации, обобщения, сравнительный и социокультурный подходы. Эмпирической базой для исследования послужили материалы СМИ, официальные сайты Министерства культуры ДНР, отчеты из архива Министерства иностранных дел ДНР, городских администраций и международных организаций, интервью, выступления, личные наблюдения автора за развитием ситуации в контексте исследуемой темы в Донецкой Народной Республике, что позволило методом анализа и синтеза интерпретировать факты и происходящие события, составить более целостную картину налаживания диалога посредством общественной (народной) дипломатии в ДНР, обобщить имеющиеся наработки по данному вопросу.

Применение метода сравнительного сопоставления позволило рассмотреть динамику развития общественной (народной) дипломатии в разные периоды. Проведенный анализ причинно-следственных связей был применен для определения мотивов, которые способствуют налаживанию сотрудничества между населением разных государств, что позволило выявить особенности дипломатии второго уровня в процессе развития Республики. Метод обобщения помог сделать выводы о затрудняющих межгосударственное сотрудничество факторах и выделить возможные пути активизации общественной (народной) дипломатии. Социокультурный подход к исследованию неофициальной дипломатии обосновал роль диалога культур и социальной активности, прежде всего, молодежи. Исследование формирования устойчивых связей Донецкой Народной Республики потребовало применения системного подхода к рассмотрению проблем развития общественной (народной) дипломатии в условиях затрудненного диалога с рядом стран посредством урегулирования политических, культурных, социальных и экономических факторов.

Результаты. Становление Донецкой Народной Республики и ее внешней политики проходило в особенных геополитических условиях. Отсутствие международной правосубъектности и мирового признания ограничивали возможности полноценного участия в международных отношениях, но не исключали выстраивания собственного внешнеполитического курса и сотрудничества с другими субъектами международного права. Последовательная и сбалансированная внешняя политика, правильно артикулированные и

четко структурированные государственные интересы, адекватная существующей действительности мировой политики внешнеполитическая стратегия, являются условием выживания государства, особенно непризнанного или частично признанного, так как его существование постоянно ставится под сомнение или даже насильственно оспаривается полноценными субъектами международных отношений или международного права (Онопко, 2018, с. 361). Прямое волеизъявление населения ДНР необходимо было принимать во внимание и выстраивать взаимоотношения на основе существующей международной практики мирного урегулирования конфликтов.

Поэтому одной из задач внешней политики стало использование инструментов общественной (народной) дипломатии, что в условиях давления было крайне непросто. Для донесения информации о происходящих в Республике событиях и позиции ее жителей МИД ДНР проводился ряд мероприятий. Приоритеты, цели, задачи, основные внешнеполитические направления и механизмы их осуществления были изложены в Концепции внешней политики ДНР, которая утратила свою силу в 2022 году после воссоединения с РФ. Среди задач внешней политики в ней было отмечено использование инструментов общественной дипломатии и создание позитивного образа ДНР на международной арене. МИД ДНР неоднократно подчеркивало открытость к диалогу с каждым государством, организацией или иным субъектом международных отношений, которые уважают и соблюдают принципы международного права, в частности право народов на самоопределение.

Важным направлением было определено формирование и реализация многовекторной дипломатии и сотрудничество с международными политическими и общественными организациями. В Республику приезжали делегации из ряда европейских стран и были созданы представительские центры в Италии, Франции, Греции, Финляндии, которые провели, например, только в 2018 году около 20 мероприятий. Перед ними стояла задача доносить до жителей Европы альтернативную украинской информацию о событиях в Донбассе и формировать позитивный образ Республики зарубежом. Эти структуры действовали в формате общественных инициатив по развитию взаимодействия ДНР с зарубежными партнерами в культурно-образовательной, научной, экономической сферах. Среди проведенных мероприятий можно выделить некоторые. Так, в 2017 году прошла информационно-гуманитарная акция «101life», посвященная гибели детей в Донбассе, в результате которой более шести тысяч человек подписали петицию в Совет по правам человека ООН, а медийный охват аудитории в Европе составил более 150 тыс. человек. Проводились акции «Ангелы в сердце» и «Ангелы Донбасса», но они сопровождались разногласиями и заявлениями о нарушениях, что со-

здавало препятствия для распространения альтернативной информации о событиях в Донбассе.

Для Донецкой Народной Республики крайне важно информировать население на низовом уровне, так как с официальными властями диалог затруднен. Основным при этом представляется широкий охват в разных сферах деятельности. Все годы вооруженного конфликта информацию пытаются донести и дети Донбасса, которые пишут открытые письма в ООН и другие международные организации. Но они игнорируются, как и обращения матерей погибших и пострадавших детей. Старания деятелей культуры или спорта привлечь внимание к проблеме Донбасса иногда заканчиваются отторжением от профессии, непризнанием их заслуг (например, пианистка В. Лисица, шахматист С. Карякин). Процесс налаживания диалога посредством общественной (народной) дипломатии может быть длительным. Раскручивание странами коллективного Запада образа России как «агрессора» через современные технологии влияет на сознание людей, поэтому надо умело противостоять. И если от государства исходит инициатива, она может восприниматься отрицательно, то от людей-профессионалов – более положительное впечатление или хотя бы нейтральное. В общении на таком уровне менее резкие заявления, но должна быть заинтересованность в продвижении положительного имиджа своего государства. Доверие к народным дипломатам будет выше, если они сами патриотично настроены и проявляют готовность взаимодействовать. Студенческие и научные обмены, гастроли художественных коллективов, выставки, спортивные соревнования, связи хозяйствующих субъектов приводят к формированию устойчивых межличностных взаимоотношений.

При реализации общественных инициатив в налаживании диалога необходимо поддерживать не сиюминутные предложения, а долгосрочные, которые станут основой продолжительного сотрудничества. Это, как правило, возможно при привлечении финансовых средств. Инвесторы заинтересованы в продвижении своих бизнес-проектов, но начинаться взаимодействие может посредством общественных и культурно-образовательных мероприятий. Инвестиции могут быть направлены на медицинские разработки и в профессиональные научные обмены. Экономические преференции и льготы для инвесторов могут создавать условия для развития науки, спорта, культуры в регионе и способствовать в дальнейшем развитию общественной (народной) дипломатии.

Донецкая Народная Республика находится в непростой ситуации: сначала как непризнанное государство и потом как субъект Российской Федерации, который таковым многие государства не считают. Поэтому для ДНР

главным становится доносить информацию о выборе населения Республики и позиционировать её как неотъемлемую часть России. В связи с этим необходимо и дальше продолжать пресс-туры зарубежных представителей в ДНР. Увидеть и убедиться лично в том, какая здесь ситуация, пообщаться с людьми и узнать их позицию и мнение о дальнейших перспективах развития региона.

Есть мнения, что в условиях противостояния необходимо изучать уровень информативности, эмоциональный настрой и потенциальную активность субъектов конфликта (с учетом множества социальных групп) и, соответственно, направлять действия народной дипломатии. Отметим, что это касается не только непосредственных участников конфликта, так как вовлеченными становятся и граждане других стран.

Снято немало документальных фильмов о людях и событиях в Донбассе, но нет возможности их свободно демонстрировать, например, в европейских странах. В случае заинтересованности возможности интернет могут быть использованы, но необходимо организовывать обсуждение или объяснение очевидцев – мирных граждан. И начинать надо с других российских регионов, так как не все граждане понимают первопричины вооруженного конфликта. И это могут быть не только фильмы или встречи с пережившими эти события людьми, но и гастролы театральных коллективов, и выставки музеев и т.д. Это возможно осуществлять, используя инструменты общественной (народной) дипломатии. Такая работа проводится в российских регионах и можно привести примеры.

Донецкий государственный академический музыкально-драматический театр им. М.М. Бровуна гастрوليрует со спектаклем «Я Знаю правДу!», в основу которого положены материалы книги «Война в Донбассе: народная летопись» по воспоминаниям людей мирных профессий, переживших события в Донбассе в 2014-2017 гг. Это дает возможности не только представлять свое искусство, но и знакомить жителей разных городов России с донецкими артистами и узнавать от них правдивую информацию о событиях. В сентябре 2025 года в Улан-Удэ выступил Донецкий республиканский академический молодежный театр со спектаклем «Шахтерская дочь» по поэме донецкой поэтессы Анны Ревякиной о событиях 2014 года в Донбассе.

Заслуженный государственный академический ансамбль песни и танца «Донбасс» был создан как Шахтерский ансамбль песни и пляски в 1937 году Зиновием Дунаевским. В 1970-1980-х гг., в период напряженных отношений между СССР и США, гастролитовал по многим, включая и капиталистические, странам – Греции, Испании, Бельгии, Германии, Франции, Италии, Китая, Польши, Румынии, Северной Кореи, Сирии, Бразилии, США, Канады и

др. В настоящее время гастрологи ансамбля проходят в рамках федеральной программы «Мы – Россия». Коллектив уже побывал в более чем в пятидесяти регионах, и география расширяется дальше. В ходе гастролей ансамбль представляет сольные программы «Многонациональный Донбасс» и «Донбасский характер», таким образом, создавая положительный бренд региона. Приведем несколько примеров совместной деятельности с коллективами из других российских регионов только за 2025 год. Донецкий ансамбль выступал с Государственным академическим ансамблем народного танца им. Ф. Гаскарова, Ставропольским муниципальным казачьим ансамблем песни и пляски «Вольная степь», Государственным академическим ансамблем песни и танца Тамбовской области «Ивушка» и Красноярским государственным академическим ансамблем танца Сибири им. М. Годенко. С концертами в Донецк приезжали Государственный академический заслуженный ансамбль танца Дагестана «Лезгинка», Государственный театр танца Калмыкии «Ойраты», Государственный казачий ансамбль песни и танца «Ставрополье», Московский государственный академический театр танца «Гжель» и Волжский народный хор имени П.М. Милославова. Гастролируя по разным городам и принимая другие коллективы, артисты не только представляют свое искусство, но и общаются на межличностном уровне. На XIII фестивале балета им. Г. Улановой была отмечена великолепная режиссура и мощная патриотическая направленность программы «Донбасса»: «У вашего ансамбля очень важная миссия – вы выступаете послом культуры своего знаменитого края». Ансамбль с таким говорящим названием, который много гастролировал по зарубежным странам, мог бы продолжить знакомить со своей программой другие страны и продвигать положительный образ Донецкого края, ассоциирующегося сегодня больше с вооруженным конфликтом. И, безусловно, помощь в этом могли бы оказать творческие коллективы из других российских регионов.

Донецкий республиканский краеведческий музей (ДРКМ) принимает активное участие во многих мероприятиях по интеграции в российское культурно-историческое пространство. Перечислим некоторые из них. В ходе поездки с 30 апреля по 2 мая 2022 года в Народный военно-исторический музейный комплекс Великой Отечественной войны «Самбекские высоты» состоялось торжественное открытие планшетной выставки «Листая фронтовые письма» из фондовых коллекций ДРКМ. В День народного единства донецкий музей представил планшетную выставку «Донбасс: история и современность» в рамках открытия экспозиции «Новые республики: история края» в Музее Победы (Москва). Музей продолжает реализацию экскурсион-

ного маршрута «Без срока давности» на территории Военно-исторического музейного комплекса «Саур-Могила».

Музеи ДНР подключены к информированию об истории региона, его культуре и традициях. Например, музейная платформа Донецкого республиканского краеведческого музея имеет интерактивные занятия и экскурсии в экспозиционных залах по темам «Человек и металл: наш край в эпоху меди и бронзы», «Город и судьбы. Юзовка», «Дорогами воинской славы», «Герои среди нас» и др., которые формируют имидж Республики и могут привлечь внимание и интерес населения зарубежных стран, способствуя налаживанию диалога на межличностном уровне. В 2020 году проводился онлайн конкурс имиджевых проектов «Культурный бренд территорий» с целью повышения социокультурного имиджа ДНР. Данный конкурс включал две номинации: «Историко-культурные личности» и «Социально-культурные события» и был направлен на знакомство с регионом, включая и зарубежную аудиторию.

Приведем еще ряд примеров деятельности донецких коллективов – участие в международном форуме стран СНГ и Балтии «Народная культура в XXI веке. Традиции и инновации» в Санкт-Петербурге, фестивале искусств «Победили тогда, победим и сейчас» в Приморском крае и т.д. В ходе таких мероприятий налаживается общение между обычными гражданами, что развивает народную дипломатию. Участие театров и музеев ДНР в различных мероприятиях дает возможность быть представленным на всероссийском и международном уровнях, что способствует появлению интереса к Республике, его истории и духовно-культурным традициям. Общемировой тенденцией становится подключение библиотек как социальных институтов к общественной (народной) дипломатии.

Общественная (народная) дипломатия может применяться в сфере науки и образования в рамках реализации программ внешней академической мобильности как преподавателей, так и студентов, проведения совместных научных исследований, конференций, семинаров, стажировок, летних школ и т.д. Эти мероприятия позволяют легче коммуницировать и находить общие интересы и занятия, которые и составляют основу дипломатии второго уровня. Это расширяет возможности привлечения международных ресурсов для развития образовательной и научно-исследовательской деятельности. Взаимодействие в разных сферах, например медицине также помогает завязывать взаимоотношения и способствовать налаживанию диалога сначала на межличностном, а затем и межгосударственном уровне. Это знакомит широкую аудиторию с культурным потенциалом региона и налаживает неформальные контакты, формируя положительное общественное восприятие. Подчеркнем еще раз, что вузы, научно-исследовательские институты,

музеи, библиотеки, спортивные федерации и т.д. могут быть подключены к этому процессу с выходом на международную арену с помощью партнеров из других российских регионов. Это формирует устойчивые профессиональные сети.

Посредством общественной (народной) дипломатии легче обозначить гражданские инициативы отдельных людей или объединений для поддержания диалога. Установлению неформальных отношений способствует не только участие представителей ДНР в различного рода акциях и инициативах, но и проведение мероприятий непосредственно на территории Республики. Например, уже ставший ежегодным Форум молодых дипломатов «Меркурий», собравший в Мариуполе в 2025 году представителей более 20 стран. Делегация Союза донбассовцев Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 9 по 12 февраля 2023 года посетила ДНР, и был проведен в Мариупольском государственном университете круглый стол по теме «Донбасс – Петербург: экология, культура, народная дипломатия». В марте 2024 года в Мариуполе был открыт Центр народной дипломатии, а с 2019 года в Донецке действует Центр молодежной дипломатии «Легатус».

Перспективным направлением в контексте реализации общественной (народной) дипломатии следует рассматривать развитие туризма. Была утверждена Стратегия устойчивого развития Приазовья до 2040 года. Вместе с ней был разработан план мероприятий по ее реализации для макрорегиона, включающего, кроме ДНР, также ЛНР, Запорожскую, Херсонскую и Ростовскую области, Крым и Краснодарский край. Как было отмечено, это направлено на создание на Азовском побережье современной туристско-рекреационной инфраструктуры и санаторно-курортных организаций.

Общественная (народная) дипломатия способствует укреплению связей между породненными городами, что расширяет возможности для формирования устойчивого сотрудничества местных органов власти. Породненные города устанавливают постоянные дружеские связи для улучшения взаимопонимания и укрепления межнациональных отношений, усиливая доверие, в первую очередь, на межмуниципальном уровне. Как отмечает Т.Д. Макаренко, Л.А. Ожегова, «в развитии международного сотрудничества на уровне муниципальных образований побратимские связи будут играть всёвозрастающую роль, если придать им регулируемый системный характер» (Макаренко, Ожегова, 2019). Отсутствие скоординированных программ и методик выбора побратима, формирования конкретных принципов работы с ними затрудняет процесс взаимодействия (Кузнецова, 2022).

Связи породненных городов включают участие горожан, муниципальных властей, общественных организаций и объединений в совместных иници-

циативах различных международных проектах, например, недели дружбы и наведение «мостов» между городами разных стран. Главы городов, абстрагируясь от идеологических разногласий и влияния позиции официальных властей третьих стран, могут добиться результатов в налаживании диалога между государствами, т.к. лучше ориентируются в повседневных реалиях города, а инициатива снизу покажет наиболее перспективные сферы для сотрудничества. Смысл побратимства, заложенный первоначально, не должен теряться из-за официальной позиции власти отдельных государств.

В отношении, например, Донецка, отметим, что отказ от сотрудничества с породненными городами по требованию третьих стран или международных организаций, не имеющих прямого отношения к побратимскому движению, нарушает его смысл и принципы. До 2014 года Донецк имел побратимские связи с городами Шеффилд (Великобритания), Бохум (Германия), Катовице (Польша), Таранто (Италия), Шарлеруа (Бельгия), и другими. Но, когда И. Мартынов как глава городской администрации города Донецка в январе 2015 года обратился ко всем городам-побратимам с просьбой об оказании помощи, больше даже с целью привлечь внимание мировой общественности на происходящую ситуацию, реакции не последовало. Города-побратимы предпочли дистанцироваться от прежних связей и не продолжать их ни в какой форме. Причиной чаще всего становилось влияние третьих стран, которые поддерживали украинскую власть и не слышали позицию жителей Донбасса, а также своих граждан, которые выступали за сохранение отношений и имели желание узнать альтернативную точку зрения.

Одновременно с этим, 19 июня 2014 года было подписано Соглашение об установлении партнёрских отношений и сотрудничестве со Смоленском. Наиболее активным в трудных условиях 2022 года стало заключение соглашений о побратимских связях с российскими городами, например, между городами Донецк и Уфа, Санкт-Петербург и Мариуполь, Енакиево и Ленинградская область, Донецк и Улан-Удэ, Донецк и Якутск и т.д. Более пятидесяти субъектов Российской Федерации оказывают шефскую и гуманитарную помощь по восстановлению разрушенной инфраструктуры и созданию новых городских пространств. Реализация программ и проектов способствует развитию общественной (народной) дипломатии. С представителями власти приезжает много специалистов в разных сферах, которые имеют возможность определить взаимовыгодные направления сотрудничества. И это не только экономические проекты, но и инициативы в области культуры и образования, оздоровление детей из ДНР, что также способствует налаживанию доверительных взаимоотношений.

На официальном уровне проходит налаживание связей с Китайской Народной Республикой, к которому могут быть подключены представители культурной и научно-образовательных сфер. ДНР принимала участие в Китайско-Российском форуме по сельскохозяйственному сотрудничеству 9 октября 2024 года в Москве, в I-м Российско-Китайском строительном форуме 19 апреля 2024 года. Эти и другие подобные мероприятия предполагают проведение выставок, круглых столов, конференций, т.е. расширения участников и использование инструментов общественной (народной) дипломатии. С представителями Русско-Китайского Центра гуманитарного сотрудничества обсуждается открытие совместного образовательного центра по подготовке кадров для разных областей и филиалов китайских вузов.

С признанием КНР в 2022 году Донецкой Народной Республики становится возможным привлечение инструментов общественной (народной) дипломатии. После подписания в сентябре 2025 года заключения о торгово-экономическом сотрудничестве есть планы развивать сотрудничество с Никарагуа и на уровне межмуниципального сотрудничества между Донецком и Манагуа, которое будет дополнено разными формами взаимодействия и на межличностном уровне.

4 февраля 2026 года прошла встреча заместителя Председателя Правительства ДНР О. Макеевой, директора благотворительного фонда «Первоверховных Апостолов Петра и Павла» М. Танасковича, представителя АНО «Сила Мира», в ходе которой обсуждались перспективы сотрудничества между Сербией, ДНР и РФ. Основное внимание было уделено молодежным инициативам. В Мариупольском государственном университете им. А. Куинджи в ноябре 2025 года был открыт Центр русско-сербской дружбы, который своей задачей видит продвижение знаний о сербской истории и культуре. Кроме информирования, Центром вместе с сербскими коллегами будет реализовываться научная деятельность.

Далее отметим, что, несмотря на недружественную позицию властей Греции, не всё население страны это поддерживает. В Донецке, Старобешеве, Мариуполе и Приазовье проживает много греков, через которых и можно налаживать связи общественной (народной) дипломатии. Представительский центр ДНР в Афинах был открыт 21 марта 2017 года и его деятельность направлена на информирование о событиях в Донбассе, развитие связей на межличностном уровне и отношения в сфере культуры и экономике. Центр финансировал греческую школу в Донецке, центр культуры в Горловке, а также помогал двум школам, в которых изучают греческий язык.

Одним из примеров осуществления народной дипломатии стало размещение баннеров в Донецке в знак дружбы с жителями Болгарии. Начало

этому было положено в ответ на плакаты «Россия нам не враг» в Италии. После этого в Донецке появились баннеры «Народ Италии – не мой враг» и был проведен телемост с итальянцами, а затем эта акция была поддержана в Болгарии, где были размещены плакаты «Россия – наш друг». И тогда в ДНР был дан ответ. Это стало одним из инструментов народной дипломатии, направленным на налаживание диалога напрямую с населением других стран. О развитии контактов шла речь в ходе неформальной встречи депутата Национальной ассамблеи от Болгарской социалистической партии И. Петкова и премьер-министра ДНР Е. Солнцева, которые обсуждали проведение культурно-просветительских встреч, проявив желание информировать болгар о реальном положении дел.

Альтернативную официальной информации необходимо предоставлять и жителям других европейских стран. Даже в условиях такого информационного давления не все поддерживают снабжение Украины европейским вооружением. Согласно проведенного опроса чешского издания Deník N и исследовательской компании Ipsos, около 50% жителей Чехии и Словакии выступают только за гуманитарную помощь Украине, а также 21,7% чехов и 24,5% словаков считают, что никак не должны поддерживать. Поэтому необходимо и дальше разными средствами продолжать объяснять причины проводимой военной операции и доносить позицию жителей ДНР. В Европе посредством общественной (народной) дипломатии подключать к этому население не только Сербии, Болгарии, Греции, Италии, но и Словакии, Венгрии, премьер-министры которых выражают более трезвый подход к разрешению украинского конфликта.

По приглашению армянской общины ДНР в сентябре 2024 года Донецк посетил лидер блока «Мать Армения». Встреча прошла на площадках президентской платформы «Россия – страна возможностей», в ходе которой обменялись опытом реализации проектов в сфере развития молодежного сотрудничества и расширения межкультурного диалога.

Отдельно остановимся на взаимодействии с Республикой Беларусь. Сотрудничество в сельском хозяйстве, пищевой и строительной сферах, заинтересованность в поставках карьерной техники, автобусов и тягачей высокой проходимости и грузоподъемности, программа по очистке питьевой воды, межпарламентские связи – некоторые примеры взаимодействия. Эти направления могут быть дополнены акцентированием внимания на историко-культурной общности и мемориализации объектов наследия, прежде всего, памятников Великой Отечественной войны. В июне 2024 года в Брестской крепости музыканты Москвы, Минска и Бреста представили произведения современных донецких композиторов в рамках заключительных концер-

тов Международного фестиваля «Подвиг ратный – подвиг духовный». В День единения народов России и Беларуси (2 апреля 2025 года) в Могилевской области на фестивале «Душа одна – славянская» выступали артисты Донецкой государственной академической филармонии совместно с Липецкой филармонией. 29 апреля 2025 года Донецкий республиканский художественный музей открыл в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» виртуальную выставку «Бухенвальд: Штрихи выживания. Рисунки художника Романа Ефименко». В июне 2025 года в Свято-Елисаветинском женском монастыре (г. Минск) проходила документальная фотовыставка «Дети Донбасса». Отметим, что монастырь и Благотворительный фонд Алексея Талая поддерживает население ДНР, осуществляет организацию реабилитации и отдыха донецких детей в Республике Беларусь. Проводятся акции по оказанию гуманитарной помощи инвалидам и пожилым людям. Белорусскими спасателями, представителями общественных организаций, воспитанниками военно-патриотического клуба была организована благотворительная акция «Спина к спине». «Русский Дом» в Гродно провел акцию по написанию писем и пожеланий на открытках для солдат, которые находятся в Донбассе. Также был инициирован проект общения по переписке детей Донбасса с белорусскими, так как сверстникам легче найти общие темы и интересы.

Общественная (народная) дипломатия выигрывает от привлечения молодых людей, которым интересно узнавать новое и они более креативны. Точки соприкосновения интересов помогут им понять, что не так уже они далеки друг от друга и их взгляды во многом сходятся, что в дальнейшем послужит основой для формирования устойчивых связей. От молодежи будет зависеть преемственность и углубление взаимодействия в будущем. В Донецке в начале 2026 года был открыт Центр молодежи, современное пространство площадью 12,5 тыс. квадратных метров. Молодые люди активно подключаются к ведению блогов и освещение в них того, что есть лучшее в регионе поможет привлечь внимание сверстников из других стран. Организация акции «Стань народным дипломатом» также может быть направлена на привлечение большего количества участников, прежде всего, молодежи.

Сегодня, когда разногласия со странами коллективного Запада уменьшили межгосударственные контакты, не следует оставлять попытки коммуникации с населением этих стран. Необходимо расширять сотрудничество с населением дружественных или нейтральных стран.

Такой канал дипломатии как гражданская, общественная или народная получил развитие в годы Холодной войны, когда идеологические противоречия сверху навязывались низам. Но простые граждане имели желание узнать больше друг о друге. Поэтому инициированные совместные проекты,

поездки находили отклик и «очеловечивали» отношения между СССР и США. Но США делали больше упор на публичную дипломатию, создание соответствующих отделов в государственных учреждениях, распространение влияния на другие регионы мира, свое развитие получила «мягкая сила» Дж. Ная. Советский Союз проигрывал в этом и в итоге это сыграло определенную роль в его распаде. Поэтому РФ следует больше внимания обращать на реализацию своих инициатив и проектов, продвигать свои национальные интересы и ценности.

Конфронтационные отношения между государствами тормозят отношения между гражданами этих государств, но дают и определенный процент интереса – узнать, что происходит в другой стране из первых уст и что за люди проживают в ней. В свое время в СССР курсировали «Поезда дружбы». Необходимо использовать опыт Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, который в годы идеологических разногласий осуществлял свою деятельность. Направлять усилия сейчас следует, в первую очередь, на дружественные или нейтральные государства, а коммуницирование с гражданами этих стран поможет восстановить отношения и с другими.

В условиях конфликта усилия общественной (народной) дипломатии представляются необходимым условием и идеальным стечением обстоятельств и действий: государства могут достичь длительного мира, но он не может быть заключен лидерами одним лишь подписанием мирного соглашения – «мир может быть достигнут через объединенные усилия всех уровней общества, национального и местного лидерства и, что наиболее важно, непосредственно людей».

Изучая институт городов-побратимов, ряд авторов подчеркивает, что при работе с культурной памятью важное значение имеет деятельность гражданских движений и социальных медиа, направленная на «интенсификацию городского, гражданского сотрудничества в сети и выстраивание привлекательного образа будущего как противовес используемого сегодня агрессивным сетевым практикам антироссийского, русофобского характера» (Волкова, Кулакова, 2023, с. 596). Наблюдаемое размывание норм морали на Западе снижает, как было отмечено О. Лебедевой, потенциал коллективного реагирования на многочисленные вызовы и угрозы современности (Лебедева, 2025, с. 32-33). Поэтому и требуются усилия по отстаиванию традиционных духовно-нравственных ценностей, что послужит основой сплочения стран-единомышленниц вокруг России.

И сегодня в условиях санкций и ограниченного передвижения и общения взаимоотношения между людьми могут налаживаться, хотя в меньшей

степени при официальной недружественной позиции. Если не вмешиваются третьи страны, у населения других государств есть интерес узнать, какова на самом деле реальная ситуация. Так же как был замечен интерес к СССР – оказаться в другой стране, узнать ее традиции и культуру в 1980-1990-х гг. Сейчас наблюдается интерес к славянству и русской культуре как обратная реакция на ее запрет в ряде западных стран. Поэтому важными становятся неформальные связи и большая направленность на продвижение духовно-нравственных ценностей русской (славянской) культуры в связке с языком и сохранением традиций. Для стран Европы следует находить общее, а для азиатских государств – показывать новое, привлекательное, что может заинтересовать своей новизной и своеобразием (сегодня, например, замечен интерес китайцев к России). Народные дипломаты должны быть патриотами, знать историю своей страны, своего края и иметь желание продвигать русскую культуру и язык. И жители Донецкой Народной Республики, доказавшие свое право вернуться в состав Российской Федерации, могут оказать помощь.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что общественная (народная) дипломатия выступает дополнительным инструментом традиционной дипломатии. Это гибкий формат межличностных и профессиональных контактов, в котором каждый может выступать в роли неформального представителя своего государства. Народная дипломатия открыта для всех. Каждому гражданину под силу быть народным дипломатом на своем уровне. И чем больше людей ДНР будет вовлечено в этот процесс, тем больше будет эффект в преодолении информационной блокады и расширены сферы сотрудничества, что будет способствовать формированию устойчивых связей. Эффективность общественной (народной) дипломатии зависит от ее массовости, подключенности к диалогу людей разных профессий, информированности о проводимых мероприятиях, иначе она так и останется в узком кругу специалистов. Народные дипломаты могут быть разных возрастов, из разных сфер занятости, использовать разные методы и инструменты реализации, но объединять их должно желание продвигать интересы своей страны и взаимодействовать с представителями из других государств, налаживая диалог в трудных условиях. Общественность должна быть осведомлена о развитии диалога. Помимо межкультурных фестивалей или студенческих обменов, активным может быть коммуницирование в социальных сетях и участие в волонтерских проектах.

Общественным (народным) дипломатам необходимо использовать социальные сети как платформу для донесения своей позиции как усилителя позиции государства и формирования положительного образа, понятного

для обычных граждан другой страны. Важным критерием общественной (народной) дипломатии является уровень доверия, когда народные дипломаты выступают и воспринимаются как надежный источник. В современных условиях цифровизации и технологизации всех процессов ускоряется коммуникация, но наши граждане внутренне должны быть подготовлены. Общественная (народная) дипломатия будет эффективна и действенна, если патриотизм идет изнутри, а для этого необходимо больше внимания уделять работе с молодежью.

Когда в 2004 году в ходе Оранжевой революции и после повторного тура голосования президентом Украины стал В. Ющенко, отношение к России резко не изменилось, а вот спровоцированный конфликт в 2013-2014 гг. привел к военному обострению. т.е. только смена украинской власти не привела к разрыву отношений с Россией, а вооруженный конфликт на подготовленную почву дал необходимый Западу результат. Проводимая западными фондами работа с молодежью, гранты, фальсификация истории и очернение советского периода с проекцией на Российскую Федерацию стали той основой, на которой конфликт легко воспламенился. Преодоление «образа агрессора» возможно посредством общественной (народной) дипломатии, проводимой разными странами сообща.

Итак, можно отметить, что урегулирование конфликтов – за официальной дипломатией, а создание условий по ослаблению восприятия конфликта, напряженности и в дальнейшем нейтрализации может быть возложена на общественную (народную) дипломатию. Работа народных дипломатов больше направлена не на оппонентов-противников, а на трансформацию общественного мнения населения этой страны о своем государстве, которое официальные власти продвигают, даже бывает не сами, а по указанию или давлению третьих стран из-за доминирующей политической повестки.

Отличительной чертой значения общественной (народной) дипломатии ДНР в условиях конфликта от предыдущих схожих ситуаций в том, что Республика на данный момент уже не непризнанное или частичное признанное государство, а является субъектом РФ и проводится специальная военная операция по восстановлению прав русскоязычного населения.

На первом этапе в условиях непризнанности основная деятельность осуществлялась МИД ДНР, на втором этапе после воссоединения исторических регионов с остальными российскими субъектами появились возможности для общественной (народной) дипломатии, которые могут быть расширены через регионы-шефы или структуры российских субъектов.

Альтернативные каналы коммуникации могут стать действенным инструментом налаживания диалога на неофициальном уровне, особенно в

условиях обострения отношений и кризиса традиционных дипломатических механизмов. Прорывать информационную блокаду и налаживать взаимодействие становится важной составляющей внешнеполитической деятельности ДНР. В первую очередь, необходимо создать основу и обеспечить восприятие Донецкой Народной Республики как части Российской Федерации через сотрудничество с российскими регионами, а следующий этап – формирование положительного образа РФ через понимание, что население Донбасса имеет право на самоопределение и желание воссоединения с РФ, которые надо уважать и принимать мировым сообществом. На данный момент общественная (народная) дипломатия находится в начале пути (прошло только четыре года после воссоединения с Россией), поэтому трудно оценить в полной мере, но следует и дальше изучать ее возможности и искать пути активизировать этот процесс. Необходимо возвращаться к истинному смыслу и принципам побратимства, уметь договариваться и искать пути восстановления существовавшей взаимосвязи, пытаться устранять проблемы, вести диалог на местном уровне и обходить предпочтения действующей политической элиты, которая может поменяться или сменить направленность своих действий как из-за внешнего влияния, так и внутреннего. Избирательным процесс побратимства не должен быть и не может осуществляться по воле отдельных лиц или даже по требованиям из других государств. Общественная (народная) дипломатия помогает налаживать контакты на межличностном уровне, укрепляя доверие и способствуя взаимопониманию, сглаживая искаженное восприятие сторонами в условиях конфликта.

Общественная (народная) дипломатия должна стать тем явлением в международных отношениях, которое не будет зависеть от политической повестки, а наоборот будет укреплять сотрудничество между простыми горожанами, муниципальными властями, общественными организациями и бизнес-структурами, заинтересованными в расширении любых взаимосвязей. Такие широкие возможности более вероятны посредством привлечения большого количества участников, имеющих разные интересы и задействованных в различных сферах деятельности, что углубляет диалог между обществами стран. Взаимодействие не должно навязываться, а должно привлекать духовно-нравственными ценностями, музыкальными и литературными произведениями, языком, религией и т.д.

Общественная дипломатия на первый взгляд не решает глобальных проблем, но дает толчок для развития двухуровневой дипломатии и углубления переговорного процесса. Она способствует взаимопониманию между населением стран, предполагающим участие организаций или отдельных лиц в проектах по культурному и научно-образовательному обмену и других

мероприятий международного сотрудничества. И такие инструменты, как культурные мероприятия, обмены студентами и преподавателями, языковые курсы и т.д., применимы ко всем видам новой публичной дипломатии, предлагаемой к изучению с начала XXI в.

Литература

Anton, A. (2023) Profiling a Niche Actor of Civil Society Diplomacy: the Unattached Diplomat // Journal of Communication Management. 27 (2). 191-206. <https://doi.org/10.1108/JCOM-04-2022-0043>

Feffer, J., & Snow, N. (2006) Anti-Americanism and the Rise of Civic Diplomacy // Foreign Policy in Focus. December 13. URL: https://fpif.org/anti-americanism_and_the_rise_of_civic_diplomacy/

Fulda, A. (2019) The Emergence of Citizen Diplomacy in European Union–China Relations: Principles, Pillars, Pioneers, Paradoxes // Diplomacy & Statecraft. 30 (1). 188-216. <https://doi.10.1080/09592296.2019.1557419>

Kelley, J. R. (2009) Between 'Take-offs' and 'Crash Landings': Situational Aspects of Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. Edited by Nancy Snow, Philip M. Taylor. New York and London: Routledge. 72-85.

Mueller, Sh. (2009) The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. Edited by Nancy Snow, Philip M. Taylor. New York and London: Routledge. 101-110.

Nye, J. (2008) Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616. March. 94-109.

Ross, Ch. (2002) Public Diplomacy Comes of Age // The Washington Quarterly. 25 (2). 73-83. <https://doi.org/10.1162/01636600252820144>

Zaharna, R. (2022) Boundary spanners of humanity: three logics of communications and public diplomacy for global collaboration / R.S. Zaharna. Oxford; New York: Oxford University Press. 253.

Zaharna, R. (2009) Mapping out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks // Routledge Handbook of Public Diplomacy. Edited by Nancy Snow, Philip M. Taylor. New York and London: Routledge. 86-100.

Артамонова, У. З. (2021) Направления и формы реализации публичной дипломатии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. (2). 49-56. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-49-56>

Волкова, А. В., & Кулакова, Т. А. (2023) Движение городов-побратимов в управлении региональной политикой: опыт новых территорий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 25 (3). 581-600.

Долинский, А. В. (2011) Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2 (17). 275-280. 276 <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-275-280>

Кузнецова, Е. В. (2022) Взаимодействие породненных городов как социокультурная практика в интеграционных процессах евразийского пространства // Мир науки. Социология, филология, культурология. 13 (3). URL: <https://doi.10.15862/50SCSK322>

Лебедева, О. (2025) Народная дипломатия в России. Взгляд из прошлого и перспективы на будущее // Международная жизнь. (10). 28-35.

Макаренко, Т. Д., & Ожегова, Л. А. (2019) Побратимские российско-китайские отношения как форма международного сотрудничества // Российско-китайские исследования. 3 (2). 42-52.

Мартыненко, Е. В., & Матвиенко, В. В. (2012) Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. (1). 57-60.

Медведева, Т. И. (2007) Гражданская (народная) дипломатия и её роль в российско-японском политическом диалоге: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва. 190.

Онопко, О. В. (2018) Внешняя политика Донецкой Народной Республики: интересы и идеология // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 45 (2). 360-368.

Старцевич, Ф. (2000) Превентивная дипломатия: опыт и перспективы // Политика. 3 (17). 162-173.

Шершневу, И. Л. (2011) Общественная дипломатия России в глобализирующемся мире. М. 303.

References

Artamonova, U. Z. (2021) Napravleniya i formy realizacii publichnoj diplomatii // Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN. (2). 49-56. <https://doi.org/10.20542/afij-2021-2-49-56>. (In Russ.).

Volkova, A. V., & Kulakova, T. A. (2023) Dvizhenie gorodov-pobratimov v upravlenii regional'noj politikoj: opyt novyh territorij // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 25 (3). 581-600.

Dolinskij, A. V. (2011) Evolyuciya teoreticheskikh osnovanij publichnoj diplomatii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2 (17). 275-280. 276 <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-275-280>

Kuznecova, E. V. (2022) Vzaimodejstvie porodnennyh gorodov kak sociokul'turnaya praktika v integracionnyh processah evrazijskogo prostranstva // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. 13 (3). URL: <https://doi.org/10.15862/50SCSK322>

Lebedeva, O. (2025) Narodnaya diplomatiya v Rossii. Vzglyad iz proshlogo i perspektivy na budushchee // Mezhdunarodnaya zhizn'. (10). 28-35.

Makarenko, T. D., & Ozhegova, L. A. (2019) Pobratimskie rossijsko-kitajskie otnosheniya kak forma mezhdunarodnogo sotrudnichestva // Rossijsko-kitajskie issledovaniya. 3 (2). 42-52.

Martynenko, E. V., & Matvienko, V. V. (2012) Narodnaya (obshchestvennaya) diplomatiya v kontekste sovremennogo mezhgosudarstvennogo obshcheniya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. (1). 57-60.

Medvedeva, T. I. (2007) Grazhdanskaya (narodnaya) diplomatiya i eyo rol' v rossijsko-yaponskom politicheskom dialoge: diss. ... kand. polit. nauk : 23.00.04. Moskva. 190.

Onopko, O. V. (2018) Vneshnyaya politika Doneckoj Narodnoj Respubliki: interesy i ideologiya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. 45 (2). 360-368.

Starcevic, F. (2000) Preventivnaya diplomatiya: opyt i perspektivy // Politika. 3 (17). 162-173.

Shershnev, I. L. (2011) Obshchestvennaya diplomatiya Rossii v globaliziruyushchemsya mire. M. 303.

Anton, A. (2023) Profiling a Niche Actor of Civil Society Diplomacy: the Unattached Diplomat // Journal of Communication Management. 27 (2). 191-206. <https://doi.org/10.1108/JCOM-04-2022-0043>

Feffer, J., & Snow, N. (2006) Anti-Americanism and the Rise of Civic Diplomacy // Foreign Policy in Focus. December 13. URL: https://fpif.org/anti-americanism_and_the_rise_of_civic_diplomacy/

Fulda, A. (2019) The Emergence of Citizen Diplomacy in European Union–China Relations: Principles, Pillars, Pioneers, Paradoxes // Diplomacy & Statecraft. 30 (1). 188-216. <https://doi.10.1080/09592296.2019.1557419>

Kelley, J. R. (2009) Between 'Take-offs' and 'Crash Landings': Situational Aspects of Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. Edited by Nancy Snow, Philip M. Taylor. New York and London: Routledge. 72-85.

Mueller, Sh. (2009) The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. Edited by Nancy Snow, Philip M. Taylor. New York and London: Routledge. 101-110.

Nye, J. (2008) Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 616. March. 94-109.

Ross, Ch. (2002) Public Diplomacy Comes of Age // The Washington Quarterly. 25 (2). 73-83. <https://doi.org/10.1162/01636600252820144>

Zaharna, R. (2022) Boundary spanners of humanity: three logics of communications and public diplomacy for global collaboration / R.S. Zaharna. Oxford; New York: Oxford University Press. 253.

Zaharna, R. (2009) Mapping out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks // Routledge Handbook of Public Diplomacy. Edited by Nancy Snow, Philip M. Taylor. New York and London: Routledge. 86-100.

Для цитирования: Кузнецова, Е. В. Формирование устойчивых связей Донецкой Народной Республики посредством общественной (народной) дипломатии / Е. В. Кузнецова // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 120-144. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-120-144.

**И.Э. Стрелец,
Д.С. Мухортов**

**I. Strelets,
D. Mukhortov**

**ЭММАНЮЭЛЬ МАКРОН:
ПОЛИТИКО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРОФИЛЬ
«НАЗНАЧЕННОГО
ЛИДЕРА»**

**EMMANUEL MACRON:
A POLITICAL
PSYCHOLOGICAL PROFILE
OF AN 'APPOINTED
LEADER'**

Аннотация

На основе анализа корпуса интервью и публичных выступлений Э. Макрона (2017–2026 гг.) в статье реконструируется политико-психологический профиль президента Франции. Рассматривается специфика политической устойчивости Э. Макрона, который сохраняет власть, несмотря на массовые протесты и низкие рейтинги. Выявляются противоречия в его поведении, обусловленные сочетанием «юпитерианского» стиля правления (дистанцирование от оппонентов, гиперцентрализация власти, минимизация роли посреднических институтов) с апелляцией к «близости к народу». Цель исследования — выявление личностных черт, определяющих политическое поведение Э. Макрона, и введение аналитической категории «назначенный лидер», под которым понимается политик, чья власть держится не на электоральной поддержке, а на функциональности для элит. Теоретико-методологическую основу образуют психобиографический метод, психоаналитическая традиция (З. Фрейд, А. Адлер, Х. Кохут, Дж. Боулби) и концепция политического этоса П. Розанваллона. Психоаналитические концепты используются как эвристическая модель, а не для клинической диагностики. Эмпирическую базу составил корпус из 21 интервью Э. Макрона за 2017–2026 гг. Использованы качественный контент-анализ речевых маркеров и вторичный анализ данных о невербальном поведении политика. Выявлены основные характеристики личности Э. Макрона: а) технократический нарциссизм, проявляющийся в неспособности (или нежелании) признавать ошибки и в использовании лексики долженствования;

Abstract

Based on an empirical analysis of a corpus of interviews and public speeches by E. Macron (2017–2026), this article reconstructs the political-psychological profile of the French President. It examines the specificity of Macron's political resilience – his ability to retain power despite mass protests and low approval ratings. The study identifies contradictions in his behavior stemming from the combination of a "Jupiterian" style of governance (distancing from opponents, hyper-centralization of power, minimization of intermediary institutions) with appeals to "closeness to the people." The aim of the study is to identify the personality traits shaping E. Macron's political behavior and to introduce the analytical category of the "appointed leader" – a politician whose power rests not on electoral support but on his functionality for elite groups. The theoretical and methodological framework integrates the psychobiographical method, the psychoanalytic tradition (S. Freud, A. Adler, H. Kohut, J. Bowlby), and P. Rosanvallon's concept of political ethos. Psychoanalytic concepts are employed as a heuristic model rather than for clinical diagnosis. The empirical base consists of a corpus of 21 interviews with E. Macron conducted between 2017 and 2026. The study employs qualitative content analysis of speech markers and secondary analysis of data on the politician's nonverbal behavior. The results reveal key personality characteristics of E. Macron: a) technocratic narcissism, manifested in the inability (or unwillingness) to admit mistakes and the use

б) высокий уровень самоконтроля, позволяющий быстро переключаться между поведенческими масками; в) двойственное отношение к соратникам, в частности премьер-министрам – одновременно потребность в них как сильных фигурах и боязнь их как потенциальных политических соперников; г) тактильность как инструмент доминирования и возникновение чувства уязвимости при отказе в ней. Зафиксировано отсутствие публичных извинений в указанном корпусе интервью, что интерпретируется как проявление нарциссических защитных механизмов.

Политическая устойчивость Э. Макрона объясняется тем, что элиты «держат» его как предсказуемого менеджера, проводящего неолиберальную повестку и не создающего собственной партийной альтернативы.

Ключевые слова:

политическая психология, Э. Макрон, психобиографический метод, назначенный лидер, нарциссизм, поведенческая гибкость, тактильность, кризисная коммуникация, Франция.

of deontic language; b) high self-monitoring, enabling rapid switching between behavioral masks; c) ambivalent attitudes toward associates, particularly prime ministers – simultaneously needing them as strong figures while fearing them; d) tactility as a tool of domination and the emergence of vulnerability when tactile contact is denied. The absence of public apologies across all 21 interviews is recorded, interpreted as evidence of narcissistic defense mechanisms.

The conclusions explain E. Macron's political resilience by the fact that elites "keep" him as a predictable manager implementing a neoliberal agenda and creating no party alternative of his own.

Key words:

political psychology, E. Macron, psychobiographical method, appointed leader, narcissism, behavioral flexibility, tactility, crisis communication, France.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-145-176>

Политическое лидерство в XXI в. все чаще требует анализа не только институциональных решений и программных документов, но и личностных черт актора. От уровня рефлексии политика и соответствия его качеств масштабу решаемых задач в значительной мере зависят результаты его деятельности. Эмманюэль Макрон, президент Франции с 2017 года, представляет собой уникальный кейс для политико-психологического исследования: он получил элитное образование (Национальная школа администрации, ENA), его карьера отмечена стремительным взлетом, на протяжении всего времени он сохраняет популистскую риторику, несмотря на серию кризисов.

Феномен Э. Макрона анализируется в российской науке с разных позиций. Биографические данные Т.В. Зверевой (Zvereva, 2017) фиксируют его карьерный старт. А.С. Шмандурова (Shmandurova, 2023) показывает, что его образ конструируется в оппозиции к национал-консерваторам (М. Ле Пен, Э. Земмур), которые критикуют его за «технократический либерализм» и «отрыв от народа». Е.Н. Куралесина (Kuralesina, 2019) анализирует языковую политику Э. Макрона, в которой его амбиции по укреплению позиций

французского языка на мировой арене проходят серьезное испытание, поскольку повсеместно доминирует английский. А.Ю. Чихачев (Chikhachev, 2018; 2022) сосредотачивается на внешнеполитических аспектах президентства Э. Макрона: выделяет особенности дипломатического стиля и указывает на двойственность проведения внешней политики, сочетающей попытки диалога с Москвой с лояльностью евроатлантическим союзникам. В.Н. Чернега (Chernega, 2024) анализирует электоральную стратегию Э. Макрона накануне выборов в Европарламент. Наконец, Е.С. Желтова (Zheltova, 2020) анализирует политическую культуру Франции и «новую формулу власти» Э. Макрона, показывая, что она является не столько личным успехом, сколько реакцией на системный кризис.

Отдельного внимания заслуживает французская исследовательская традиция, рассматривающая макронизм не столько как результат индивидуальной биографии, сколько как системный ответ на кризис Пятой республики. В работах М. Жоли (Joly, 2024) феномен Э. Макрона анализируется через призму «нарциссической перверсии», что представляет собой попытку интерпретации политического стиля через психоаналитическую оптику. М. Жоли характеризует Э. Макрона как лидера, чья политика определяется «перверсивным отношением к реальности», при котором политические решения подчинены не логике общественного блага, а логике сохранения нарциссического равновесия. В отличие от этого подхода в данном исследовании принято решение сознательно отказываться от клинических диагнозов и фокусироваться на эмпирически наблюдаемых речевых паттернах.

Ж. Грюнберг (Grunberg, 2022) помещает Э. Макрона в контекст «цезаристской» традиции французской политики (Наполеон, Бонапарт, де Голль), но приходит к выводу, что Э. Макрону, в отличие от его предшественников, не хватает харизматического доминирования, а его подход внутренне противоречив: он критикует политический класс, но при этом не имеет массовой поддержки. О. Руа (Roy, 2022) характеризует победу Э. Макрона в 2022 г. как «победу через поражение» («He won by losing»), подчеркивая, что президент удержался у власти не благодаря росту популярности, а исключительно из-за неприемлемости альтернативы (М. Ле Пен) для большинства избирателей. Г. Гудлифф (Goodliffe, 2025) рассматривает Э. Макрона как «политического предпринимателя», использовавшего европейскую интеграцию для переформатирования французской партийной системы, что привело к «разморозке» традиционных политических расколов.

Настоящее исследование дополняет эти системные объяснения, фокусируясь на политико-психологическом измерении устойчивости Э. Макрона. В статье показывается, как его личностные черты – технократический стиль, амбивалентная привязанность, нарциссические защиты – делают его предсказуемым и утилитарным для элит, что позволяет ему оставаться у власти даже при минимальной электоральной поддержке.

Как справедливо замечает Е.Б. Шестопал (Shestopal, 2023), современные политические лидеры действуют в условиях парадоксального сочетания высокой персонализации власти и растущего недоверия к политическим институтам. Это противоречие особенно отчетливо проявляется в институте французского президентства, которое подвержено воздействию индивидуальных особенностей руководителей страны.

Исследовательский вопрос данной работы состоит в том, какие устойчивые личностные черты Э. Макрона определяют его политическое поведение и как они связаны с его ранней социализацией и последующими кризисными коммуникациями. Актуальность исследования обусловлена тем, что в российской политологии еще не выполнялся психобиографический анализ этого французского президента, а также не было попыток изучения обширного эмпирического материала, связанного с его публичной риторикой. Объяснение противоречий в его поведении на протяжении всего периода нахождения у власти отмечалось не раз и экспертами и журналистами, но до сих пор оно не было системным. Научная новизна заключается: а) во введении и операционализации понятия «назначенный лидер» (разработаны пять эмпирически верифицируемых критериев) и б) в применении данного понятия к анализу корпуса спонтанных выступлений Э. Макрона (2017-2026 гг.), в результате чего становится возможным проведение реконструкции политико-психологического профиля политика данного типа. В статье выдвигается гипотеза, что стиль лидерства Э. Макрона является результатом компенсаторного нарциссизма, сформированного в раннем возрасте, и высокого уровня самоконтроля, позволяющего ему быстро переключаться между разными поведенческими масками.

Теоретическую рамку исследования образуют три подхода. Во-первых, психоаналитическая традиция (Adler, 1997; Freud, 2010; Kohut, 2003; Bowlby, 2003), примененная для анализа ранней социализации, нарциссических паттернов и типов привязанности. Во-вторых, психобиографический метод (Egorova-Gantman, 1994) как основа для реконструкции личностного

профиля политика. В-третьих, концепция политического этоса П. Розанваллона (Rosanvallon, 2011), используемая точечно — для объяснения противоречия между «юпитерианским» дистанцированием и апелляцией к близости.

Для систематизации эмпирического анализа была разработана следующая процедура:

1) контент-анализ лексики долженствования: фиксировались частотность и контекст употребления конструкций «il faut», «nous devons», «je dois/veux» по всему корпусу для выявления динамики субъектности;

2) анализ нарциссических защит: операционализация проводилась через поиск следующих речевых маркеров (Kohut, 1971; Horowitz & Arthur, 1988): а) отрицание критики через обесценивание источника («это неважно», «меня это не интересует»), б) переопределение негативных ярлыков в позитивные («авторитарный» как «решительный»), в) экстернализация вины;

3) невербальные паттерны анализировались с опорой на вторичные данные (Faye & Thiam, 2022; Amaral & Antunes, 2025) с кросс-верификацией по открытым видеоисточникам для подтверждения описанных жестов и тактильных паттернов.

Следует отметить, что термин «нарциссическая структура» используется в работе не как клинический диагноз (что не представляется возможным без прямого тестирования), а как эвристическая модель, описывающая устойчивый стиль лидерства и особенности реагирования на стресс, характерные для данного политика.

Эмпирическую базу исследования составили спонтанные выступления Э. Макрона (интервью, неформальные речи) в период 2017-2026 гг. Их отбор осуществлялся по трем критериям: 1) хронологическая репрезентативность – включены основные периоды президентства (начало первого срока, кризис «желтых жилетов», пандемия, предвыборные кампании 2022 и 2027 гг., политический и институциональный кризис 2024-2026 гг.); 2) тематическая репрезентативность – интервью охватывают основные сферы политической деятельности (внешняя политика, экономика, внутренние социально-политические катаклизмы); 3) доступность стенограмм – для верификации цитат использовались только публично доступные источники. В общей сложности был сформирован корпус из 21 интервью (полный перечень представлен в табл. 1).

Таблица 1. Корпус интервью Э. Макрона (2017–2026 гг.)

Шифр	Дата	Издание / Собы- тие	Тематика
I-M-2017-DS	13.10.2017	DER SPIEGEL	Начало срока, Европа
I-M-2017-LF	29.06.2017	Le Figaro	Первое интервью после избрания, Европа, Россия, Сирия
I-M-2019-TE	07.11.2019	The Economist	Кризис НАТО, стратегическая автономия, Россия
I-M-2019-TIME	Сент. 2019	TIME	Желтые жилеты, реформы, кризис демократии
I-M-2020-LGC	16.11.2020	Le Grand Continent	Пандемия, стратегическая автономия
I-M-2020-AJ	31.10.2020	Al Jazeera	Карикатуры, светскость
I-M-2021-CBS	18.04.2021	CBS (Face the Nation)	Украина, «красные линии»
I-M-2022-LD	03.06.2022	La Dépêche du Midi	«Не унижать Россию»
I-M-2022-LP	Март 2022	Le Parisien	Предвыборное, война на Украине
I-M-2023-HD	04.09.2023	HugoDécrypte	Молодежь, ментальное здоровье
I-M-2023-PI	09.04.2023	Politico	Стратегическая автономия, Тайвань
I-M-2023-TF1	24.09.2023	TF1/France 2	Иммиграция, инфляция
I-M-2024-BB	2024	Bloomberg	Экономика, конкуренция с США/Китаем
I-M-2024-DM	14.03.2024	TF1/France 2	Украина, «стратегическая неопределенность»
I-M-2025-BBC	2025	BBC	Глобальные вызовы, технологии
I-M-2025-CBS	21.09.2025	CBS (60 Minutes)	Украина, Ближний Восток
I-M-2025-RTL	25.11.2025	RTL	Украина, бюджет, Россия
I-M-2025-TF1LCI	19.08.2025	TF1-LCI	Вашингтонский саммит
I-M-2026-ARCVS	07.01.2026	Le Monde/AFP	Похороны Б. Бардо
I-M-2026-RS	19.02.2026	Raj Shamani (podcast)	Искусственный интеллект, Индия
I-M-2026-TM	Март 2026	TranscriptMate	Признание Палестины, Газа

Каждому интервью присвоен шифр (например, I-M-2017-DS), на который даются ссылки в тексте статьи.

Ранняя социализация и формирование нарциссической структуры

Эмманюэль Жан-Мишель Фредерик Макрон родился 21 декабря 1977 года в Амьене. Его отец, Жан-Мишель Макрон, профессор неврологии в Университетском госпитале Амьена; мать, Франсуаза Макрон-Ногэ, врач-консультант в системе социального страхования. Оба родителя были погружены в интенсивную профессиональную деятельность (Zvereva, 2017), что,

согласно концепции А. Адлера (Adler, 1997), могло создавать дефицит внимания, при котором ребенок, стремясь привлечь внимание значимых взрослых, формирует гипертрофированную потребность в подтверждении собственной исключительности. У Э. Макрона есть младшие брат и сестра. Лоран Макрон стал кардиологом. В отличие от Эммануэля, который был сосредоточен на учебе и немного замкнут, он, по свидетельству знакомых, активно занимался спортом, был очень общительным и легко находил друзей. Эстель стала врачом-нефрологом, но в отличие от братьев выбрала полную приватность, даже отсутствовала на инаугурации брата в 2017 г. и до сих пор избегает совместных выходов.

Главную роль в социализации Э. Макрона сыграла бабушка по материнской линии – Жермен Ногэ, преподавательница географии, занимавшаяся с внуком после уроков. Как пишет Франсуаза Макрон-Ногэ, именно бабушка впервые разглядела в нем необычные способности и поддерживала его интеллектуальное развитие (Zvereva, 2017). В автобиографии «Революция» (2016) Э. Макрон посвящает бабушке шесть страниц, тогда как маме – лишь два абзаца. Этот диспропорциональный объем является маркером смещения первичного объекта привязанности. Согласно Дж. Боулби (Bowlby, 2003), формирование первичной к бабушке, а не к родителям, может приводить к амбивалентному типу отношений во взрослом возрасте: страх перед близостью сочетается с гипертрофированной потребностью в признании и поддержке со стороны значимых других.

В шестнадцать лет Э. Макрон влюбился в свою сорокалетнюю замужнюю учительницу драматического кружка Брижит Тронье. Мать Э. Макрона призналась журналистке Анн Фульда, автору биографии «Эммануэль Макрон: идеальный молодой человек», что, узнав правду, они были в шоке (Fulda, 2017). Отец, Жан-Мишель Макрон, встретился с Брижит и попросил ее не встречаться с сыном до его совершеннолетия, но получил отказ (Fulda, 2017). Именно после этого родители приняли решение отправить сына доучиваться в лицей Анри-IV в Париж, чтобы разлучить их (Fulda, 2017). С точки зрения психологии, этот эпизод демонстрирует сверххранную фиксацию цели и абсолютную уверенность в себе, характерную для нарциссической структуры: Э. Макрон не сомневался, что добьется запретного – и в личной жизни, и в политике.

Показательным актом нарциссической самопрезентации стал выпуск автобиографической книги «Революция» в ноябре 2016 г. – за полгода до

президентских выборов, когда он еще не был главой государства. При этом данный шаг был не только проявлением нарциссического нарратива, но и частью целенаправленной предвыборной стратегии: в отсутствие партийной машины и институционального бэкграунда Э. Макрон использовал книгу как инструмент прямого позиционирования себя в качестве «человека миссии», что позволило ему компенсировать дефицит политического опыта через создание харизматического образа. В мировой политической практике подобные «откровения» до избрания – крайне редкое явление, обычно встречающееся у поп-звезд или медийных личностей. Книга была воспринята критиками как попытка искусственно создать «великий нарратив» о себе – пророческий, который спустился с горы, чтобы спасти Францию. Она была встречена насмешками со стороны левых журналистов, но это не помешало ей стать бестселлером.

Учеба в Sciences Po и ENA интегрировала Э. Макрона во французскую элиту. После окончания ENA он пошел не на государственную службу, а в инвестиционный банк «Rothschild», где за четыре года заработал около €2,9 млн и приобрел репутацию талантливого финансиста. Этот период, по мнению ряда исследователей, сформировал его стиль управления, основанный на финансовой логике, а не на политических компромиссах.

Как отмечает С. Реншон (Renshon, 1996), анализ политических амбиций через призму ранней социализации позволяет выявить устойчивые темы, которые впоследствии находят выражение в политическом поведении. В случае Э. Макрона такими темами выступают стремление к признанию и фиксация на ранней цели.

При интерпретации биографических данных следует признать существование методологических ограничений: биографические нарративы (включая автобиографию «Революция» и работы А. Фульды) являются сконструированными текстами, отражающими не столько объективную реальность, сколько желаемый образ политика, создаваемый командой спичрайтеров и политтехнологов. В данном анализе эти нарративы рассматриваются не как «истина о прошлом», а как тексты, раскрывающие субъективную логику самопрезентации Э. Макрона и его окружения. С этой оговоркой анализ ранних лет позволяет реконструировать темы, которые впоследствии находят вербальное выражение в его публичной риторике, однако выводы о прямой каузальной связи между дефицитом внимания в детстве и политическим стилем являются гипотетическими и требуют дальнейшей верификации.

Соответственно, в данном исследовании теория привязанности используется не для реконструкции реального типа привязанности Э Макрона (что потребовало бы клинического интервью), а для выявления устойчивых тем в его автобиографическом нарративе, которые резонируют с его публичным поведением.

Динамика вербального стиля и нарциссическая защита Э. Макрона

Вербальный стиль Э. Макрона не является статичным. На протяжении двух с половиной президентских сроков его речевые практики существенно эволюционировали, отражая как адаптацию к кризисным вызовам, так и нарастание нарциссической ригидности. В результате анализа интервью стало возможным выделить три основных измерения этой динамики: 1) трансформация лексики долженствования, 2) совершенствование навыков парирования прямой критики и 3) дихотомичность тактильной мягкости в адрес «конкретного Другого» и вербальной жесткости в адрес «абстрактного Другого» (оппозиции, профсоюзов, «системы»).

Э. Макрон последовательно использует модальные конструкции необходимости и долженствования («il faut», «nous devons», «je dois»), однако то, кто именно должен действовать и как это преподносится, менялось в зависимости от политического контекста.

В ранних интервью Э. Макрона (2017-2022 гг.) доминирует конструкция «nous devons» («мы должны»). В беседе с немецким изданием «DER SPIEGEL» [I-M-2017-DS] он заявляет: «Nous devons convaincre l'Allemagne de réformer la zone euro» («Мы должны убедить Германию реформировать еврозону»). Местоимение «мы» здесь выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно включает в «команду реформаторов» всех европейцев, с другой, – снимает с президента полную ответственность за непопулярные меры. Как показывает теория дискурс-коалиций М. Хайера (Hajer, 1993), формирование общего нарратива («storyline») позволяет актерам с разными интересами объединиться вокруг определенного понимания проблемы и позиционировать себя как носителей перемен. Такая стратегия характерна для начала политического цикла, когда лидер стремится конструировать образ «коалиции перемен».

В интервью периода пандемии и первых месяцев войны на Украине (2020-2022 гг.) частотность безличного оборота «il faut» резко возрастает

(42 случая по всей выборке, пик приходится именно на этот период). В отличие от «nous devons», оборот «il faut» не называет субъекта действия и переносит источник необходимости вовне - на «обстоятельства», «исторический момент», «вызовы эпохи». Психологически это позволяет политику выглядеть не инициатором непопулярных мер, а «голосом реальности», который лишь констатирует то, что «и так нужно сделать».

Начиная с 2024 г., в интервью Э. Макрона фиксируется новый паттерн: он все чаще говорит от первого лица единственного числа, используя глаголы волеизъявления. Этот переход показывает, что с течением времени Э. Макрон все чаще прибегает к прямым волевым заявлениям, компенсируя этим потерю политического контроля. Чем больше внешние обстоятельства сопротивляются его воле (падение рейтингов, парламентский кризис, протесты), тем настойчивее он говорит от первого лица единственного числа, как бы утверждая: «я еще здесь, я все еще решаю», т.е., согласно концепции Х. Кохута (Kohut, 2003), как нарциссическая личность он чаще допускает прямолинейные, волевые фразы как способ защиты от переживания собственного бессилия.

Главным индикатором психологического профиля лидера является не то, что он говорит в спокойной обстановке, а то, как он реагирует на прямой вызов. Анализ кризисных фрагментов интервью позволяет выделить у Э. Макрона три устойчивые техники нарциссической защиты.

В интервью [I-M-2019-TIME], посвященном кризису «желтых жилетов», журналист спрашивает Э. Макрона, не оторвался ли он от народа. В разгар кризиса рейтинг доверия к президенту составлял 23%, самый низкий показатель с момента его избрания. Ответ Э. Макрона: «Jamais je n'ai été aussi proche des gens que dans ces débats» («Я никогда не был так близок к людям, как в ходе этих дебатов»). Вместо признания дистанции Э. Макрон переворачивает обвинение в самовосхваление. Эта техника соответствует классическому описанию нарциссической защиты как «превращения пассивного в активное» (Horowitz & Arthur, 1988): обвинение в отрыве от народа превращается в утверждение об исключительной близости.

В интервью [I-M-2025-RTL] ведущий напоминает Э. Макрону о рекордно низком уровне доверия к нему как президенту (согласно опросам, 15%). Ответ: «Les sondages ne m'intéressent pas. Ce qui m'intéresse, c'est la France» («Рейтинги меня не интересуют. Меня интересует Франция»). Здесь работает механизм обесценивания: эмпирический факт (низкая поддержка) объявля-

ется нерелевантным для президентской деятельности. Аналогичная стратегия фиксировалась и в более ранних интервью: Э. Макрон систематически отказывается обсуждать собственную популярность, переопределяя критерии успеха («важны не рейтинги, а реформы»).

В подкасте [I-M-2026-RS] ведущий задает прямой вопрос: «Вас называют авторитарным президентом. Что вы на это скажете?» Ответ: «C'est parce que je prends des décisions. Les faibles ne prennent pas de décisions» («Это потому, что я принимаю решения. Слабые не принимают решений»). Вместо защиты или опровержения Э. Макрон принимает ярлык «авторитарный», но переозначивает его как позитивное качество («решительность»). Эта техника, известная в психологии как «переопределение» (reframing), позволяет нарциссической личности не только избегать стыда, но и извлекать нарциссическое удовлетворение из обвинения: «я их всех переиграл, я оказался умнее».

Все три техники объединяет общий механизм: они позволяют Э. Макрону сохранять образ всемогущества, не вступая в содержательную полемику. Вместо диалога с критикой он либо переопределяет ее смысл, либо объявляет нерелевантной, либо превращает обвинение в комплимент. Это классический паттерн нарциссической защиты, который, согласно Х. Кохуту (Kohut, 2003), направлен не на решение проблемы, а на восстановление нарушенного нарциссического равновесия. Показательно, что ни в одном из проанализированных интервью Э. Макрон не использует конструкций, предполагающих рефлексию над собственной позицией («возможно, я ошибаюсь», «стоит пересмотреть подход»), что подтверждает ригидность его когнитивного стиля.

А.Ю. Ермина на материале когнитивно-метафорического анализа дискурса Э. Макрона показала, что он систематически использует метафоры войны и спорта (Ermina, 2021). В проанализированном корпусе регулярно встречаются лексемы «покорять» (conquérir), «побеждать» (vaincre), «схватка» (combat), «битва» (bataille). В интервью [I-M-2024-DM], комментируя возможность отправки войск на Украину, он утверждает: «Nous sommes prêts à utiliser les moyens nécessaires pour atteindre notre objectif» («Мы готовы использовать все необходимые средства для достижения нашей цели»). В интервью [I-M-2022-LP] он называет президентскую кампанию «битвой идей».

Метафоры войны формируют образ лидера-воина, который ведет свою страну к победе, несмотря на сопротивление «внутренних врагов» (оппозиции, профсоюзов, «ленивой Франции»). Однако с точки зрения политической психологии, важно другое: эта риторика существует автономно от реальных действий, выполняя исключительно психологическую функцию – она позволяет лидеру структурировать реальность в бинарной оппозиции «свой – чужой», «победа – поражение», что снижает когнитивную сложность и мобилизует сторонников вокруг упрощенного образа «борьбы».

Вербальное поведение президента подчиняется тому же паттерну расщепления, который был описан выше применительно к его ранней социализации.

С «конкретным Другим» (журналист в студии, отдельный гражданин, молодой блогер) Э. Макрон использует эмпатичную, доверительную лексику. В интервью [I-M-2023-HD] он обращается к молодежной аудитории: «Je vous écoute, je comprends votre angoisse» («Я слушаю вас, я понимаю вашу тревогу»). В интервью [I-M-2020-LGC] он использует формулы «мы должны выслушать тех, кто страдает», «нужно понять их боль». Эта лексика создает образ «слушающего президента», доступного для диалога.

С «абстрактным Другим» (оппозиция, профсоюзы, «система», «ленивая Франция») Э. Макрон говорит на языке подавления и исключения. В интервью [I-M-2024-DM] он заявляет: «Ils ne proposent rien d'autre que le chaos. Je ne les laisserai pas détruire le pays» («Они не предлагают ничего, кроме хаоса. Я не позволю им разрушить страну»). В интервью [I-M-2025-RTL] он называет оппозицию «теми, кто не хочет работать», а профсоюзы – «слугами устаревшей системы».

Эта дихотомичность воспроизводит в речи тот же паттерн, что и амбивалентный тип привязанности, сформированный у Э. Макрона в детстве. Как было показано в биографическом обзоре, главным объектом его ранней эмоциональной привязанности стала бабушка, а не родители, что привело к формированию амбивалентного типа привязанности: человек одновременно жаждет близости, но боится ее, постоянно ищет подтверждение своей значимости, но не доверяет тем, кто к нему приближается.

Во взрослой политической коммуникации этот детский паттерн трансформируется в механизм, который основатель Центра анализа личности и политического поведения ЦРУ Дж. Пост назвал «расщеплением» (splitting). Согласно Дж. Посту, политические лидеры с нарциссической структурой

личности склонны считать, что «все плохое и злое происходит от кого-то извне» (splitting off «the bad and evil» to a group outside the self) и тем самым проецировать ответственность за неудачи на внешнего врага. Этот механизм ведет к поляризации реальности, при которой мир делится на «абсолютно хорошее» (своя группа, свои сторонники) и «абсолютно плохое» (оппозиция, чужие, враги).

В случае Э. Макрона это «расщепление» проявляется как дихотомия двух режимов коммуникации. Конкретный, живой собеседник (журналист в студии, молодой блогер, отдельный гражданин) не вызывает у президента тревоги – с ним можно быть тактично мягким и эмпатичным, использовать лексику слушания и понимания. Но как только оппонент превращается в абстрактную категорию («оппозиция», «профсоюзы», «бюрократы», «система»), включается защитный механизм, описанный Дж. Постом: «абстрактный Другой» становится «врагом», которого нужно не убеждать, а побеждать, уничтожать или обезвреживать. Эта бинарная логика является одним из основных признаков нарциссического типа политического поведения в политическом дискурсе.

В российском и зарубежном медиадискурсе за Э. Макроном закрепился антропоним «Наполеон». О.Н. Кондратьева и Е.Е. Юрьева (Kondrat'eva, 2025) показывают, что этот образ используется для конструирования амбивалентного нарратива: «амбициозный, но обреченный», «молодой, но уже несостоявшийся гегемон». Однако важно, что Э. Макрон не просто принимает это сравнение, но систематически и сознательно ему подыгрывает, превращая потенциально негативную карикатуру в инструмент политического позиционирования.

Визуальные отсылки к наполеоновскому и военному наследию. Эта стратегия вышла далеко за рамки разовых фотографий в боксерских перчатках (прозвище #RockyMacron в социальных сетях). В 2023 году, проводя экскурсию по Елисейскому дворцу для журналистов, Э. Макрон примерил историческую двууголку Наполеона – символический жест, который в сети мгновенно превратился в мемы с отретушированными изображениями президента в полном облачении императора. Его официальный президентский портрет 2017 г. стилизован под живописные полотна монархов, а не под скромные фотографии республиканских чиновников: поза (полуоборот, руки скрещены на груди) и антураж (дубовая мебель, книги, полумрак) отсылают

к классическим изображениям «помазанников Божьих», а не к образам выборных лидеров.

Помимо визуальных образов, Э. Макрон регулярно апеллирует к военно-имперской символике в своих действиях. В день инаугурации 2017 г. он отказался от традиционного лимузина и проехал по Елисейским полям к Триумфальной арке в открытом военном джипе – жест, который должен был транслировать не образ «президента-чиновника», а «верховного главнокомандующего, выезжающего на поле боя». Сразу после вступления в должность он опубликовал фото, где его на лебедке спускают в атомную подводную лодку, – еще один элемент демонстрации контроля над стратегическими ядерными силами Франции. В 2018 г. для программного интервью о создании «общеевропейской армии» он выбрал Верден – символ чудовищных потерь Франции в Первой мировой войне, тем самым сознательно связывая свою персону с темой национальной обороны и военной жертвенности.

С точки зрения политической психологии, принятие амбивалентного образа – когда одна часть аудитории воспринимает лидера как величие, а другая часть – как карикатуру – является характерной чертой нарциссических лидеров. Как отмечает Н. Мак-Вильямс (McWilliams, 2011), нарциссическая личность предпочитает поляризованные оценки (либо «все хорошее», либо «все плохое») спокойному признанию собственных ограничений и сложности.

Амбивалентность образа «Наполеон» (и герой, и тиран, и победитель, и изгнанник, и реформатор, и узурпатор) парадоксальным образом устраивает Э. Макрона по двум причинам. Во-первых, она позволяет ему сохранять нарциссическую фантазию об исключительности («меня сравнивают с Наполеоном – значит, я не обычный политик, а историческая фигура») даже перед лицом растущей непопулярности. Во-вторых, эта амбивалентность снимает необходимость выбирать между «хорошим» и «плохим» образом: президент может одновременно быть и «реформатором» (для своих сторонников), и «автократом» (для критиков), извлекая из обеих проекций политические дивиденды. Как метко заметил один из французских обозревателей, «Макрон хочет быть Наполеоном, который не едет в Россию – то есть хочет величия без катастрофы». Но, как показывает динамика его второго срока (парламентский кризис, падение рейтингов, бюджетный коллапс), избежать «российской кампании» своему «Наполеону» все же не удастся.

Таким образом, вербальный стиль Э. Макрона не сводится к «юпитерианским» заявлениям. Он представляет собой динамическую систему нарциссических защит, которые эволюционируют от коллективной ответственности («nous devons») к прямому волеизъявлению («je décide»), от тактильной эмпатии к конкретным собеседникам – к риторике уничтожения абстрактных оппонентов. Эта динамика является ключевым эмпирическим свидетельством в пользу предложенной в статье модели «назначенного лидера»: чем больше внешние обстоятельства сопротивляются воле Э. Макрона (кризис 2024-2026 гг., падение рейтингов, парламентский паралич), тем жестче становится его вербальная защита и тем отчетливее проступают маркеры нарциссической ригидности.

Амбивалентность привязанности: отношения Э. Макрона с премьер-министрами

Классическим случаем «амбивалентной привязанности» (Bowlby, 2003) являются отношения Э. Макрона с премьер-министрами. За время своего президентства французский президент сменил семерых премьеров, и в каждом случае прослеживается устойчивый паттерн, который можно назвать «нарциссическим циклом привязанности»: 1) выбирается сильный менеджер, способный выполнять рутинную работу и принимать на себя непопулярные решения; 2) наблюдается рост популярности премьера, которая начинает превышать президентскую; 3) возникает угроза затмения главы государства; 4) происходит публичное принижение, отставка или «выдавливание» премьера; 5) отправление в «почетную ссылку», т.е. назначение на символическую, но не влиятельную должность; 6) возврат к пункту 1 с новым, заведомо более слабым кандидатом.

Анализ семи премьерских сроков позволяет выделить четкую динамику: чем дольше Э. Макрон находится у власти, тем менее самостоятельными становятся его премьер-министры. Если в начале правления он еще терпит рядом с собой сильную фигуру (Э. Филипп), то к 2026 г. его выбором становится лояльный технократ из ближнего круга (С. Лекорню).

Эдуар Филипп (2017-2020 гг.), мэр Гавра и член партии «Республиканцы», был назначен премьер-министром в день инаугурации Э. Макрона. Он быстро завоевал популярность: его рейтинг доверия часто превышал президентский (в разгар кризиса «желтых жилетов» в декабре 2018 года рейтинг Э. Филиппа составлял 31%, тогда как у Э. Макрона – 23%). Э. Фи-

липп несколько раз пытался подать в отставку (после акции протеста «желтых жилетов» в 2018 г., после поражения партии Э. Макрона на муниципальных выборах 2020 г.), но Э. Макрон его не отпускал. Психологически это объясняется нарциссической потребностью в сильном «исполнителе», который берет на себя кризисное управление. Отпустить Э. Филиппа означало бы потерять эффективного менеджера в разгар протестов. Однако после поражения партии Э. Макрона на муниципальных выборах 2020 г. отставка была «снисходительно» принята: Э. Филипп стал «козлом отпущения» за провал. Его партия «Республиканцы» тоже проиграла на этих выборах, а его собственная популярность к тому моменту начала снижаться – из-за целого ряда ошибочных действий Э. Макрона, – что уменьшило конкурентную угрозу для президента. В интервью [I-M-2023-TF1] Э. Макрон так отозвался об уходе Э. Филиппа: «Il a fait son travail, c'est bien» («Он сделал свою работу, и это хорошо»). Во фразе слышится иронический подтекст: «свою работу» как у менеджера среднего звена, а не как у политического партнера. После отставки Э. Макрон назначает Э. Филиппа мэром Гавра – классическая «почетная ссылка». Формально – дал повышение (сделал мэром крупного города), но по факту – удалил из Парижа.

Жан Кастекс (2020-2022 гг.), малоизвестный чиновник, был назначен после отставки Э. Филиппа. Он никогда не составлял конкуренции Э. Макрону в публичном пространстве, его рейтинг был стабильно ниже президентского. Он воспринимался как «человек Макрона», лояльный исполнитель. Его отставка после переизбрания президента в 2022 г. прошла незамеченной для широкой публики.

Назначение Элизабет Борн (2022-2024 гг.), «первой женщины-премьера», было воспринято как символический жест (борьба с гендерным неравенством), но ее полномочия были существенно ограничены. Она часто жаловалась французским СМИ, что Э. Макрон принимает все основные решения единолично, а ей остается лишь обеспечивать их прохождение через парламент, в том числе с помощью частого использования статьи 49.3 Конституции (23 раза за полтора года). В интервью [I-M-2023-TF1] Э. Макрон, комментируя работу правительства, ни разу не назвал Э. Борн по имени, говоря обобщенно: «le gouvernement travaille» («правительство работает»). Это вербальное уничтожение премьера как значимой фигуры.

Самый молодой премьер-министр в истории Франции 34-х-летний Габриэль Атталь (2024 г.) рассматривался как проект Э. Макрона по омоложе-

нию образа власти. Г. Атталъ был харизматичен, хорошо говорил, быстро набрал собственную популярность, что стало называться «эффектом Атталъ». Социологи зафиксировали, что рейтинг Атталъ в первые месяцы его премьерства превышал рейтинг Э. Макрона среди молодежи (18-25 лет). Его отставка последовала сразу после выборов в Европарламент в июне 2024 г., где партия «Ренессанс» потерпела поражение. Формальной причиной было названо «поражение на выборах», но, как отмечает пресса, реальной причиной стал страх Э. Макрона перед «эффектом Атталъ».

Мишель Барнье (сентябрь – декабрь 2024 г.), 73 года на момент назначения, и Франсуа Байру (декабрь 2024 г. – сентябрь 2025 г.), 74 года, представляют собой «технических премьеров» – политиков старшего поколения, не имеющих харизмы и массовой поддержки, неспособных составить конкуренцию Э. Макрону. Они были использованы для протаскивания непопулярных законов (пенсионная реформа, бюджетная экономия) и для принятия на себя удара оппозиции. Оба были отправлены в отставку после того, как выполнили свою функцию «громоотвода». В интервью [I-M-2025-RTL] Э. Макрон, отвечая на вопрос о частой смене премьеров, иронизирует: «La France a besoin de stabilité, et pour cela il faut parfois changer les outils» («Франции нужна стабильность, а для этого иногда нужно менять инструменты»). Называя премьер-министра «инструментом», он тем самым обесценивает должность, на которой, по Конституции, находится глава правительства.

Севастьян Лекорню (с сентября 2025 г.), до назначения занимавший пост министра обороны, считается одним из самых лояльных Э. Макрону политиков. Он никогда не критиковал президента публично, не имеет собственной политической базы и воспринимается как «человек миссии», а не как самостоятельная фигура. Его назначение в 2025 г., после череды политических кризисов (падение правительства Ф. Байру, бюджетный коллапс, парламентский паралич), свидетельствует о том, что Э. Макрон в условиях нарастающей изоляции вернулся к проверенной стратегии – окружать себя людьми, которые не представляют угрозы его лидерству.

Характерно, что этот цикл сжимается во времени по мере нахождения Макрона у власти: если Э. Филипп продержался три года, то Г. Атталъ – восемь месяцев, а М. Барнье – всего три. Ускорение цикла свидетельствует о нарастающей нарциссической ригидности: чем дольше президент сталкивается с сопротивлением политической системы, тем быстрее он избавляется от премьеров, не дожидаясь, пока они наберут опасный вес. Это также под-

тверждает гипотезу о «назначенном лидере»: Э. Макрон не выстраивает долгосрочных альянсов, а использует премьеров как расходный материал для реализации непопулярных решений, после чего отправляет их в «почетную ссылку».

Невербальное поведение: тактильность как инструмент доминирования и возникновение чувства уязвимости при отказе в ней

Сенегальские исследователи М. Фай и О. Тиам (Mbaye Faye и Oumar Mamoudou Thiam) (Faye & Thiam, 2022) на основе видеозаписей публичных выступлений Э. Макрона в 2017-2021 гг. выделили три устойчивых жеста, свидетельствующих о наличии у него высокого уровня самоконтроля и потребности в доминировании.

Первый жест – соединенные ладони («поза квадрата»). Кисти рук соединены так, что образуют фигуру, напоминающую квадрат или треугольник. Этот жест, по данным М. Фай и О. Тиам, означает концентрацию на чем-то, контроль над чем-то и готовность к чему-то, по всей вероятности, решительным действиям. Он наиболее частотен в начале выступления, когда Э. Макрон настраивается на речь.

Второй жест – кольцо из большого и указательного пальцев (жест «ОК»). М. Фай и О. Тиам называют его «жестом прецизионности» (точности). Это наиболее частотный жест Э. Макрона: исследователи насчитали 93 случая использования его одной рукой и 85 случаев – двумя руками. Жест используется при произнесении цифр и дат (маркер точности, рациональности), при произнесении обещаний («я гарантирую», «я обещаю»), при отрицании слов оппонента.

Третий жест – сжатый кулак. М. Фай и О. Тиам насчитали 38 случаев сжатия одной руки и 40 случаев – двух рук. Этот жест используется при произнесении волевых обещаний и лозунгов («Je le ferai», «Nous vaincrons» – «Я сделаю это», «Мы победим»).

Как было отмечено выше, Э. Макрон вербально дихотомичен: он мягок с конкретным собеседником и жесток с абстрактным оппонентом. Невербальное поведение подчиняется той же логике. И. Амарал и Э. Антунеш (Amaral & Antunes, 2025) показывают, что Э. Макрон систематически использует прикосновения для установления психологической иерархии: он кладет руку на плечо собеседнику, вторгаясь в его личную зону; он обнимает при встрече, заставляя партнера рефлексивно принять его объятия; он

задерживает рукопожатие ровно настолько, чтобы партнер испытал дискомфорт от потери контроля над своей рукой. Согласно теории Э. Холла (Hall, 1966), тот, кто первым нарушает дистанцию, демонстрирует высокий статус. Таким образом, тактильность Э. Макрона представляет собой не проявление дружелюбия, а невербальный инструмент доминирования и установления иерархии.

Однако, как и в вербальном поведении, тактильная мягкость имеет пределы. Она работает только с «конкретным Другим» – собеседником, который находится рядом. Когда оппонент превращается в абстрактную категорию («оппозиция», «профсоюзы»), тактильность сменяется вербальной жесткостью (ультиматумы, уничижение). Более того, тактильность Э. Макрона не всегда встречает ответную реакцию. Отказ в тактильности со стороны другого лидера становится для него «нарциссической травмой» (narcissistic injury). Наиболее показательными примерами подобных случаев стали следующие.

Эпизод 1: «длинный стол» в Кремле (февраль 2022 г.). Российский президент усадил Э. Макрона на другой конец шестиметрового стола, лишив его возможности физического контакта. Как отмечает И. Лассер, со стороны западных наблюдателей этот жест был интерпретирован как демонстрация доминирования и отсутствия уважения со стороны В.В. Путина. По версии агентства «Reuters», распространенной французскими источниками, причиной стало требование Э. Макрона отказаться от ПЦР-теста по соображениям безопасности его ДНК. В ответ Э. Макрон развернул гипермаскулинную кампанию: фото с бокса в боксерских перчатках, прозвище #RockyMacron в социальных сетях, демонстративные отжимания на публике (Amaral & Antunes, 2025). Это классическая компенсаторная реакция на утрату контроля: компенсаторная демонстрация силы и мужественности.

Эпизод 2: палец Эрдогана (май 2025 г.). На саммите Европейского политического сообщества в албанской Тиране Э. Макрон, подойдя к сидящему президенту Турции Р.Т. Эрдогану, попытался положить руку ему на плечо, в чем усматривался бы жест доминирования, не говоря уже о проявлении фамильярности, однако Р.Т. Эрдоган мгновенно перехватил его руку и не отпускал палец несколько секунд, буквально «обезвредив» попытку установления иерархии. Аналитики французского телеканала BFM TV (2025) заметили, что сцена «напоминала родителя, устанавливающего свою власть над ребенком». Ответа Э. Макрона не последовало – он сделал вид, что ничего

не произошло. Это классическая нарциссическая защита: минимизация травмы и ее отрицание.

Эпизод 3: пощечина от гражданина (июнь 2021 г.). 8 июня 2021 года во время визита в департамент Дром (по названию реки Дром; так во Франции называются административные округа, всего их – сто) в ходе поездки президента по регионам, встреч с гражданами, некий мужчина дал Э. Макрону пощечину, когда тот подошел к ограждению, чтобы пожать руки гражданам. Это было первое физическое нападение на президента Франции с момента его вступления в должность. Вербальная реакция Э. Макрона была немедленной: «On ne s'arrête pas, on ne cède rien. Je n'ai pas peur» («Мы не останавливаемся, мы ничего не уступаем. Я не боюсь»). Он не признал публично, что инцидент задел его; напротив, он назвал его «частным случаем», а нападавшего — «человеком с проблемами». Это классическая нарциссическая защита: минимизация травмы («это ничего не значит») и отрицание уязвимости («я не боюсь»). Как показывают И. Амарал и Э. Антунеш (Amaral & Antunes, 2025), в ответ на травмирующий эпизод Э. Макрон развернул гипермаскулинную кампанию: фотографии в боксерских перчатках (март 2024 г.), позже – фото с тренировкой на пляже (август 2025 г.), получившие в социальных сетях прозвище #RockyMacron». Такие проявления являются компенсаторной реакцией на пережитый стыд.

В целом невербальное поведение Э. Макрона подчиняется той же дихотомичности, что и его вербальный стиль. Тактильная мягкость адресована «конкретному Другому» – собеседнику в студии, отдельному гражданину, молодому блогеру. С ними президент сокращает дистанцию, использует прикосновения, задерживает рукопожатия, демонстрируя доступность и эмпатию. Однако, как только оппонент превращается в «абстрактного Другого» (оппозиция, профсоюзы, «система»), тактильность сменяется вербальной жесткостью. Более того, отказ в тактильности со стороны другого лидера (В.В. Путин, Р.Т. Эрдоган) или прямое физическое нападение вызывают у Э. Макрона переживание по поводу утраты контроля, которая компенсируется гипермаскулинной демонстрацией силы (фото в боксерских перчатках, прозвище #RockyMacron). Эта бинарность – мягкость к «своим» и ранимость/жесткость при столкновении с «чужими» – является дифференциальной характеристикой коммуникативного стиля нарциссического лидера.

Ирония и сарказм как средство дискредитации оппонента

А. Боташ (Botas, 2019) на материале предвыборных дебатов 3 мая 2017 г. показала, что Э. Макрон активно использует иронию и сарказм для дискредитации оппонента при сохранении видимости «президентского этоса». А. Боташ выделяет два типа иронии в речах Э. Макрона: антифразис (утверждение противоположного тому, что имеется в виду) и иронию-эхо (повтор слов оппонента с искажением смысла и доведением его до абсурда). По классификации П. Шародо (Charaudeau, 2013), в случае проявления иронии имеет место отношение противоположности между мыслью и высказыванием, а в случае сарказма – гиперболизация мысли в высказывании.

С. Мефта и М. Бекташ (Meftah & Bektache, 2019) указывают, что Э. Макрон использует три механизма для сохранения «президентского этоса» при использовании иронии: интонационный контроль (реплики произносятся ровным, спокойным тоном), быстрое переключение регистров (после реплики следует микропауза, после которой он немедленно возвращается к серьезному, деловому тону) и нейтральная мимика (отсутствие улыбки, подмигивания, намеков). С. Мефта и М. Бекташ резюмируют, что Э. Макрон использует иронию как контролируемую вспышку агрессии, после чего немедленно возвращается к образу «рационального менеджера», и это позволяет ему атаковать оппонента, не теряя маски президента.

В дебатах 2017 г. М. Ле Пен заявляет: «Monsieur Macron est l'enfant chéri du système et des élites» («Господин Макрон – любимое дитя системы и элит»). Э. Макрон отвечает: «Merci pour cette belle démonstration que vous venez de faire, madame Le Pen» («Спасибо за эту прекрасную демонстрацию, которую вы только что устроили, мадам Ле Пен»). Благодарность является антифразисом: он не благодарит, а высмеивает оппонента (Botas, 2019). Слово «прекрасная» в данном контексте означает обратное – «отвратительная», «ненавистная», «мерзавка».

Еще один пример прибегания к иронии – использование тактики эхо с акцентированием своего негативного отношения к оппоненту. Э. Макрон пародирует позицию М. Ле Пен, выступающей за выход из евро и закрытие границ: «"C'est trop dur la mondialisation pour nous... on va fermer les frontières, on va sortir de l'euro, de l'Europe, parce que les autres y arrivent, mais pas nous". C'est l'esprit de défaite» («Глобализация слишком трудна для нас... мы закроем границы, выйдем из евро, из Европы, потому что другие могут, а мы нет. Это дух поражения»). А. Боташ (Botas, 2019) отмечает, что

фраза «другие могут, а мы нет» не является прямой цитатой, но, по мнению Э. Макрона, отражает суть программы М. Ле Пен.

Собственный анализ корпуса интервью показывает, что ирония остается устойчивым инструментом Э. Макрона и в более поздний период (2024-2026 гг.), причем мишенью становится не только конкретный оппонент (как в дебатах 2017 г.), но и абстрактные категории («оппозиция», «профсоюзы», «критики»).

В интервью [I-M-2023-TF1], комментируя критику своей политики со стороны профсоюзов, Э. Макрон саркастически замечает: «Ils savent bien faire les choses... pour bloquer le pays» («Они точно знают, как вытворять разные делишки... чтобы в стране все блокировалось»). Это классический пример антифразиса, направленного на дискредитацию оппонента.

В интервью [I-M-2023-HD] на вопрос о критике его авторитарного стиля Э. Макрон отвечает с ироничной интонацией: «Je suis ravi qu'ils aient enfin compris que je ne suis pas là pour les séduire, mais pour agir» («Я рад, что они наконец поняли, что я здесь не для того, чтобы перед ними заискивать, а для того, чтобы действовать»). «Je suis ravi» («я рад») — антифразис, означающий «мне наплевать на их критику». Ирония здесь усиливает нарциссическую защиту: вместо того чтобы оправдываться, Э. Макрон уличает критиков в неадекватном поведении.

С точки зрения политической психологии, ирония и сарказм выполняют у Э. Макрона две ключевые функции. Во-первых, они позволяют атаковать оппонента, не выходя из образа «рационального менеджера» (Meftah & Bektache, 2019). Так, в отличие от прямой агрессии (оскорблений, крика), ирония сохраняет видимость интеллектуального превосходства – «я настолько выше вас, что даже не спорю, а лишь иронизирую». Во-вторых, ирония является инструментом нарциссического обесценивания нарциссом позиции «абстрактного Другого» (Kohut, 2003): оппонент не просто ошибается, он не заслуживает серьезного ответа, его позиция смешна и примитивна. Это позволяет Э. Макрону избегать содержательной полемики и сохранять ощущение собственной исключительности.

Стратегии кризисной коммуникации: отказ признавать ошибки

Ядром нарциссической личности можно считать нежелание или попросту отсутствие необходимости публично извиняться. По признанию Х. Кохута (Kohut, 2003), это яркий пример классической нарциссической защиты: признание ошибки разрушает образ «меня великого и могучего» (*grandiose self*). Вместо того, чтобы пойти на попятную, нарцисс использует рационализацию (объяснение неудач внешними обстоятельствами) и снимает с себя ответственность (виноваты другие).

Контент-анализ корпуса интервью Э. Макрона подтвердил, что у французского президента: 1) отсутствуют формы извинения – ни разу не были использованы конструкции «*je suis désolé*» («мне жаль»), «*je m'excuse*» («я извиняюсь»), «*j'ai commis une erreur*» («я совершил ошибку»), «*j'ai tort*» («я не прав»); 2) присутствует эвфемизация критики – в ответ на критику используется формула «*je comprends la difficulté*» («я понимаю трудность») – 15 раз в 8 интервью; 3) ответственность перекладывается на обстоятельства или кого-то другого – в 12 случаях критика переадресовывалась на внешние причины: «*c'est la conséquence de la crise sanitaire*» («это последствия кризиса здравоохранения») – [I-M-2020-LGC]; «*c'est l'héritage du passé*» («это наследие прошлого») – [I-M-2017-DS]; «*les blocages viennent de Bruxelles*» («препятствия исходят от Брюсселя») – [I-M-2023-TF1].

В интервью [I-M-2019-TIME] по поводу «желтых жилетов» журналист спрашивает Э. Макрона о гибели протестующих (несколько человек раздавлены полицейским автомобилем в Марселе, кто-то обезображен резиновой пулей в Гренобле). На это получает ответ: «*Je comprends la colère de nos concitoyens*» («Я понимаю гнев наших сограждан»). Вместо того чтобы принести извинения или признать свою ответственность за происходящее, включается рационализация.

Все эти модели поведения образуют единый стиль антикризисной коммуникации Э. Макрона. Он не извиняется не потому, что не осознает ошибку, а потому что его нарциссическая структура не позволяет ему публично признать свою уязвимость. В условиях нарастающего кризиса (2024-2026 гг.) этот стиль становится все более ригидным, что подтверждает гипотезу о «назначенном лидере»: чем больше внешние обстоятельства сопротивляются воле Э. Макрона, тем жестче становятся его нарциссические защиты.

Следует признать, что отказ от публичных извинений может быть интерпретирован не столько как нарциссическая защита, сколько как институ-

циональная стратегия, характерная для «юпитерианского» президентства Пятой республики. В рамках этой традиции публичное признание ошибки воспринимается как подрыв авторитета главы государства. Таким образом, ригидность Э. Макрона может быть отчасти следствием не личностной патологии, а адаптацией к институциональной логике французской президентской власти. В данном исследовании мы признаем наличие обеих интерпретаций, однако в проанализированных интервью институциональная логика сочетается с выраженными маркерами обесценивания оппонентов, что позволяет предположить значимость личностного фактора наряду с институциональным.

Операционализация понятия «назначенный лидер»

Для интерпретации выявленных закономерностей обратимся к теории нарциссической ярости. М.Дж. Горовиц и Р.Дж. Артур (Horowitz & Arthur, 1988) описывают этот феномен как специфическую реакцию на травму, полученную нарциссом. Это не просто гнев, а холодная, расчетливая ярость, направленная на уничтожение источника угрозы для сохранения или поднятия уровня самооценки. Авторы подчеркивают, что власть обладает двойственным эффектом: она усиливает завышенную самооценку и одновременно делает лидера более уязвимым к ударам по его самооценке. Блема Стейнберг (Steinberg, 1996) показала, что унижение и стыд являются мощнейшими мотиваторами политических решений. «Униженный нарцисс» (Л. Джонсон) бомбил Вьетнам, чтобы не прослыть трусом; «злой нарцисс» (Р. Никсон) эскалировал войну в Камбодже, пытаясь восстановить свою самооценку, разрушенную разными унижениями со стороны. М. Жоли (Joly, 2024) усматривает прямую связь между специфичной политикой Э. Макрона и «нарциссической перверсии» президента.

Эпизод со сливом журналистам разговора с В.В. Путиным в сентябре 2020 г. является классической иллюстрацией проявления защитного механизма «мести нарцисса» (narcissistic revenge). Получив от российского президента информацию, которую он счел неприемлемой (версия о самоотравлении оппозиционера), Э. Макрон не сумел переубедить оппонента в ходе разговора. Восприняв это как удар по своей компетентности и своему «голосу разума», он инициировал утечку содержания разговора в газету «Le Monde». Одновременно в своем выступлении на Генассамблее ООН он занял жесткую позицию, потребовав от России «пролить свет на попытку убийства». Этот акт можно интерпретировать как проявление нарциссической ярости, направлен-

ной на восстановление своей самооценки через публичное принижение оппонента и демонстрацию собственного морального превосходства.

Полученные результаты позволяют ввести и операционализировать понятие «назначенный лидер» (англ. appointed leader), под которым понимается политик, чья власть держится не на электоральной поддержке (которая может быть минимальной), а на функциональности для элит, которые обеспечивают его пребывание у власти как предсказуемого менеджера, проводящего определенную повестку и не создающего собственной партийной или династической альтернативы.

Данное понятие не следует смешивать с «номинальным лидером» (англ. figure-head). «Назначенный лидер» – это не декоративная, не церемониальная фигура. Он остается полноценным политическим лидером, потому что обладает реальными конституционными полномочиями главы государства, его харизма и символический капитал востребованы элитами, а в кризисных ситуациях он выступает как инструмент консолидации нации.

Операционализация понятия «назначенный лидер» проводится по пяти критериям.

1) Выдвижение не снизу. Эмпирическим индикатором является получение высшей государственной должности в обход всех мыслимых должностей по административной карьерной лестнице. В частности, Э. Макрон никогда не был депутатом, мэром или региональным советником (Zvereva, 2017);

2) Функциональность для элит. Эмпирическим индикатором становится проведение этим деятелем неолиберальной повестки. В случае с Э. Макроном достаточно указать приватизацию долей государства в крупных компаниях и проведение пенсионной реформы (Semeko, 2021);

3) Заменяемость или возможность замены без ущерба для системы. Эмпирическим индикатором является отсутствие «династического проекта», создание партии как инструмента для удержания или узурпации власти. Партия Э. Макрона «Ренессанс» не имеет автономного электората и не переживает его ухода;

4) Высокий уровень самоконтроля. Эмпирический индикатор – способность быстро переключаться между поведенческими масками, что, например, у Э. Макрона происходит – между «юпитерианским» и «народным» стилями;

5) Нарциссическая защита. Основной эмпирический индикатор – отсутствие публичных извинений или реальных дел по компенсации ущерба, причиненного кому-то или чему-то по твоей вине. В интервью, составивших

эмпирическую базу исследования, не зафиксировано ни одного случая признания ошибки.

В этой связи уместно обратиться к концепции WEIRD vs non-WEIRD, предложенной канадским антропологом Дж. Хенриком (Henrich, 2020). Согласно его подходу, страны Запада (western, educated, industrialized, rich, democratic) составляют особую категорию, для которой характерны индивидуализм, аналитический склад ума и нонконформизм, тогда как остальной мир (non-WEIRD) сохраняет коллективистские и традиционные ценностные установки. Эта дихотомия делает невозможным универсальное применение западных моделей оценки лидерства («демократ vs автократ») к незападным странам. Однако концепция WEIRD важна и для понимания внутриамериканских процессов: именно в WEIRD-странах в последние десятилетия произошел переход от национальных элит к транснациональным, что кардинально изменило требования к лидерам. Если в XIX – первой половине XX в. национальные элиты нуждались в харизматических фигурах, способных консолидировать нацию и принимать рискованные решения (Черчилль, де Голль, Рузвельт), то в эпоху глобализации транснациональные элиты – финансовые институты и транснациональные корпорации – отдают предпочтение предсказуемым технократам-менеджерам, функциональным для проведения неолиберальной повестки и не создающим собственной партийной альтернативы. Таким образом, феномен «назначенного лидера» может рассматриваться как специфический продукт современной стадии развития WEIRD-цивилизации, где смена состава элит привела к смене типа лидерства: от харизматиков-государственников – к управляемым менеджерам.

Полученные данные о психологическом профиле Э. Макрона позволяют сформулировать гипотезу, выходящую за рамки одного кейса и требующую верификации на расширенном эмпирическом материале. Если исходить из логики Дж. Поста (Post, 2004), согласно которой механизм «расщепления адресата» характерен для политиков с нарциссической структурой личности, то возникает вопрос, не является ли этот тип лидерства системным требованием современных правящих элит, особенно в Европе. Предварительное наблюдение показывает, что ряд европейских лидеров, пришедших к власти в последнее десятилетие (среди прочих, О. Шольц, У. фон дер Ляйн, П. Санчес), демонстрируют сходные паттерны: они с трудом выстраивают долгосрочные коалиции с профсоюзами, оппозицией и общественными движениями (то есть с «абстрактным Другим»), но при этом комфортно взаимодей-

ствуют с лидерами своего поколения и политического круга («конкретным Другим»). Это позволяет предположить, что транснациональные, финансовые и бюрократические структуры объективно отбирают и продвигают на ключевые посты подобных «назначенных лидеров» – политиков, чья нарциссическая структура делает их неспособными к самостоятельной консолидации власти, к созданию массовых партийных систем и к устойчивым альянсам внутри страны. Будучи оторванными от национальных коалиций, они вынуждены опираться на внешние элитные сети, что делает их управляемыми и предсказуемыми. В противовес этому типу, как показывают примеры В.В. Путина, Р.Т. Эрдогана и Д. Трампа, формируется психологический профиль иного рода: эти политики обладают более высоким уровнем автономии, способностью к ситуативной кооперации с разными силами и не столь остро нуждаются в постоянном подтверждении своей исключительности извне. Предлагаемая гипотеза требует систематической верификации на расширенном материале. Однако уже сейчас она позволяет по-новому взглянуть на феномен «назначенного лидера»: это не столько результат индивидуальной биографии, сколько ответ на системный запрос элит, заинтересованных в управляемом и предсказуемом классе политиков, лишенных способности к самостоятельной консолидации власти.

Проведенный анализ подтверждает гипотезу: стиль лидерства Э. Макрона является результатом компенсаторного нарциссизма, сформированного в раннем возрасте (дефицит родительского внимания, смещение объекта привязанности на маму мамы, ранняя фиксация на цели), и высокой способности к переключению между поведенческими масками, позволяющей ему быстро адаптироваться к разным коммуникативным ситуациям.

В соответствии с поставленной целью и задачами были получены следующие результаты.

Ключевую роль в формировании личности Э. Макрона сыграла бабушка, что привело к формированию амбивалентного типа привязанности и одновременно с этим, к появлению гипертрофированной потребности в признании и при этом страха перед эмоциональной близостью. Благодаря получению элитного образования Э. Макрон смог интегрироваться, или был интегрирован, во французский истеблишмент. Выпуск автобиографии до выборов является актом нарциссической самопрезентации, направленным на создание образа «человека-миссии».

Эмпирически подтверждено, что в спонтанных интервью Э. Макрон использует лексику долженствования и эвфемистические стратегии уклонения. Ирония и сарказм применяются им как контролируемая вспышка агрессии, после которой он немедленно возвращается к образу «рационального менеджера». В проанализированном корпусе интервью не зафиксировано ни одного случая публичного извинения или признания своих ошибок.

В результате анализа вторичных данных выяснилось, что наиболее заметные жесты Э. Макрона – соединенные ладони, «жест прецизионности» (кольцо из пальцев), сжатый кулак – свидетельствуют о потребности в доминировании и высоком уровне самоконтроля. Тактильность (прикосновения, задержанные рукопожатия, вторжение в личную зону) можно характеризовать как невербальный инструмент доминирования. Отказ в тактильности, например, со стороны других лидеров может быть интерпретирован как реакция на переживание утраты контроля, за которой через некоторое время следует компенсаторная реакция на утрату контроля: демонстрация силы и мужественности, широко освещаемая СМИ.

На основе анализа интервью и вторичных данных в риторике и поведении Э. Макрона устойчиво прослеживается ориентация на власть и личный успех при одновременно низкой потребности в эмоциональной близости и горизонтальных коалициях. Такое сочетание соответствует профилю политика, ориентированного на результат и личный успех, но не склонного к выстраиванию устойчивых горизонтальных коалиций и эмоционально близких отношений с соратниками.

Введены пять критериев, позволяющих диагностировать данный тип лидерства: 1) выдвижение через элитные сети, а не через выборные должности; 2) функциональность для элит (проведение неолиберальной повестки); 3) возможность замены без ущерба для системы (отсутствие династического проекта, своей партии как инструмент для укрепления своей власти); 4) высокий уровень самоконтроля (способность быстро переключаться между поведенческими масками); 5) нарциссическая защита (отсутствие публичных извинений, отрицание критики).

Проведено различие между «назначенным лидером» и «номинальным лидером»: в отличие от чисто декоративной фигуры, «назначенный лидер» сохраняет реальные конституционные полномочия, его харизма востребована элитами, и в кризисных ситуациях он выступает как символ национального единства.

Вклад авторов заключается в операционализации концепта «назначенный лидер», в проведении систематического анализа корпуса из 21 интервью Э. Макрона (2017-2026 гг.), в интеграции в анализ психоаналитической традиции, анализа невербального поведения и задействования обширного корпуса исследований современных российских политологов.

Основной вывод исследования: политическая устойчивость Э. Макрона объясняется не его электоральной поддержкой (которая в отдельные периоды падала до рекордных 15%), а функциональностью для элит. Элиты «держат» его как предсказуемого менеджера, не создающего собственной партийной альтернативы. Это позволяет говорить о феномене «назначенного лидера» как о системном ответе на кризис представительной демократии: когда народные массы перестают быть единственным источником легитимности, власть перехватывают транснациональные, финансовые и бюрократические структуры, продвигающие на ключевые посты управляемых технократов с нарциссической структурой личности.

Ограничения исследования включают субъективность анализа речевых маркеров (свойственную любому качественному контент-анализу), опору на вторичные данные по невербальному поведению, а также невозможность верификации всех утверждений о присущей Э. Макрону мотивационной структуре без прямого психологического тестирования политика.

Кроме того, в работе сознательно не проводился статистический подсчет речевых маркеров в силу качественного характера исследования; полученные наблюдения за частотностью маркеров (например, местоимения «je» в 2024-2026 гг.) носят иллюстративный характер и требуют дальнейшего количественного подтверждения. В качестве перспективы дальнейшего исследования предлагается проведение систематического количественного анализа выявленных речевых маркеров (лексики долженствования, маркеров отрицания критики, частотности местоимений первого лица единственного и множественного числа) на расширенном корпусе интервью для верификации полученных качественных выводов. Также не рассматривалась альтернативная гипотеза о том, что высокая частота смены премьеров может быть связана не с личной ревностью, а с институциональным дизайном Пятой республики, допускающим роспуск правительства как рутинный механизм политического управления.

Перспективы дальнейшего исследования включают сравнительный анализ с другими европейскими лидерами, расширение эмпирической базы

за счет углубленного анализа феномена «назначенного лидера» на материале других политических систем (например, постсоветских государств).

References

- Adler, A. (1997). *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understanding human nature]. Akademicheskii proekt. (In Russ.).
- Amaral, I., & Antunes, E. (2025). Macron e o conflito da sua masculinidade política (des)construída. In A. Santos & M. Oliveira (Eds.), *Media e Guerra* (pp. 103–122). Imprensa da Universidade de Coimbra.
- Botas, A. (2019). Presidential discourse analysis: Irony and sarcasm in pre-election debates. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov. Series IV: Philology and Cultural Studies*, 12(2), 3–18.
- Bowlby, J. (2003). *Privyazannost'* [Attachment]. Gardariki.
- Charaudeau, P. (2013). De l'ironie à l'absurde et des catégories aux effets. In D. Vivero García (Ed.), *Frontières de l'humour* (pp. 3–26). L'Harmattan.
- Chernega, V. N. (2024). Frantsiya nakanune vyborov v Evroparlament: strategiya E. Makrona [France on the eve of the European Parliament elections: E. Macron's strategy]. *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, (72 (88)), 26–32.
- Chikhachev, A. Yu. (2018). Vneshnyaya politika sovremennoy Frantsii: osobennosti diplomaticheskogo stilya prezidenta E. Makrona [Foreign policy of modern France: features of the diplomatic style of President E. Macron]. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 18(3), 46–52. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-3-46-52>
- Chikhachev, A. Yu. (2022). Rossiisko-frantsuzskie otnosheniya pri prezidente Emmanyuele Makrone: dostizheniya i protivorechiya [Russian-French relations under President Emmanuel Macron: Achievements and contradictions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 15(1), 86–104.
- Egorova-Gantman, E. V. (Ed.). (1994). *Imidzh lidera: Psikhologicheskoe posobie dlya politikov* [The image of a leader: A psychological guide for politicians]. Obshchestvo "Znanie" Rossii.
- Ermina, A. Yu. (2023). Kognitivnaya metafora v politicheskom diskurse prezidentov Frantsii Emmanyuelya Makrona i Sharlya de Gollya [Cognitive metaphor in the political discourse of French presidents Emmanuel Macron and Charles de Gaulle]. *Vestnik MASI*, (4), 103–107. https://doi.org/10.52470/2619046X_2023_4_103
- Faye, M., & Thiam, O. M. (2022). La sémiologie du geste chez Emmanuel Macron. *Altralang Journal*, 4(2), 213–228. <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/194682>
- Freud, S. (2010). O narotsissizme [On narcissism]. In *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Piter Lider.
- Fulda, A. (2017). *Emmanuel Macron: Un jeune homme si parfait*. Plon.

Goodliffe, G. (2025). Politicising European integration: Emmanuel Macron, cleavage unfreezing and party system transformation in France. *The International Spectator*, 60(3), 117–137.

Grunberg, G. (2022). *La République et les sauveurs*. Calmann-Lévy.

Hajer, M. A. (1993). Discourse coalitions and the institutionalization of practice: The case of acid rain in Great Britain. In F. Fischer & J. Forester (Eds.), *The argumentative turn in policy analysis and planning* (pp. 43–76). Duke University Press.

Hall, E. T. (1966). *The hidden dimension*. Doubleday.

Henrich, J. (2020). *The WEIRDest people in the world: How the West became psychologically peculiar and particularly prosperous*. Farrar, Straus and Giroux.

Horowitz, M. J., & Arthur, R. J. (1988). Narcissistic rage in leaders: The intersection of individual dynamics and group process. *International Journal of Social Psychiatry*, 34(2), 135–141.

Joly, M. (2024). *La pensée perverse au pouvoir*. Anamosa.

Kohut, H. (2003). *Analiz samosti. Sistemnyi podkhod k lecheniyu nartsissicheskikh narushenii lichnosti* [The analysis of the self: A systematic approach to the treatment of narcissistic personality disorders]. Kogito-Tsentr.

Kondrat'eva, O. N., & Yur'eva, E. E. (2025). Pretsedentnyi antroponim «Napoleon» kak sredstvo konstruirovaniya mediaobrazov evropeiskikh politikov [The precedent antroponym “Napoleon” as a means of constructing media images of European politicians]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 24(2), 42–53.

Kuralesina, E. N. (2019). Vernet li E. Makron frantsuzskomu yazyku utrachennye pozitsii na mirovom urovne? [Will E. Macron return the French language to its lost positions on the world stage?]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, (23), 110–121.

McWilliams, N. (2011). *Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process* (2nd ed.). Guilford Press.

Meftah, S., & Bektache, M. (2019). De l’ethos dit à l’ethos montré en (inter)action: E. Macron lors du débat de l’entre-deux-tours. *Studii de gramatica contrastiva*, (32), 91–106.

Post, J. M., & George, A. L. (2004). *Leaders and their followers in a dangerous world: The psychology of political behavior*. Cornell University Press.

Renshon, S. (1996). *The psychological assessment of presidential candidates*. New York University Press.

Rosanvallon, P. (2011). *La société des égaux*. Seuil.

Roy, O. (2022, April 28). *French elections, Macron's paradox: 'He won by losing'*. European University Institute. <https://www.eui.eu/news-hub?id=french-elections-macrons-paradox-he-won-by-losing.-analysis-by-olivier-roy>

Semeko, G. V. (2021). Neoliberal'nyy revansh Emmanuelya Makrona [The neoliberal revenge of Emmanuel Macron]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (3), 54–84. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.03>

Shestopal, E. B. (2023). Paradoksy politicheskogo liderstva [Paradoxes of political leadership]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (3), 181–191.

Shmandurova, A. S. (2023). Pereosmyslenie osobennostei imidzha natsional'no-konservativnykh sil vo Frantsii i kontekst protsessa [Rethinking the image features of national-conservative forces in France and the context of the process]. *Kognitivnye nauki v informatsionnom obshchestve*, 3(4). <https://knio.ru/PDF/01KN423.pdf>

Zheltova, E. S. (2020). Politicheskaya kul'tura sovremennoy Frantsii i novaya formula vlasti Emmanyuelya Makrona [Political culture of modern France and the new formula of authority by Emmanuel Macron]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*, (2 (63)), 56–61.

Zvereva, T. V. (2017). Emmanyuel' Makron: politicheskii portret [Emmanuel Macron: A political portrait]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii*, (2(12)), 21–32. (In Russ.).

Для цитирования: Стрелец, И. Э. Эмманюэль Макрон: политико-психологический профиль «назначенного лидера» / И. Э. Стрелец, Д. С. Мухортов // PolitBook. – 2026. – № 3. – С. 145-176. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-145-176.

Н.Д. Петрова**ДИСКУРС ГИБРИДНЫХ
УГРОЗ В СТРАТЕГИЯХ ЕС:
АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ О
РОССИИ И СТРАНАХ
ВОСТОЧНОГО
ПАРТНЕРСТВА****Аннотация**

Гибридные угрозы определяются в современной политологии как многоуровневые и комплексные стратегии воздействия на политических акторов. Они могут включать традиционные военные методы влияния и новые, такие как кибератаки, дезинформация, экономическое давление, энергетическое влияние, работа с гражданским обществом и другие формы скрытого воздействия. Этот термин стал активно употребляться в официальных документах Европейского союза (ЕС) еще в 2016 году и все больше используется в политической коммуникации с 2022 года в связи с жестким антироссийским внешнеполитическим курсом ЕС на фоне начала специальной военной операции.

Цель исследования – проанализировать, как Европейский союз воспринимает гибридные угрозы и определяет необходимые ответные меры на примере стран Восточного партнерства, являющихся зоной столкновения стратегических интересов России и ЕС.

В рамках исследования рассматриваются представления ЕС о гибридных угрозах, определяемых им со стороны России, а также особенности противодействия им с помощью дискурс-анализа и кейс-стади. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в раскрытии понятия и содержания гибридных угроз применительно к России, ЕС и странам Восточного партнерства, что особенно важно в условиях их все более частого использования в международных отношениях и неоднозначной трактовки, а также возрас-

N. Petrova**HYBRID THREAT
DISCOURSE IN EU
STRATEGIES: AN
ANALYSIS OF
NARRATIVES ON RUSSIA
AND THE EASTERN
PARTNERSHIP
COUNTRIES****Abstract**

Hybrid threats are defined in modern political science as multi-layered and complex strategies for influencing political actors. They can include traditional military methods of influence and new ones, such as cyberattacks, disinformation, economic pressure, energy influence, civil society outreach, and other forms of covert influence. This term became popular in official European Union (EU) documents as early as 2016 and has been increasingly used in political communications since 2022 in connection with the EU's tough anti-Russian foreign policy course amid the launch of a special military operation.

The purpose of this study is to analyze how the European Union perceives hybrid threats and determines the necessary countermeasures, using the example of the Eastern Partnership countries, which represent a zone of conflict between Russia and the EU's strategic interests.

The study examines the EU's perceptions of hybrid threats as defined by Russia, as well as the specifics of countering them, using discourse analysis and case studies.

The theoretical and practical significance of this study lies in its elucidation of the concept and content of hybrid threats as they apply to Russia, the EU, and the Eastern Partnership countries. This is particularly important given their increasingly frequent use in international relations and ambiguous interpretations, as well as rising political tensions in the Partnership countries. The study found that the European Union perceives hybrid threats as closely linked to

тающего политического напряжения в странах Партнерства. Исследование показало, что гибридные угрозы воспринимаются Европейским союзом в тесной связи с информационным и энергетическим влиянием России. Среди составляющих гибридных угроз дезинформация занимает особое место, рассматриваясь ЕС как одна из наиболее масштабных угроз безопасности в регионе.

Ключевые слова:

Европейский союз, Россия, Восточное партнерство, гибридные угрозы, дискурс-анализ, дезинформация, энергетическая безопасность.

Russia's information and energy influence. Among the components of hybrid threats, disinformation occupies a special place, being considered by the EU as one of the most significant security threats in the region.

Key words:

European Union, Russia, Eastern Partnership, hybrid threats, discourse analysis, disinformation, energy security.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-177-194>

В последние несколько лет тема гибридных угроз является одной из самых популярных в риторике ЕС и постоянно трансформирующимся нарративом в официальных документах. Глобальная стратегия Европейского союза (ЕС) «Общее видение, общие действия: более сильная Европа», утвержденная в июле в 2016 года, стала флагманским документом, обозначившим новый характер обеспечения безопасности в Европе и определившим гибридные угрозы среди приоритетных проблем безопасности Союза. Данный термин изначально относился к военным операциям и сформировался вследствие развития концепции «гибридных войн», активно используемой США в контексте борьбы с терроризмом (Bjola, Pamment, 2016, с. 133), операций НАТО и потенциальных угроз со стороны России (Muradov, 2022, с. 170). ЕС признает, что понятие «гибридные угрозы» является «политически субъективным» (Fiott, Parkes, 2019) и ему сложно дать точное определение, так как оно простирается от сферы информационной безопасности и критической инфраструктуры до подрывания авторитета правительств и влияния на общественное мнение (Rutland, Kazantsev, 2016, с. 402). При этом, самым общим объяснением концепции являются «сложности, создаваемые местным влиянием сильных государств, не входящих в ЕС», к которым ЕС в своей сфере влияния («соседстве») относит Турцию, Китай, Саудовскую Аравию и, главным образом, Россию (Sakwa, 2022, с. 42).

Сам термин «гибридные угрозы» активно расширяется и все чаще транслируется Европейским союзом в отношении России и близких территориально к ней государств. В документе ЕС «Стратегический компас по безопасности и обороне» 2022 года гибридные угрозы рассматриваются как

один из ключевых вызовов безопасности ЕС в XXI веке и как неотъемлемая часть современной конфликтности. Гибридные угрозы описываются не как единичные действия, а как скоординированное и целенаправленное использование набора инструментов, направленных на подрыв устойчивости государств-членов ЕС и Союза в целом, а также стран, находящихся в поле его нормативного и стратегического влияния (Гусейнов, Бурнасов, 2022, с. 170). ЕС в официальных документах и политических заявлениях подчеркивает «агрессию» России на Украине и ее потенциальное распространение на другие страны Восточного партнерства (Армению, Азербайджан, Грузию и Молдову), а также «манипулирование гражданским населением» в ежегодных отчетных документах и коммюнике по реализации внешней политики. Фундаментальный отчет по безопасности «Стратегический компас» содержит в себе отдельный раздел по «гибридным угрозам, зарубежному манипулированию информацией и вмешательству», что демонстрирует, насколько серьезно ЕС воспринимает и анализирует роль гибридных угроз как компонент политики безопасности в Евразии. При этом ключевым термином в ответных мерах ЕС является «стрессоустойчивость» (resilience), которая может проявляться как комплекс политических, экономических и информационных мер (Романова, Павлова, 2019, с. 41).

Данная работа преследует цель проанализировать, каким образом Европейский союз определяет и оценивает гибридные угрозы в контексте Восточного партнерства и какие меры предпринимает для противодействия этим угрозам. Важно не только выявить конкретные инструменты и стратегии ЕС, но и рассмотреть, каким образом риторика о гибридных угрозах формирует политику безопасности и международные отношения в регионе.

В ходе исследования применялся качественный дискурс-анализ, основанный на дискурсивно-историческом подходе, разработанном Р. Водак и ее последователями (Wodak, 1989; Weiss, Wodak, 2003). Данный метод позволяет выявлять устойчивые риторические паттерны, фрейминги и нарративы, используемые политическими акторами для конструирования угроз, легитимации внешнеполитических решений и формирования образов «своего» и «чужого» в политической коммуникации. В рамках анализа особое внимание уделялось повторяющимся лексическим конструкциям, оценочным категориям, метафорам и стратегическим приемам проблематизации гибридных угроз в официальном дискурсе Европейского союза.

Отбор документов ЕС для эмпирической базы осуществлялся по следующим критериям: а) наличие прямых или косвенных упоминаний гибридных угроз; б) фокус на России и странах Восточного партнерства; в) нормативный или стратегический характер документа; г) воспроизводимость клю-

чевых нарративов в нескольких источниках или же регулярное возвращение к данной тематике и акцент на ней в рамках одного источника. Для расширения дискурсивного контекста и выявления трансляции официальных нарративов в публичное пространство в исследование также были включены материалы ведущих европейских и международных СМИ за 2022–2025 гг., посвященные проблематике гибридных угроз, дезинформации, кибербезопасности и энергетической безопасности ЕС. Дополнительно использовались публичные комментарии и экспертные оценки российских и европейских аналитиков, опубликованные в медиа, что позволило сопоставить официальную риторику ЕС с альтернативными интерпретациями и критическими оценками.

В качестве дополнительного метода применялся кейс-стади, направленный на анализ специфики дискурса гибридных угроз в отношении отдельных стран Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Грузия и Республика Молдова). Выбор данных кейсов обусловлен их разным уровнем институциональной интеграции с ЕС, неоднородностью внешнеполитических ориентаций и наличием конкурирующих центров влияния, что позволяет более детально проследить вариативность и адаптивность дискурсивных стратегий ЕС. Работа также фокусируется на данных странах, так как Республика Беларусь вышла из соглашения в 2021 году, а на Украине происходит активный конфликт. В дополнение, данный метод используется для детального рассмотрения кейса Молдовы как интересного для изучения благодаря усиленной борьбе пророссийских и проевропейских сил на политической арене в данной стране в последние годы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что гибридные угрозы все чаще используются в политическом дискурсе как инструмент легитимации внешнеполитических решений, особенно в случаях внутривнутриполитической нестабильности, что демонстрирует анализ подхода к гибридным угрозам в Молдове. Анализируя, как ЕС формирует представление о гибридных угрозах и какие меры применяет для их нейтрализации, можно лучше понять динамику международных отношений в регионе и возможные сценарии их дальнейшего развития. Усиление роли политического дискурса по проблематике гибридных угроз в современном мире наблюдается как во взаимодействии России и ЕС, так и в российско-американских (Van Raemdonck, Meyer, 2024, с. 59), евро-китайских и американо-китайских отношениях.

Гибридные угрозы: понятие, виды и трактовки

Европейский совет по внешней политике дает следующее определение гибридным угрозам: «использование спонсированных государством акторов,

не всегда признающих себя государственными, не применяющих физическое насилие, цель которых – заставить объект угрозы подчиниться стратегическим интересам агрессора». В официальных документах ЕС сравнивает их с «троянским конем» современности для безопасности Союза и его соседей. Французский институт исследований национальной обороны определяет их как «асимметричные или нетрадиционные методы, используемые для дестабилизации противников» и именно в контексте России, включает в их содержание «дезинформацию, политическое вмешательство и использование прокси-сил». В отчете «Гибридные угрозы демократии в Европе» эксперты Европейской сети политических фондов связывают гибридные угрозы с «дестабилизацией» и «масштабными дезинформационными кампаниями», противостоящим «демократии в ЕС и странах-соседах». Также нередко употребляются такие фразы, как «экономическое манипулирование» и «вепонизация (т.е. использование как угрозу оружием) энергетики». ЕС упоминает про «уязвимость критической инфраструктуры» в странах-членах и соседях и подчеркивает «давление» со стороны России на энергорынок в ЕС и Восточной Европе.

В исследовательском документе ЕС «Гибридные угрозы: Комплексная экосистема устойчивости» представлено определение гибридных угроз как «угрозы военного ... и невоенного характера, например, кибератаки, повреждение критической инфраструктуры, кампании дезинформации, радикализация политического нарратива или инструментализация миграции, которые становятся все более изощренными и широко используются для эксплуатации уязвимостей Европейского союза». Подчеркивается, что «они представляют особую опасность для Европы и ее соседей, поскольку целенаправленно воздействуют на демократические системы и страны, находящиеся в процессе модернизации».

Европейские СМИ поддерживают такую риторику и нарратив актуальности и опасности гибридных угроз для ЕС. Так, в аналитической статье EUObserver отмечалось, что европейские страны «ежедневно сталкиваются с гибридными атаками, которые все чаще рассматриваются как стратегическая угроза, требующая скоординированного ответа со стороны ЕС». Журналисты ведущего французского СМИ Le Monde цитировали Генерального секретаря по национальной обороне и безопасности Франции Стефана Буйона, который утверждал, что выборы в Европейский парламент 2024 года являются «значительной мишенью» для иностранного вмешательства и гибридных угроз, включающих, по его мнению, кибератаки, манипулирование информацией (дезинформацию) и экономическое вмешательство – часто трудно поддающихся установлению и способных нанести вред стране «еще до того,

как противник достанет винтовку, подрывая общество изнутри» . Отдельно отмечался ряд «попыток дестабилизации, организованных Москвой для подрыва общественной поддержки Украины».

Гибридные угрозы часто описываются как сочетание традиционных и нетрадиционных методов — от кибератак и саботажа инфраструктуры до кампаний по дезинформации — направленных на дестабилизацию демократий (Базаркина, 2022, с. 148; Егорченков, Данюк, 2018, с. 29). Дипломат и исследователь Э. Баярунас отмечает, что «гибридные угрозы включают в себя элементы асимметрии и неожиданности...[и] неоднозначности действий государств» (Bajaraūnas, 2020, с. 63). Он справедливо подмечает, что гибридные угрозы являются «серой зоной» в современной политике, так как могут трактоваться различным образом различными политическими акторами. Это подчеркивает зависимость восприятия гибридных угроз от того или иного политического дискурса, контекста и выбора сторон политического напряжения и конфликта, а также легитимацию и обоснование действий с помощью определенной политической коммуникации (Wodak, 1989, с. 53). ЕС с помощью определенных паттернов и повторяющихся фразовых структур определяет гибридные угрозы со стороны России конкретным образом, привязывая их к актуальным проблемам поддержания влияния в соседних странах.

В контексте Восточного партнерства исследователь К. Конер полагает, что из «кольца друзей» в рамках Европейской политики соседства, разработанной еще в 2003, соседние страны ЕС превратились в «кольцо огня» из-за постоянного соперничества за власть между ЕС и Россией и стремлением ЕС охватить абсолютно все сферы экономики и политики стран Партнерства своим влиянием (Kaupert, 2022, с. 160). Это является крайне сложным из-за нечетких механизмов воздействия и ограничений влияния в связи с вопросами суверенитета стран Партнерства и членством ряда стран в интеграционных объединениях с Россией (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС). Именно поэтому практически все аспекты влияния России в странах Восточного партнерства по умолчанию воспринимаются как гибридные угрозы со стороны ЕС.

Основные виды гибридных угроз для ЕС в восточном партнерстве и кейс Молдовы

Для определения гибридных угроз для ЕС в контексте отношений с Россией и странами Восточного партнерства и выявления способов борьбы с ними рассмотрим ключевые отчетные документы ЕС последних лет.

Документ «Стратегический компас», выпущенный в 2022 году как план действий в области безопасности ЕС и его соседей в ответ на начало

специальной военной операции делает особый акцент на укрепление безопасности и сотрудничества в Восточной Европе. В тексте указано, что ЕС будет бороться с «проблемами, с которыми сталкиваются Грузия и Республика Молдова, включая враждебное вмешательство со стороны России и широкое использование военных инструментов и гибридной тактики, подрывающих их стабильность и демократические процессы». ЕС указывает, что влияние России в странах Восточного партнерства ставит под угрозу его собственную безопасность, как в политическом, так и экономическом планах из-за «усиленного влияния» России и «пророссийских сил» в странах Партнерства.

В разделе «Гибридные угрозы, кибердипломатия и иностранная информационная манипуляция и вмешательство» ЕС подчеркивает «дезинформационную кампанию вокруг агрессии на Украине», не приводя конкретных источников, и подтверждает свое стремление в развитии «стрессоустойчивости» Союза и близлежащих стран, используя «максимальные возможности по обеспечению кибербезопасности». В документе утверждается, что «Республика Молдова, Грузия и другие страны Южного Кавказа постоянно сталкиваются со стратегическими запугиваниями, прямыми угрозами их суверенитету и территориальной целостности и оказались в ловушке затяжных конфликтов». Такая риторика говорит об анализе Европейским союзом политики в Восточной Европе исключительно через комплекс своих ценностей и целей, который он преследует в рамках «демократизации» и распространения своего влияния на стран-соседей. Как отмечает А.В. Федоров, в условиях «постдемократии», когда ЕС стремится представить все, что связано с Россией, в негативном свете, гибридные угрозы превращаются в универсальный конструкт, вокруг которого предлагает объединить силы союзников ради «устойчивого демократического мира» с ЕС в его центре (2022).

В 2023 году был выпущен отчет Офиса ЕС и Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам (Hybrid CoE) под названием «Гибридные угрозы: комплексная система по стрессоустойчивости». Сам термин «стрессоустойчивость» (resilience) был также разработан ЕС в тесной связи с термином «гибридные угрозы» и воспринимается как универсальный паттерн ответа на подобные угрозы (Missiroli, 2024, с. 43). В отчете утверждается, что ключевым фактором гибридных угроз в Восточном партнерстве является «ослабление демократических процессов и интеграции стран Восточного партнерства в ЕС и НАТО». В качестве мер, осуществляемых Россией в видении ЕС, указываются:

- дезинформация и пропаганда — активное использование медиа и соцсетей для распространения «фейковых новостей» и «подрыва доверия к западным институтам»;
- кибератаки — взлом государственных систем, саботаж критической инфраструктуры (например, энергетических сетей);
- политическое вмешательство — поддержка пророссийских политических движений и радикальных группировок в странах Партнерства;
- экономическое давление — «манипулирование поставками» энерго-ресурсов и торговыми соглашениями;
- военные угрозы — размещение войск у границ стран-партнеров.

Упомянуты многократно также паттерны «подрыва демократических институтов и западных ценностей», «усиление России как сверхдержавы» и «создание образа "осажденной крепости" внутри страны для укрепления внутренней легитимности». Все это может говорить о стремлении ЕС активно взять под идеологический контроль страны Восточного партнерства и видение пророссийских сил, нормальных для политического климата данных стран, как ценностную угрозу влияния ЕС как актора мировой политики.

Якобы усиливает «информационные угрозы» со стороны России фактор распространенности русского языка в странах Восточного партнерства, из-за чего, с точки зрения ЕС и подчиненным ему медиа, искаженная информация гораздо быстрее распространяется в данных государствах и усиливает негативное влияние РФ на население и политику соседних стран, даже в контексте дружественного сотрудничества, политической и экономической помощи. В рамках проекта «Восточное партнерство 2.0» были опубликованы работы, поясняющие опасность пропаганды на русском языке для обществ Украины, Молдовы и Грузии, а также для восточноевропейского направления политики ЕС в целом.

По утверждению авторов брифа Института исследований безопасности ЕС «Проблемы в Тбилиси: как ЕС должен реагировать на движение Грузии к авторитаризму», «нелиберальные» силы, такие как Россия и Китай, «поддерживают либеральный порядок» и «развитие гражданского общества», поддерживая «авторитарных лидеров». При этом абсолютно игнорируются данные о выборах, опросы населения, внутренние проблемы в управленческом аппарате, а также экономические нужды Грузии, которые необходимо учитывать при анализе данных политических процессов (Квициани, 2024, с. 70).

В Годовом отчете о прогрессе по реализации Стратегического компаса безопасности и обороны упоминается, что Союз запустил миссию в Армении из-за «напряженной ситуации на границе с Азербайджаном», и Молдове для «поддержания устойчивости безопасности и противодействия кибератакам и

манипулированию». При этом там же ЕС четко обозначает свои интересы в данных государствах (взаимодействие с гражданским обществом, развитие инфраструктуры на гранты и «укрепление доверия»), которые с точки зрения ЕС не являются угрозой гражданскому обществу и суверенитету, при практически зеркальных действиях с Россией. В контексте Грузии и Молдовы используются такие фрейминги и фразы, как «враждебное вмешательство», «широкое использование гибридной тактики», «угроза стабильности и демократическим процессам». ЕС открыто стремится контролировать гражданское общество стран Партнерства, упоминая о развитии «демократических институтов» и специальных программ по сотрудничеству.

В Отчете «Гибридные угрозы демократии в Европе: российское и китайское влияние в странах соседства ЕС» также часто используется дихотомия «свой-чужой». Четко прослеживается контраст негативных паттернов «прокси-организаций», «навязываемого культурного влияния», «легитимизация российской внешней политики» (будто какие-либо аспекты взаимодействия России и Партнерства нелегитимны) и даже влияния православной церкви в контексте России против положительных с точки зрения ЕС паттернов «распространения демократических ценностей», «поддержке политических и экономических систем», «укрепления доверия и сотрудничества». Стандартные механизмы международного взаимодействия ЕС подсвечивает в абсолютно разных контекстах и эффектах говоря о себе и о России, что снова демонстрирует субъективность и «серую зону» определения гибридных угроз.

Отдельно стоит подчеркнуть «гибридные угрозы» в вопросах энергетики. В документах ЕС прослеживается и настороженность в отношении влияния России на страны-члены ЕС в контексте энергетической безопасности и ЕС, и восточных соседей (Vecchio, 2024, с. 156). Так, в отчете ЕС и Hybrid CoE утверждается о том, что «российская пропаганда» и «дезинформационные кампании» настроили официальных лиц и общество Германии в поддержку проекта «Северный поток-2» несмотря на санкции и «уязвимость инфраструктуры». Такая риторика говорит о разобщенности внутри ЕС и недоверии даже в рамках самого Союза.

В том же отчете «Гибридные угрозы демократии...» ЕС говорит об «уязвимостях» стран Партнерства и «энергетическом шантаже» в контексте импорта энергоносителей и, в частности, газа. При этом ничего не говорится о стабильных и действующих соглашениях между Россией и странами партнерства, а также продолжающихся закупках нефти и газа Европейским союзом, несмотря на заявления о санкциях и развитие альтернативных средств добычи энергии (Балахонова, Князькина, Арапова, 2024, с. 192). В докладе

«Защищая критическую инфраструктуру Европы от российских гибридных угроз» говорится о якобы «постоянном мониторинге» России энергетических объектов Европы и обвиняет в «саботаже» энергетических путей и «шантаже» ЕС и его стран-соседей. Проект EU NeighboursEast (Восточные соседи ЕС) также призывает снизить власть «агрессивной» России в области энергетики в регионе, «принуждающей» вести с ней торговые сделки. В их брифе подчеркивается, что Грузия стремится стать центром зеленой энергетики на Кавказе и планирует расширять свои производственные мощности с помощью инвестиций ЕС. ЕС рассчитывает на расширение энергетического сотрудничества в Партнерстве с помощью кабеля в Черном море между Грузией, Румынией и Азербайджаном, что, по мнению экспертов, повысит «стрессоустойчивость», «поощрит независимость поставок энергии» и «защитит окружающую среду». При этом проект все еще не завершился, а поставки энергии из России растут, и наше государство является лидером среди экспортеров электроэнергии на начало 2025 года. Энергетические пути, предлагаемые ЕС, нестабильны и крайне дороги, в то время как Россия наращивает энергетическое взаимодействие с Турцией для удобства поставок как внутрь страны, так и для партнеров (Макаров, Терехова, 2025, с. 126).

Анализируя гибридные угрозы, которые ЕС видит в странах Восточного партнерства, особый интерес вызывает кейс Молдовы. Вызовы в контексте гибридных угроз для Молдовы со стороны России, с точки зрения ЕС, связаны с непосредственной близостью к Украине и противостоянию пророссийских (ряд политических партий и Приднестровье) и проевропейских сил (сторонники президента Майи Санду) внутри государства. В случае этого государства ярче всего проявляются 2 аспекта гибридных угроз: энергетический и информационный.

Западные эксперты называют Молдову «наиболее уязвимой» страной Партнерства в контексте «вепонизации» энергии в регионе. Европейский комиссар по вопросам расширения Европейского союза Марта Кос на встрече с президентом Молдовы Майей Санду заявила, что «Кремль продолжает использовать энергетику как предмет шантажа» и объявила план по «полной интеграции энергетики Молдовы в систему ЕС», что представляет собой также непосредственное влияние на энергетический суверенитет страны. Стремясь снизить потребление энергии из России под давлением Брюсселя, Кишинев активно искал альтернативы поставкам из России. За последние два года Молдова начала закупать газ через европейский рынок и соседнюю Румынию. Министр энергетики Молдовы Виктор Парликов при этом отметил, что решения по закупкам будут приниматься по прагматическим мотивам, а не политическо-идейным: «Мы придерживаемся прагматичного подхода: ес-

ли цена будет лучше, тогда можем закупить у “Газпрома”. Но если цена на бирже будет выгоднее, тогда зачем переплачивать “Газпрому”?». Также важно отметить, что ЕС до сих пор не нашел ответ на то, как обойти использование электростанции в Приднестровье, которая в том числе зависит от российских источников, что, по мнению экспертов, является нежеланием усиливать нестабильность в регионе.

При этом даже государственные деятели Молдовы не согласны со стратегией ЕС по энергетическому переходу. Попытки резкого перехода на зеленую энергетику натолкнулись на ограничение выдачи лицензий, поскольку «отсутствуют необходимые балансирующие мощности и инфраструктура», как подметил эксперт по энергетике и экс-директор газотранспортной компании «Молдоватрансгаз» Андрей Дамашкин. Экс-премьер Ион Кику раскритиковал власти за заявления об «избавлении страны от Газпрома». В августе 2024 года, когда правительство ввело режим предупреждения из-за рисков прекращения транзита газа через Украину, Кику в своем Телеграм-канале с иронией напомнил обещания бывшего вице-премьера Андрея Спыну: «На днях вышел шарлатан и похвастался, что “спас страну от Газпрома”. Сегодня выходит другой и объявляет нам “тревогу”, что российский газ не может пройти...». Вячеслав Ионицэ, аналитик молдавского института IDIS Viitorul, привел данные: жители республики платят за приобретенный у европейских посредников природный газ самую высокую цену среди стран Юго-Восточной Европы, что не может не вызывать недовольства у населения. Иными словами, Молдова продолжает потреблять российский газ, но уже косвенно и с существенной переплатой.

Таким образом, все указанное выше ставит под сомнение провозглашенную «энергетическую независимость» и подчеркивает несоответствие ожиданий ЕС от экономического пути Молдовы с реальностью, где Молдове невыгодны европейские решения и неактуальны энергетические «гибридные угрозы», которые ЕС пытается ей навязать.

Говоря об информационном влиянии, важно указать, что для поддержки Майи Санду и проевропейского вектора политики Молдовы Совет Европейского союза принял решение о создании партнерской миссии ЕС в Республике Молдова (EUPM Moldova). В официальном заявлении подчеркивается, что запуск миссии обусловлен, по оценке ЕС, «ростом и продолжающимся характером попыток России дестабилизировать Молдову с использованием гибридных инструментов». Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель отметил, что развертывание миссии рассматривается Европейским союзом как политический сигнал поддержки Молдовы в условиях «нестабильной обстановки».

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова назвала такие заявления Кишинева и Брюсселя «абсолютно необоснованными и бездоказательными», заявив, что они сделаны в духе западных информационных приемов для оправдания собственной активности. Аналитик Сергей Манастырлы отметил, что власти Молдовы сами заинтересованы акцентировать внешние угрозы: по его словам, руководство стремится «заменить хлеб геополитикой», поэтому «публично идут рассуждения об угрозах со стороны России и о том, что Молдова – это чуть ли не осажденная крепость». Таким образом, внутренние проблемы, в том числе и энергетические кризисы, нередко подаются официально как следствие гибридных атак Москвы, что, по мнению ряда экспертов, служит еще и консолидации общества вокруг проевропейского курса правительства.

Как отмечают российские исследователи, в то время как Молдова с помощью ЕС якобы пытается защититься от «гибридных угроз» России, она сама же подвергается активному влиянию западных сил. Так, США с 2021 стартовали проект постройки большого посольства в Кишиневе, которое может являться военным разведывательным центром (Максимов, 2021, с. 119). При этом Молдова, согласно собственной конституции, является нейтральным государством, что идет вразрез с подобными процессами и демонстрирует гибридное влияние НАТО на страну. Как подчеркивает Н.И. Харитонова, Молдова с 2021 года открыто говорит об ориентации политики на ЕС, США и НАТО, а решение о принятии Молдовы в кандидаты в члены ЕС, объявленное президентом Франции Э. Макроном, стало открытым политическим сигналом о намеренном влиянии Запада на страну (2023, с. 102).

В одном из самых актуальных документов по Молдове, резолюции Европейского парламента «Укрепление устойчивости Молдовы к российским гибридным угрозам и злонамеренному вмешательству» 2025 г., утверждается, что Россия и связанные с ней акторы используют «широкий спектр невоенных методов давления» — от дезинформации и кибератак до нелегального финансирования политических сил и манипулирования энергетическими поставками с целью «подрыва демократических институтов, ослабления общественного доверия и сдерживания курса Молдовы на сближение с ЕС». Особо подчеркивается, что «дезинформация активизировалась» в период референдума 2024 года и в преддверии выборов 2025 года. Это серьезные обвинения, которые не подкрепляются фактами и имеют цель надавить на Россию и усилить нарратив угрозы среди населения Молдовы. Такая враждебная позиция с повторяющимися словами «угроза», «подрыв» говорит о нарастающем желании взять политику Молдовы под идеологически-нормативный контроль ЕС.

На примере Молдовы видно, как ЕС жестко пытается «переманить» под купол своего влияния страны-соседи России и выстраивает образ угрозы и давления, направленные на государства Восточного партнерства с целью продемонстрировать ЕС как «свой» актор и Россию как «чужой», невзирая на недостатки реформ и мнение гражданского населения.

Ответные меры ЕС в ответ на гибридные угрозы

Так как проблема гибридных угроз позиционируется как одна из серьезнейших в контексте безопасности Союза и его соседей, ЕС разработал отдельные проекты, структуры и институты, занимающиеся этим вопросом.

Одним из первых инструментов по борьбе с информационными гибридными угрозами стала Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (ЕС СтратКомм), созданная в 2015 году после присоединения Россией Крыма для помощи делегациям ЕС в странах Восточного партнерства (Bjola, Pamment, 2016, с. 137). Главным проектом этой группы является EU vs DisInfo (ЕС против дезинформации), сайт с новостной аналитикой и базой данных по информационным угрозам от России (Wagnsson, 2018, с. 1667; Ördén, 2018, с. 428). Новостные статьи отличаются саркастическим тоном и сопровождаются концептуальными изображениями по теме (см., приложение). EU vs DisInfo также регулярно собирает статистику по дезинформации, отражая, сколько случаев дезинформации произошло за период (месяц, неделя), на каких языках, какие главные темы были подняты в «искаженных» статьях. На сайте представлен и поиск по странам, датам и событиям, отражающий материалы, которые ЕС считает дезинформирующими. Позже группа была переименована в Оперативную группу по стратегическим коммуникациям на Востоке (East StratCom Task Force), подчеркивая важность информационного влияния в Восточном партнерстве для ЕС.

В «Стратегическом компасе» 2022 года вместе с постоянно встречающимися нарративами «укрепления стрессоустойчивости» и «подрывного влияния» других стран упоминается такая инициатива, как EU Hybrid Toolbox, что можно перевести как «набор инструментов» против гибридных угроз. В него в первую очередь входит механизм быстрого реагирования, над которым работают и эксперты ЕС, и специалисты соседних стран для экстренной помощи в случае гибридной атаки (например, кибер-атаки на информационные ресурсы или «вмешательство в энергетическую инфраструктуру», в которых ЕС регулярно обвиняет Россию). Также упоминаются и специальные службы по дезинформации, схожие с EUvsDisinfo, но фокусирующиеся больше на работе с Интернет-пространством. Меры по защите от различных видов гибридных угроз также вошли в политическую модель

CORE (Comprehensive Resilience Ecosystem) – комплексную экосистему стрессоустойчивости, в центре которой лежит принцип налаживания коммуникации между странами-членами и укреплением взаимосвязей с соседними странами, в частности Восточным партнерством. Модель предполагает, что в связи с активным развитием технологий в гибридных угрозах могут появляться новые «серые зоны», и что ЕС намерен далее прорабатывать определение гибридных угроз со своими партнерами (Larsson, 2024).

В отчете указывается, что ЕС намерен укреплять «верховенство закона и реформы, основанные на европейских ценностях, правилах и стандартах...у восточных соседей», связывая это с фреймингом «стратегических угроз и напряжения» в странах Восточного партнерства из-за действий России на Украине и «стратегического влияния» в Грузии, Молдове, Азербайджане и Армении, и собирается создавать новые соглашения для укрепления партнерства. В документе 2024 года по реализации «Компаса» говорится, что «взаимодействие ЕС с его восточными партнерами в области безопасности и обороны еще более активизировалось». Здесь же подчеркивается, что ЕС планирует развивать инициативы по расширению политики соседства и дорабатывать информационную платформу «Европейская перспектива» для укрепления связей в первую очередь с Грузией и Молдовой.

Аналитический отчет Hybrid CoE напрямую указывает на борьбу с политикой постсоветской и религиозной (православной) идентичности и «социальной мобилизации» в качестве мер против гибридных угроз и информационного влияния России в странах Восточного партнерства. В качестве «противовесов» называются политические и гражданские форумы и инициативы для гражданского общества, такие как Саммит Европейского политического сообщества в Кишиневе, открытые встречи политических лидеров, а также финансирование; так, Армения и Азербайджан получили от ЕС около 2 млрд евро на развитие общества и «демократизацию». В 2025 году рабочая группа «Восточное соседство ЕС» отметила проведение «стресс-тестов» по гибридным угрозам и тренинги по «симуляции цифровым угрозам на выборах» как метод устойчивости и противодействию «внешних атак».

В отношении экономики и энергетики ЕС подчеркивает, что Координационным центром реагирования на чрезвычайные ситуации был доработан Механизм гражданской защиты ЕС, предполагающий срочные действия, например, при полном отключении газа или электросетей. Так, утверждает, что центр «ответил на просьбы Молдовы сократить зависимость от природного газа из России» и разработал план по энергобезопасности для страны. Отчет Института по исследованиям безопасности ЕС «Укрепляя стрессоустойчивость на Востоке» также делает фокус на взаимодействие с

Молдовой и «стабилизации» Приднестровья, так как указывает на необходимость стабильных поставок газа и энергоносителей в связи с «ростом расходов» на сферу энергетики в ЕС. Соответственно, ключевым вопросом здесь является не энергетическая безопасность стран Партнерства, а благополучие ЕС.

ЕС также спонсирует проекты по развитию «зеленой» и устойчивой энергетики, включая новый кабель в Черном море и различные предпринимательские инициативы, производства, использующие технологии от ЕС по сокращению энергопотребления для того, чтобы не использовать «российские ресурсы» (Geri, 2024, с. 18). Страны партнерства также поддерживаются проектом EU4Climate, включающим в себя встречи лидеров, предпринимателей и представителей гражданского общества по темам экологии, альтернативных источников энергии и энергетическому сотрудничеству.

Европейский Союз рассматривает гибридные угрозы как один из важнейших вызовов безопасности в регионе, особенно в контексте взаимоотношений с Россией и странами Восточного партнерства. Анализ отчетных документов ЕС, таких, как «Стратегический компас» и отчет Hybrid CoE, демонстрирует, что ключевыми составляющими гибридных угроз в понимании ЕС являются информационное влияние, кибератаки, экономическое и энергетическое давление, политическое вмешательство и давление и поддержка прокси-групп. Таким образом, Европейский союз определяет данные угрозы как широкий спектр мер, направленный на укрепление влияния третьих стран на страны-члены и страны соседства ЕС, находящихся в зоне непосредственного влияния Союза.

ЕС использует фрейминг защитника демократических ценностей и разделение на категории «свой-чужой» в отношении стран партнерства. Больше всего в этой сфере проявляется нарратив «солидарности», так как в отчете делается фокус на объединенные действия стран-членов ЕС и их восточных партнеров против возникающих угроз, и «уязвимости», подчеркивая их серьезность и важность выработки мер защиты от них для ЕС и его соседей.

Практически любое влияние России на восточных соседей приравнивается к пропаганде и угрозам во многих европейских исследованиях и отчетах. В отношении России чаще всего прослеживаются нарративы «агрессии», «угроз», «негативного влияния» в странах Восточного партнерства, при том, что ЕС преследует те же интересы и использует идентичные меры влияния в сфере информационного, политического, экономического и социокультурного взаимодействия.

Гибридные угрозы, связанные с пограничным влиянием России в странах Восточного партнерства, понимаются в разрезе манипуляции информацией и политических решений, направленных на привлечение граждан этих государств и создание положительного образа России, что является критичным в контексте разделения и конкуренции интересов России и ЕС в данных странах. Информационная сфера, коммуникации и дезинформация занимают крайне важное место в определении гибридных угроз для стран Восточного партнерства с точки зрения ЕС. Многие элементы влияния России в регионе рассматриваются как способ насаждения своих интересов и «пропаганды», в связи с чем были созданы целые агентства и специальные информационные проекты ЕС, приняты планы действий и тематические документы.

Часто упоминаются и опасения ЕС насчет энергетического влияния России на страны Партнерства, которое они стремятся побороть с помощью инвестиций в альтернативные источники энергии и проекты с целью уменьшения использования ресурсов из России. При этом «альтернативные источники» регулярно бывают невыгодны странам, а также для них нет адекватной инфраструктуры, что показывает кейс Молдовы.

Меры борьбы с гибридными угрозами затрагивают и уровень органов ЕС и правительств стран, и уровень гражданского общества. Несмотря на выработку комплексов мер и специальных проектов, на данный момент внутренняя разобщенность ЕС и различные подходы стран-членов к восприятию угроз создают сложности для единой и эффективной политики соседства и укрепления влияния Союза в странах Восточного партнерства. Можно предположить, что гибридные угрозы останутся ключевым вызовом и предметом новых стратегических документов и планов для безопасности ЕС и его партнеров в ближайшем будущем, особенно в контексте информационного соперничества России и ЕС.

References

Bajarūnas, E. (2020). Addressing hybrid threats: Priorities for the EU in 2020 and beyond. *European View*, 19(1), 62-70. <https://doi.org/10.1177/1781685820901961>

Balahonova, S. I., Knyaz'kina, E. S., & Arapova, E. Y. (2024). Vliyanie antitirossijskikh sankcij ES na trgovlyu energonositelyami mezhdru Rossiej i ee klyuchevymi partnerami. *Sravnitel'naya politika*, 15(4), 188-206.

Bazarkina, D. Y. (2022). Praktika protivodejstviya gibridnym ugrozam: opyt Evropejskogo soyuza i ego gosudarstv-chlenov. *Sovremennaya Evropa*, 2 (109), 145-158.

Bjola, C., & Pamment, J. (2016). Digital containment: Revisiting containment strategy in the digital age. *Global Affairs*, 2(2), 131-142.

Egorchenkov, D. A., & Danyuk, N. S. (2018) Teoretiko-ideologicheskie podhody k issledovaniyu fenomena "gibridnyh vojn" i "gibridnyh ugroz": vzglyad iz Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 1, 26-48.

Fedorov, A. V. (2022). Gibridnye ugrozy – novyj vyzov ili zhupel postdemokratii? (zapadnyj diskurs). *Polilog*, 4(6). <https://doi.org/10.18254/S258770110023746-2>.

Fiott, D., & Parkes, R. (2019, April). Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats (EUISS Chaillot Paper No. 151). European Union Institute for Security Studies. https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf

Geri, M. (2024). Understanding Russian hybrid warfare against Europe in the energy sector and in the future "energy-resources-climate" security nexus. *Journal of Strategic Security*, 17(3), 15-34. <https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1188615>

Gusejnov, K. K., & Burnasov, A. S. (2022). Strategicheskij sdvig: ot Global'noj strategii 2016 goda do Strategicheskogo kompasa 2022 goda. *Koinon*, 3(3-4), 165-177.

Haritonova, N.I. (2023). Perspektivy integracii Moldovy v NATO. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 97, 98-111.

Kaunert, C. (2022). EU Eastern Partnership, hybrid warfare and Russia's invasion of Ukraine. *Eucrim*, 2022(2), 158-164.

Kviciani, Dzh. Dzh. (2024). Gruzinsko-rossijskie otnosheniya v sovremenom geopoliticheskom processe. *Narody Kavkaza. Tradicii i sovremennost*, 4, 68-74.

Larsson, O. (2024, April 3-6). Responses to grey zone and hybrid threats: How much resilience is enough? Paper presented at the ISA 2024 Annual Convention, San Francisco, CA. <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1856029/FULLTEXT01.pdf>

Maksimov, A. S. (2021). Ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii v usloviyah gibridnoj vojny. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 16(3), 109-130.

Markov, A. A., & Terehova, A. V. (2025). Rossiya i Turkiya: energeticheskij vektor sotrudnichestva. *Mezhdunarodny' zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2-1(101), 125-128.

Missiroli, A. (2024). From hybrid warfare to “cybrid” threats—and back? Concepts, challenges, responses. In L. Lonardo (Ed.), *Addressing hybrid threats* (pp. 40–56). Edward Elgar Publishing.

Muradov, I. (2022). The Russian hybrid warfare: the cases of Ukraine and Georgia. *Defence Studies*, 22(2), 168–191.

Ördén, H. (2019). Deferring substance: EU policy and the information threat. *Intelligence and National Security*, 34(3), 421–437. <https://doi.org/10.1080/02684527.2019.1573533>

Romanova, T., & Pavlova E. Stressoustojchivost' v Evrosoyuze i Rossiya: sut' i perspektivy novoj koncepcii // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. T. 63, №6. S. 102-109.

Rutland, P., & Kazantsev, A. (2016). The limits of Russia’s ‘soft power.’ *Journal of Political Power*, 9(3), 395–413. <https://doi.org/10.1080/2158379x.2016.1232287>

Sakwa, R. (2022). *The Russia scare: Fake news and genuine threat* (1st ed.).

Van Raemdonck, N., & Meyer, T. (2024). Why disinformation is here to stay: A socio-technical analysis of disinformation as a hybrid threat. In L. Lonardo (Ed.), *Addressing hybrid threats* (pp. 57–83).

Vecchio, A. (2024). EU energy security policy and hybrid threats. In L. Lonardo (Ed.), *Addressing hybrid threats* (pp. 149–174).

Wagnsson, C., & Hellman, M. (2018). Normative Power Europe Caving In? EU under Pressure of Russian Information Warfare. *JCMS Journal of Common Market Studies*, 56(5), 1161–1177. <https://doi.org/10.1111/jcms.12726>

Weiss, G., & Wodak, R. (2003). *Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity*.

Wodak, R. (1989). *Language, power and ideology: Studies in political discourse*.

Для цитирования: Петрова, Н. Д. Дискурс гибридных угроз в стратегиях ЕС: анализ нарративов о России и странах восточного партнерства / Н. Д. Петрова // *Polit-Book*. – 2026. – № 3. – С. 177-194. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-177-194.

НАШИ АВТОРЫ

АБРАМОВ Александр Петрович – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынков труда, Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия).

ABRAMOV Alexander – Doctor of Sociology, Main researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: abramov_ap@inbox.ru

SPIN-код: 7967-4974

ORCID: 0000-0001-9913-2449

АВЦИНОВА Галина Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры государственного управления, социальной политики и глобальных процессов, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

AVTSINOVA Galina – doctor of philosophy, professor, department of political science and international relations, Russian state social university (Moscow, Russia).

E-mail: avtsinov@rambler.ru

SPIN-код: 6686-5697

ORCID: 0000-0002-9076-5124

БУРДА Михаил Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; руководитель Центра миграционных исследований, Институт Царьград (Москва, Россия).

BURDA Mikhail – PhD of political Sciences, department of political science and political management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: byrdamix@mail.ru

SPIN-код: 7793-7164

ORCID: 0000-0003-1520-3882

ВОРОНИНА Елена Юрьевна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

VORONINA Elena – PhD in political science, Junior Researcher at the Center for the Study of Stability and Risks of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: politradi@mail.ru

SPIN-код: 3115-4685

ORCID: 0009-0001-8015-9489

ГРИШИН Олег Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы; доцент, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

GRISHIN Oleg – PhD of Political Sciences, Associate Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, RUDN University; Associate Professor, Russian State Social University (Moscow, Russia).

E-mail: grishin_oe@pfur.ru

SPIN-код: 1572-4533

ORCID: 0000-0002-0669-1012

ДЕНИСОВА Татьяна Сергеевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия).

DENISOVA Tatyana – PhD in History, Leading Research Fellow and Head of the Centre for Sub-Saharan African Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: tsden@hotmail.com

SPIN-код: 9099-3634

ORCID: 0000-0001-6321-3503

ЖИЛИН Роман Евгеньевич – младший научный сотрудник отдела европейской безопасности, Институт Европы Российской Академии Наук (Москва, Россия).

ZHILIN Roman – junior researcher, Department of European Security, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: zgilok@yandex.ru

SPIN-код: 4097-1926

ORCID: 0009-0003-5247-4814

КОСТЕЛЯНЕЦ Сергей Валерьянович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия).

KOSTELYANETS Sergey – PhD in Political Science, Leading Research Fellow and Head of the Centre for Sociological and Political Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

SPIN-код: 2391-3452

ORCID: 0000-0002-9983-9994

КОЧЕТКОВ Александр Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории российской государственности, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

KOCHETKOV Alexander – doctor of philosophy, professor at the department of history and theory of Russian statehood, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: apkoch@mail.ru

SPIN-код: 7383-9315

ORCID: 0000-0003-4609-0526

КУЗНЕЦОВА Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики, Донецкий государственный университет; старший научный сотрудник распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия).

KUZNETSOVA Elena – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy, Donetsk State University; Senior Researcher at the Distributed Scientific Center for Interethnic and Religious Problems, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: eku16@mail.ru

SPIN-код: 8358-1630

ORCID: 0000-0002-1456-2456

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра белорусских и прибалтийских исследований, Институт Европы Российской Академия Наук (Москва, Россия).

MEZHEVICH Nikolai – doctor of economics, professor, Chief Scientific Officer, Head of the Center for Belarusian and Baltic Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mez13@mail.ru

SPIN-код: 2567-5794

ORCID: 0000-0003-3513-2962

МУХОРТОВ Денис Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (Москва, Россия).

MUKHORTOV Denis – PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Language No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia).

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

SPIN-код: 8238-9974

ORCID: 0000-0002-8174-7055

ПЕТРОВА Наталия Дмитриевна – аспирант кафедры политологии и политического управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

PETROVA Nataliia – PhD student at the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

E-mail: nsharoychenko@gmail.com

SPIN-код: 1475-6402

ORCID: 0009-0001-2742-5274

СТРЕЛЕЦ Илья Эрнстович – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (Москва, Россия).

STRELETS Ilya – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Comparative Political Science, School of Governance and Politics, MGIMO University (Moscow, Russia)

E-mail: sagitil@mail.ru

SPIN-код: 7608-5970

ORCID: 0000-0003-3520-2502

THE CONTENTS

TRENDS IN MODERN WORLD POLITICS

G. Avtsinova, E. Voronina

SOFT POWER OF RUSSIA IN CENTRAL ASIA:
TRENDS OF DEVELOPMENT

6

A. Abramov

MILITARY COOPERATION TO ENSURE DEMOGRAPHIC SECURITY
IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

26

N. Mezhevich, R. Zhilin

INFORMATION AND PROPAGANDA SUPPORT FOR MILITARY SPENDING
ON THE EXAMPLE OF THE BALTIC COUNTRIES

41

A. Kochetkov

STRENGTHENING THE INFLUENCE OF TRANSNATIONAL ELITES ON
THE POLICIES OF LEADING WESTERN STATES IN THE 21 CENTURY

54

M. Burda

THE POLITICAL SUBJECTIVITY OF ETHNIC DIASPORAS IN THE CONTEXT
OF GLOBAL MIGRATION: CHALLENGES TO NATIONAL SOVEREIGNTY

68

O. Grishin

REPUTATION OF THE STATE IN MODERN POLITICAL REALITIES

83

T. Denisova, S. Kostelyanets

FROM COUP TO POLITICAL ORDER:
THE MILITARY REGIMES OF MALI, BURKINA FASO AND NIGER

96

E. Kuznetsova

FORMING SUSTAINABLE TIES OF
THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC THROUGH PUBLIC DIPLOMACY

120

I. Strelets, D. Mukhortov

EMMANUEL MACRON:
A POLITICAL PSYCHOLOGICAL PROFILE OF AN 'APPOINTED LEADER'

145

N. Petrova

HYBRID THREAT DISCOURSE IN EU STRATEGIES:
AN ANALYSIS OF NARRATIVES ON RUSSIA
AND THE EASTERN PARTNERSHIP COUNTRIES

177

OUR AUTHORS

195

ISSN 2227-1538 (Print)
ISSN 2307-4590 (Online)

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-48608 выдано
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

Адрес редакции и издателя: 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66, 7.

Тел. +7937 9539205.
E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

ООО «НИИ общественных
и политических наук»

Подписано в печать 25.09.2026
Дата выхода в свет 30.09.2026

Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал макета
ООО «НИИ общественных
и политических наук», 428023,
Россия, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Гражданская, 66.
www.iorn.ru

Свободная цена

© НИИ общественных и политических
наук, 2026.

Published by:
Institute of Social and Political Sciences

Address: 66 – 7, Graghdanskay st.,
Cheboksary, Russia, 428023

E-mail: editor@politbook.online
<http://politbook.online>

© Institute of Social and Political
Sciences, 2026.

